

КАЛЕВАЛА

КАРЕЛО-ФИНСКАЯ НАРОДНАЯ ЭПОСА

Собрал и обработал
Элиас Лённрот

Перевел Л. Бельский

Художник М. Мечев

Руны 26—50

1 875364

Издательство «Карелия» Петрозаводск, 1978

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

© «Карелия», 1978, иллюстрации.

**РУНА
ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ**

Ахти жил у мыса Кауко,
Там на острове при бухте.
Он распахивал там поле,
Бороздил свои поляны.
Было тонко ухо Ахти,
Слух имел он очень острый.
Из деревни шум он слышит,
Слышит топот по побережью.
Стук саней по льду он слышит,
Слышит стук саней в лесочке.
Мысль в уме его возникла,
В голову его запала:
Свадьбу в Похъэле справляют,
Там народ пирует тайно!
И поник он головою,
Кудри черные упали,
Кровь вдруг бросилась от злости
С побледневших щек пониже,
Бороздить не стал он больше,
Перестал пахать средь поля,

Быстро он вскочил на лошадь
И поехал прямо к дому,
К матери своей любимой,
Прямо к матери старушке.

И, придя, сказал он старой,
Так он, в дом войдя, промолвил:
«Мать, ты милая старушка!
Дай поесть мне поскорее,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы голод утолил я;
Затопи мне также баню,
Приготовь скорей купанье,
Чтоб я мог омыть все тело
И предстать в красе героя!»

емминкяйнена мать тотчас
Пищу быстро собирает,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы жажду утолил он,
А потом готовит баню,
Сыну славное купанье.

И веселый Лемминкяйнен
Съел сперва поспешно пищу.
Поспешил потом он в баню.
Он отправился в парилку;
Там и выкупался зяблик,
Вымыл тело подорожник,
Голова, как лен, белела,
И блестела ярко шея.

н пришел в избу из бани,
Говорит слова такие:
«Мать, ты милая старушка!
Ты пойди в овин на гору,
Вынь прекрасную рубашку,
Принеси кафтан покрепче,

Чтоб в него я мог одеться,
Мог в кафтан облечь бы тело!»

Мать его спросила прежде,
Начала расспрос хозяйка:
«Ты куда идешь, сыночек,
На охоту ли за рысью,
Иль поймать ты хочешь лося,
Иль стрелять ты будешь белок?»

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Дорогая, мать родная!
Не хочу идти за рысью,
Не пойду ловить я лося
И стрелять не буду белок;
В Похъёлу иду на свадьбу,
Там на тайную пирушку.
Дай получше мне рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтобы в нем гулять на свадьбе,
Красоваться на пирушке!»

Мать сыночку запрещает,
И жена не позволяет,
Обе дочери творенья,
Порожденные природой:
Пусть не едет Лемминкяйнен,
В Похъёлу нейдет на свадьбу.

Мать как вот сыну говорила,
Так твердила мать старушка:
«Не ходи, сыночек милый,
Мой сыночек, милый Кауко,
В Похъёлу на пир великий,
На большую ту пирушку!
Ведь тебя туда не звали
И совсем не приглашали».

Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Лишь дурной идет по зову —
Молодец идет без зова;
Есть у Ахти приглашенье,
Есть у Ахти побужденье:
Меч мой с огненным железом,
Мой клинок, что мечет искры».

Мать же о своем хлопочет,
Удержать сыночка хочет:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В Похъёлу на ту пирушку!
Ведь на улицах там ужас,
Чудеса там на дороге:
Трижды смерть грозит герою,
Трижды там грозит погибель».

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Смерть повсюду видит старый,
И везде ему погибель.
Муж нигде не побойтся,
Муж нигде не устрашится.
Но пусть будет, как кто хочет:
Ты скажи-ка, дай послушать,
Что за первая погибель
И последняя какая?»

Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
«Я скажу тебе по правде,
А не так, как ты желаешь.
Вот где первая погибель,
Из погибелей всех прежде.
Ты пройдешь, сынок, немного,
День один всего проедешь,

Встретишь огненную реку
На пути среди дороги;
В ней кипит огнем пучина,
И горит скала в пучине;
На скале той холм сверкает,
На холме орел пылает,
Ночью он все зубы точит,
Днем навастривает когти
На чужих, кто там проходит,
На людей, кто ходит близко».

твечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Так пусть бабы умирают,
Но не это смерть для мужа.
Знаю я на это средство,
Тут я справлюсь сумею.
Чародейством сотворю я
Из ольхи с конем героя,
Чтобы мимо он проехал,
Чтоб взамен меня промчался.
Сам нырну я тотчас уткой,
Опущусь я быстро в волны
Под орлиными когтями,
Под когтями этой птицы.
Дорогая, мать родная!
Ты скажи вторую гибель».

емминкяйнена мать молвит:
«Вот тебе вторая гибель:
Ты проедешь лишь немного
И в течение дня второго
Ров ты огненный увидишь.
Он лежит среди дороги,
Протянувшись и к востоку,
И на запад бесконечно.

Полон ров камней горячих,
Глыб он полон раскаленных;
Там уж сотни пострадали,
Там уж тысячи погибли.
Были сотни те с мечами,
Эти тысячи с конями».

твечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Не от этого смерть мужу,
Не от этого герою,
Знаю средство и на это,
Тут исход себе найду я:
Превращу я снег в героя,
Изо льда создам я мужа,
Погоню героя в пламя
И вгоню его я в пекло,
В ту пылающую баню;
С медным венником пойдет он;
Сам скользну я стороною.
Проскочу я через пламя;
Борода не обожжется,
Не сторят нисколько кудри.
Дорогая, мать родная!
Ты скажи мне третью гибель».

емминкяйнену мать молвит:
«Вот какая третья гибель:
Как еще проедешь дальше,
День еще в пути пробудешь,
Будешь в самом узком месте.
Встретишь Похъёлы ворота,
Там блуждает волк во мраке,
В темноте медведь там бродит —
Там, где Похъёлы ворота,
Там на самом узком месте

Уничтожены уж сотни,
Сгибли тысячи героев.
Отчего ж тебя не съестъ бы,
С беззащитным не покончить?»

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Можно там сожрать ягненка,
Разорвать его на части,
А не мужа, пусть дурного,
Не героя, пусть плохого!
А на мне ведь мужа пояс,
А на мне застежка мужа,
Я ношу героев пряжку,
Чтобы мог спастись наверно
Я от пасти волка Унто,
Заколдованного зверя.

Знаю, как пойти на волка,
Знаю средство на медведя:
Колдовством узду на волка,
На медведя цепь надену,
Рассеку его я сечкой,
Раскрошу я на кусочки
И тогда пойду свободно
И свой долгий путь я кончу».

Лемминкяйнену мать молвит:
«Не конец еще и это:
Это ты найдешь в дороге.
Чудеса в пути большие:
Там три ужаса найдешь ты,
Три погибели для мужа.
Но когда туда дойдешь ты,
Чудеса найдешь страшнее.
Ты пройдешь еще немного —
Похъёлы там двор увидишь:
Частокол в нем из железа,

А вокруг из стали стены,
От земли идут до неба
И к земле идут от неба,
И стоят, как колья, копыя —
Змен в них переплелися,
Вместо прутьев там гадюки,
Ящерицы вместо связок
И играют там хвостами
Да шипят все головами,
Дол шипеньем оглашают,
Головы приподымают.

На земле простерлись змен,
Растянулись гадюки,
Вверх подняв язык шипящий,
А хвосты внизу качают.
Но одна, что всех страшнее,
Залегла у входа прямо.
Подлинней она, чем балка,
Перекладины потолще,
Языком шипит высоко,
Пасть раскрыла, угрожая
Не кому-нибудь другому,
Одному тебе, несчастный».

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть так дети умирают,
Но не это смерть героя.
Колдовством огонь уйму я,
Утомить сумею пламя,
Змей сгоню я чародейством,
Отгоню гадюк оттуда.
Пропахал же поле прежде,
Что все змеями кишело,
И с гадюками поляну;

Змей я голыми руками,
Змей держал я просто пальцем,
Пальцем я держал гадюку;
Змей десятки убивал я
И гадюк до сотни черных;
Кровь змеиная осталась,
Жир гадюки здесь на пальцах,
Пропаду не так-то скоро,
Никогда не попадусь я,
Как кусочек, в зев змеиный,
В пасть гадюки разъяренной.
Сам давить дрянных я буду,
Растопчу я этих скверных,
Загоню я змей, колдуя,
Прогоню гадюк с дороги;
Двор тот Похъёлы пройду я
И войду в избу свободно».

Лемминкяйна мать молвит:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В дом тот Похъёлы суровой,
В то жилище Сариолы!
Там герои все с оружием,
Опоясаны мечами,
От питья хмельного шумны
И озлоблены от пьянства:
Заколдуют там бедняжку
На концах мечей огнистых.
Посильней тебя убиты,
Похрабрей от чар погибли».

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ведь уж я немало пожил
В этих избах Сариолы;
Не со мной лапландцу сладить,
Не побьет меня турьянец —

Сам лапландцев заколдую,
Сам побью я там турьянцев,
Расколю в куски их плечи,
Продырявлю подбородки,
Распорю рубашки ворот,
Грудь разрежу на кусочки».

емминкяйнену мать молвит:
«О, несчастный мой сыночек!
Ты все думаешь о прошлом
И все хвастаешься прежним.
Ты, конечно, долго пробыл
В этих избах Сариолы.
Весь ты был в дремотных волнах,
В волнах, травами покрытых,
Побывал в пучине темной,
Там упал с потоком книзу.
Маналы измерил реку,
Черной Туонслы течение,
Был бы там и посегодня,
Если бы не мать-бедняжка.
Ты послушай, что скажу я.
К избам Похъёлы пойдешь ты,—
Там все колья на пригорке,
Огорожен двор столбами,
И по черепу на каждом.
Лишь один пока не занят,
Для того, чтобы на этом
Голова твоя сидела».

твечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть глупцы на это смотрят
И бездельники боятся
Лет пяти, шести в сраженьях,
Даже лет семи военных;

Но герои не боятся
И нисколько не страшатся.
Дай военную рубашку,
Принеси вооруженье!
Подниму я меч отцовский,
Посмотрю клинок я старца;
Долго он лежал холодный,
Долго был он в темном месте,
Много плакал постоянно,
Тосковал, без дела лежа».

Взял военную рубашку,
Взял все старое оружие,
Взял клинок отцовский, верный,
Взял отцовскую секиру,
Острием ударил об пол,
В потолок концом ударил
И качнул клинок рукою,
Как черемушную ветку
Иль растущий можжевельник.
И промолвил Лемминкяйнен:
«Кто тут в Похьёле найдется,
На пространстве Сарнолы,
Кто б свой меч померил с этим,
На клинок меча взглянул бы?»

Со стены он лук снимает,
Лук с гвоздя снимает крепкий,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Назову того героем
И того признаю мужем,
Кто мой лук согнуть сумеет,
Тетиву на нём натянет
Там, в жилищах Сарнолы,
В избах Похьёлы суровой».

Вот веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Взял военную рубашку,
Он надел вооруженье
И потом рабу промолвил,
Говорит слова такие:
«Ты, мой купленный работник,
Раб, доставшийся за деньги!
Снаряди скорее лошадь,
Снаряди коня для битвы,
Чтоб я мог на пир поехать,
К людям Лемпо на пирушку!»
И, послушный приказанью,
Раб пошел на двор поспешно,
Он ретивую запряг там,
Красно-пламенную лошадь
И, пришедши, так промолвил:
«Я исполнил приказанье
И лошадку приготовил;
Конь стоит уже в запряжке».
Лемминкяйнену пора бы
И в дорогу отправляться.
Так одна рука велела,
Но противилась другая;
И пошел, как думал раньше,
Вышел смело, без боязни.

ыну мать совет давала,
Так дитяти мать старушка
У дверей, у самой печки,
У сиденья говорила:
«Мой единственный сыночек,
Ты, дитя, моя опора!
Поспешаешь на пирушку
И придешь, куда ты хочешь

Пей ты кружку вполовину,
Пей ты чашку до середины,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже:
В чашке черви копошатся,
Там на дне сосуда змеи!»

еще сказала сыну,
Наставления давая
На окраине поляны,
На околице в калитке:
«Коль пойдешь ты на пирушку
И придешь, куда придется,
Ты сиди на полсиденье,
Занимай полполозицы,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже.
Только так ты будешь мужем,
Будешь истинным героем,
Чтоб пройти тебе толпою,
Чтоб пройти под говор шумный
Через толпу героев сильных,
Через множество бесстрашных!»
Поспешает Лемминкяйнен,
Чтобы сесть скорее в сани;
Он коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плеткой,
И летит оттуда лошадь,
Шумно вдаль несет героя.

ншь немного он отъехал,
Лишь часочек он проехал,
Чернышей увидел стаю:
Поднялася стая кверху,
Отлетели быстро птицы
Перед лошадью ретивой.

Перьев несколько осталось
От их крыльев на дороге.
Поднял перья Лемминкяйнен
И в карман себе запрятал.
Он не знал, что статья может,
Что случится по дороге:
Все ведь может пригодиться,
При нужде всему есть место.

уть подальше он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Конь зафыркал среди дороги,
Испугался, вислоухий.

Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъелн,
Поднялся повыше в санках
И, вперед нагнувшись, смотрит:
Вот, как мать и говорила,
Как старушка уверяла,
Перед ним река пылает,
Пред конем среди дороги
Водопад горит в потоке,
Средь него скала пылает,
На скале сверкает холмик,
А на нем орел горящий
Изрыгает пламя горлом;
Так и бьет огонь из глотки,
Пышут огненные перья,
Мечут огненные искры.

видал вдали он Кауко,
Лемминкяйнену промолвил:
«Ты куда стремишься, Кауко,
Держишь путь свой, Лемминкяйнен?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:

«Еду в Похъёлу на свадьбу,
Там на тайную пирушку.
Повернись, орел, немного,
Отойди чуть-чуть с дороги,
Дай ты путнику дорогу,
Лемминкяйнену тем боле;
Пусть он тронется сторонкой,
Пусть он краешком проедет!»

как орел ему ответил,
Крикнул огненной глоткой:
«Дам я путнику дорогу,
Лемминкяйнену тем боле;
Пусть пройдет моей он глоткой,
Пусть по горлу погуляет;
Вот куда тебе дорога,
Вот куда ты мчаться должен;
Долгий пир там приглашенным,
Бесконечное безделье».

умал Ахти тут недолго,
Был он очень озабочен.
Он в карман поспешно лезет,
В кошельке своем он ищет,
Вынул перья чернышей он,
Сбил поспешно их в комочки,
Трет обеими руками;
Между пальцами потер их —
Глухарей возникло стадо,
Стая рябчиков явилась;
Он орлу их в глотку бросил,
В пасть ему, как корм, направил.
Кинул в огненное горло,
В зубы огненной той птицы;
Так отправился он дальше,
В первый день от смерти спасся.

Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной;
Конь бежит оттуда прямо,
Скачет дальше жеребенок.

Вот немного он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Снова лошадь испугалась
И заржала, стала снова.

Поднялся он на сиденье
И, вперед нагнувшись, смотрит.
Вот, как мать и говорила,
Как старуха уверяла:
Перед ним пылает пропасть,
И как раз среди дороги
Широко лежит к востоку,
Без конца идет на запад,
Вся полна камней горящих,
Глыб огромных раскаленных.

Аумал Ахти тут недолго,
Обратился к Укко с просьбой:
«О ты, Укко, бог верховный,
Дорогой отец небесный!
С севера пошли мне тучу,
С запада пошли другую,
Третью ты пошли с востока,
Также с северо-востока,
И ударь ты их краями,
Пустоту меж них заполни,
Снег пошли ты толщей в сажень,
Вышиной с копые героя
На горящие каменья,
На пылающие глыбы!»
Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди,

С севера тут гонит тучу,
Гонит с запада другую,
Третью гонит он с востока,
Также с северо-востока,
Их ударил друг о друга,
Пустоту меж них заполнил,
Снег послал он толщей с сажень,
Вышиной с копье героя,
На горящие каменья,
На пылающие глыбы:
Озеро из снега вышло,
А на нем бушуют волны.

Чародейством Лемминкяйнен
Ледяной там мост устроил
Через озеро со снегом
С одного конца к другому.
Спасся он и во второй день
От погибели, от смерти.

Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной,
Быстро едет конь оттуда,
Мчится дальше по дороге.
Мчится он версту, другую,
Проскакал еще немного,
Вдруг скакун остановился,
Точно вкопанный, на месте.

Сам веселый Лемминкяйнен
Соскочил с саней и смотрит:
Волк стоит как раз при входе,
Там медведь стоит в проходе,
В самом въезде в Сариолу
И как раз в конце проезда.
И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели.

Тут в карман рукою лезет,
Ищет быстро в кошельке он,
Вынимает шерсть овечью,
Быстро трет ее в комочки,
Трет обеими руками,
Растирает между пальцев.

Только раз он в руки дует
И овец из рук пускает,
Стадо целое ягнят,
Много ярочек веселых.
Волки тут к стадам стремятся,
Их ловить медведи мчатся —
А веселый Лемминкяйнен
Скачет дальше по дороге.

Лишь немного поотъехал,
Похъёлы он двор увидел.
Из железа там ограда,
И забор из стали сделан.
Тот забор — в земле сто сажень,
Сажень тысячу до неба;
Копья были там столбами,
Змеи были там жердями,
Их гадюками скрепили,
Ящерицами связали,
И хвосты у них висели,
С свистом головы шипели,
Черепки вверху качались,
А хвосты мотались снизу.

Тут веселый Лемминкяйнен
Призадумываться начал:
«Это — как мне мать сказала,
Мне родимая твердила.
Вот забор стоит тот самый,
От земли идет до неба;

Глубоко ползут гадюки,
А забор еще поглубже;
Высоко летают птицы,
А забор еще повыше».

Все же вышел Лемминкяйнен
Из беды и затрудненья:
Тотчас вынул нож из ножен,
Вынул страшное железо,
Колет яростно ограду,
Разломал ее в кусочки,
Расколочил забор железный,
Ту зменную ограду;
Пять жердей ее ломает,
Семь шестов ее высоких;
Сам потом поехал дальше,
К тем воротам Сарнолы.

а пути змея лежала,
Поперек дороги самой;
Подлинней она, чем балка,
Всякой притолки потолще;
Сотней глаз змея глядела,
Жал до тысячи имела;
Шириной глаза с решета,
А язык с копье длиною,
Как зубцы у грабель — зубы,
Шириной спина в семь лодок.

Не посмел тут Лемминкяйнен
Проезжать прямой дорогой
Мимо той змеи стоглазой,
Мимо тысячеязычной.

промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ты, змея, что под землею,—
Туонелы червяк ты черный,

Ты, что ползаешь в колосьях
И в корнях растений Лемпо,
Извиваешься по дерну
И ползешь в корнях деревьев!
Кто же выслал из колосьев,
Кто послал с корней растений,
Чтобы здесь могла ты ползать,
По дороге извиваться?
Кто твой зев высоко поднял,
Кто тебе дал приказанье,
Чтоб ты голову вздымала,
Шею высоко держала?
Это мать твоя, отец твой,
Иль, быть может, брат старейший,
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?

Зев закрой, главой поникни
И язык сокрой свой легкий,
Ты свернись клубком плотнее,
Там в один клубок ты свейся.
Ты оставь мне полдороги,
Пропусти скитальца дальше
Иль уйди совсем с дороги,
Уползи, змея, в кустарник,
Уходи ты, злая, в вереск,
Удались, во мху сокройся,
Уходи, как клочок из шерсти
И как стружка из осины.
Головой в траву уткнися,
Устрями ее на холмик,—
В дерне лишь твое жилище
И убежище под кочкой;
Если голову поднимешь,
Разобьет ее там Укко

Закаленную стрелю,
Тем железным страшным градом!»
Так промолвил Лемминкяйнен.
Не послушалась гадюка,
Все шипит ужасным жалом,
Высоко шипит, поднявшись,
Угрожает страшным зевом,
Голове грозит героя.

И промолвил Лемминкяйнен,
Слово древности припомнил,
Что он слышал от старушки,
Что от матери узнал он.
Так промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Коль ослушаешься слова
И отсюда не уйдешь ты,
Так своей болезнью вспухнешь
И раздуешься от боли;
Ты растрескаешься, злая,
На три части ты, дрянная,
Если мать твою найду я,
Отыщу твою старуху.
Знаю я начало толстой,
Знаю изверга рожденье:
Мать твоя ведь — людоедка,
Мать твоя — из глуби моря.

Мать твоя плевала в воду
И слюну пускала в волны.
Шесть годов ее качало
И баюкало теченьем:
Шесть годов она качалась.
Все семь лет она носилась
На хребте блестящем моря,
На вздымающихся волнах.

Там вода слюну тянула,
Ей давало гибкость солнце,
И потом прибой отбросил.
Волны к берегу погнали.

В от три дочери творенья
Вышли к берегу морскому,
К краю шумного течения,
И слюну там увидали;
Так они сказали слово:
«Из слюны что может выйти,
Если ей творец даст душу
И глаза он ей дарует?»
Услыхал творец те речи,
Говорит слова такие:
«Только дрянь из дряни выйдет,
Из дурных отбросов злое,
Если я вложу в них душу,
Если им глаза дарую».
Услыхал слова те Хийси,
Он готов к дурному делу;
Приступил он сам к созданию,
Даровал слюне он душу,
Той, что Сюзтар бросала,
Что выплевывала злая.
Из слюны змея явилась,
Вышла черная гадюка.

И з чего ей жизнь досталась?
Из углей, из груды Хийси.
У змеи откуда сердце?
Сюзтар дала ей сердце.
Из чего мозги гадюки?
Из морской кипучей пены.
Чувства изверга откуда?
Из пучины водопада.

Голова дрянной откуда?
Из боба дрянного вышла.

Из чего глаза гадюки?
Из зерна льняного Лемпо.
Уши изверга откуда?
Из листов березы Лемпо.
Из чего же рот зменный?
Он — из пряжи людоедки.
Из чего язык гадюки?
Дал копье ей Кейтолайнен.
Что такое зуб гадюки?
С Туонелы ячменный усик.
Что такое десны злобной?
Десны девы бога смерти.

Аспина змеи ужасной?
То — печной ухват у Хнйси.
Хвост откуда появился?
Из косы нечистой силы.
Из чего гадюки чрево?
То бог смерти дал свой пояс.
Вот твое происхожденье,
Вот, змея, твоя краса!
Ты, подземная ползунья,
Туонелы червяк ты черный,
Цвет земли и цвет осины,
Пестрой радуги цвета все.
Ты уйди скорей с дороги
Перед едущим героем,
Дай мне, путнику, дорогу,
Лемминкяйнена пусти ты;
Едет в Похъёлу на свадьбу,
Мчится он на пир великий!»
Вот свивается гадюка,
Та стоглазая сползает,

Лезет толстая гадюка —
По другой ползет дороге;
Мог пройти свободно путник,
Лемминкяйнен мог проехать.
Мчит он в Похъёлу на свадьбу,
Мчит на тайную пирушку.

РУНА
ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

иновал теперь мой Кауко,
Ахти, мой Островитянин,
Пасть смертей свирепых многих,
Глотку губельного Калмы,
Прибыл в Похъёлы жилище.
В дом на тайную пирушку.
Должен я теперь поведать,
Продолжать рассказ я должен,
Как веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
В Похъёлы селенье прибыл,
В Сариоле появился,
Как пришел незванный в гости
И на пир без приглашенья.
Вот веселый Лемминкяйнен,
Удалец, цветущий жизнью,
Подойдя, в избу проходит,
Вышел он на середину —
Пол из липы покачнулся,
И гудит изба из елей.

Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Ну, здорово, вот и я здесь!
Здравствуй тот, кто сам так скажет!
Слышишь, Похъёлы хозяин,
На твоём дворе найдется ль
Ячменя на корм лошадке,
Пива доброго мне выпить?»

Сам тут Похъёлы хозяин,
На углу стола сидевший,
Отвечает так оттуда,
Говорит слова такие:
«На дворе моем нашлось бы
Твоему коню местечко,
Я тебе не отказал бы,
Если б ты вошел, как должно,
У дверей остановился,
У дверей бы, у порога,
Там, где наш котел поставлен,
Возле трех крюков котельных».

Обозлился Лемминкяйнен,
Кудри черные откинул,
Как котел, черны те кудри;
Говорит слова такие:
«Пусть придет сюда сам Лемпо,
У дверей у этих станет,
Перепачкается в саже,
В черных пятнах постоит здесь!
Никогда отец мой прежде,
Никогда мой милый старец
Не стоял на этом месте,
Под стропилами у входа.

На скамье имёл он место,
Для коня имел он стойло,
Для людей избу имел он,
Для своих перчаток угол,
Гвоздь, где обувь мог он вешать,
Для мечей имел он стены.
Отчего же мне нет места,
Как отцу бывало прежде?»

Он прошел в избу подальше,
У конца стола садится,
На краю скамейки длинной,
На конце скамьи сосновой:
Хрустнула в ответ скамейка,
Сильно вся под ним погнулась.
И промолвил Лемминкяйнен:
«Видно, я пришел некстати,
Что мне пива не приносят,
Мне, сидящему, как гость, здесь».

Ильпотар, сама хозяйка,
Так в ответ сказала слово:
«О ты, юный Лемминкяйнен!
Ты, по мне, не смотришь гостем!
Головы моей ты ищешь,
Раскрыть виски мне хочешь!
В ячмене пока здесь пиво,
А ячмень пока лишь солод,
Не замешана пшеница,
Мясо вовсе не готово.
Что б тебе вчера приехать
Иль приехать хоть бы завтра».
Пуще злится Лемминкяйнен,
Так, что рот перекосился,

Набок волосы все сбились.
Говорит слова такие:
«Значит, кушанье поели,
Уж окончили пирушку,
Поделили вы все пиво,
Мед весь выпили до капли,
Унесли уже все кружки
И убрали все кувшины!

Ау, ты Похъёлы хозяйка,
Длиннозубая, послушай!
Уж и справила ты свадьбу,
По-собачьи люд созавши.
Испекла большие хлебы,
Наварила много пива,
По шести местам сзывала,
Девять наняла дружков ты:
Позвала убогих, бедных,
Позвала навоз, отбросы,
Позвала людей последних,
Всех поденщиков в лохмотьях,
Позвала народ ты всякий —
Лишь меня не пригласила!

Как могло со мной случиться,
Что я сам ячмень просыпал?
Все его несли ковшами,
Все умеренно ссыпали,
Я ж его большою кучей
Четверть целую просыпал,
Собственный ячмень хороший,
Из зерна, что я посеял.
Но не будет Лемминкяйнен
Гостем с именем хорошим,

Коль ему не будет пива
И котла пред ним не будет,
И в котле не сварят пищи,
Фунтов на двадцать свинины,
Не дадут ни есть, ни выпить
После дальней той дороги».

Ильпотар, хозяйка дома,
Говорит слова такие:
«Эй ты, девочка-малютка,
Ты, слуга моя, рабыня!
Принеси в котле съестного,
Поднеси ты гостю пива».

та малая девчонка,
Что посуду быстро мыла,
Что все ложки вытирала,
Все ковши там вымывала,
Принесла в котле съестного,
Рыбьи головы да кости,
Да ботвы увядшей репы,
Да сухую корку хлеба.
Принесла в кувшине пива,
Пива жидкого, дрянного,
Чтобы выпил Лемминкяйнен,
Чтобы жажду утолил он.
Говорит слова такие:
«Если муж ты настоящий,
Выпьешь разом это пиво,
Весь до дна кувшин осушишь».

ут веселый Лемминкяйнен
Посмотрел на дно кувшина,
А на дне лежат гадюки,
Змеи плавают в середке,

Черви ползают по краю,
Видны ящерицы в пиве.

И сказал ей Лемминкяйнен,
Обозлившись, Каукомъели:
«В Туонелу — за это пиво,
В Маналу — за эту кружку —
Раньше, чем взойдет здесь месяц,
Раньше, чем взойдет здесь солнце!»
И затем сказал он слово:
«Пиво, ты дрянной напиток!
Набралось теперь ты сраму
И таким ты гадким стало!
Это пиво все ж я выпью!
Но всю нечисть наземь брошу,
Безымянным брошу пальцем,
Левым пальцем побросаю!»
Опустил в карман он руку,
Поискал в своем мешочке
И крючок оттуда вынул,
Из мешка крючок удильный,
Опустил его он в кружку,
В пиво он крючок забросил.
На крючок попались змеи,
Зацепилися гадюки,
Сотню вытащил лягушек,
Тысячи червей попались.
Побросал он их на землю.
Покидал все это на пол;
Вынимает острый ножик,
Лезвие из ножен злое;
Змеям головы отрезал,
Разрубил гадюкам шеи,—
Темный мед охотно выпил,
С удовольствием все пиво.

Говорит слова такие:
«Видно, гость я нежеланный,
Что не подали мне пива,
Не дали питья получше,
Не дали питья побольше,
Не дали в большом сосуде,
Не зарезали барана
И быка мне не убили,
Не внесли вола в избу мне,
Двухкопытного в жилище».

Сам тут Похъёлы хозяин
Говорит слова такие:
«Ты зачем сюда явился,
Кем сюда ты зван, ответь-ка?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Званный гость хорош, конечно,
А незванный гость дороже.
Слушай ты, сын похъёланца,
Слушай, Похъёлы хозяин!
Дай за деньги пива выпить,
За наличные продай мне!»

Злится Похъёлы хозяин,
Обозлился, стал свирепым,
Обозлился, рассердился,
Колдовством прудочек сделал
Лемминкяйнену под ноги.
Говорит слова такие:
«Вот река, пей сколько хочешь,
Похлебай воды из пруда».
Не задумываясь долго,
Отвечает Лемминкяйнен:

«Не теленок я у бабы,
Я совсем не бык хвостатый.
Чтобы пить речную воду,
Чтоб лакать ее из лужи».

ам он начал чародейство,
Приступил к волшебным песням:
На полу быка он сделал.
С золотыми бык рогами:
Бык тот выхлебал всю лужу,
Без остатка выпил воду.

Похъёлы сын долговязый
Сделал волка чародейством;
На полу избы он сделал,
Чтоб тому быку погибнуть.

Но веселый Лемминкяйнен
Сделал беленького зайца,
Чтобы по полу он прыгал
Перед пастью злого волка.

Похъёлы сын долговязый
Сделал жадную собаку,
Чтоб она убила зайца,
Чтоб косого растерзала.

о веселый Лемминкяйнен
Сделал белку на стропилах,
Чтобы прыгала по балкам,
Лай собаки вызывала.

Похъёлы сын долговязый
Сделал желтую кунницу:
Погнала кунница белку
И поймала на стропилах.

Но веселый Лемминкяйнен
Сделал бурую лисицу:

Чтоб она куницу съела,
Чтоб красивую убила.

П

охъёлы сын долговязый
Сделал курицу тотчас же,
Чтобы по полу летала
Перед пастью той лисицы.
Но веселый Лемминкяйнен
Сделал ястреба с когтями,
Заклинаньем его сделал:
Чтобы курицу убил он.

Сам тут Похъёлы хозяин
Говорит слова такие:
«Этот пир не будет пиром,
Коль гостей не поубавим;
Уходи ты, чужеземец,
Убирайся-ка с пирушки!
Прочь иди, исчадьё Хийси,
От мужей иди подальше!
В дом свой скройся, тварь дрянная,
Возвратись домой ты злобный!»

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Так никто ведь не позволит,
Даже муж меня похуже,
Чтоб его сгоняли с места,
Чтоб с сиденья прогоняли».

Т

ут уж Похъёлы хозяин
Со стены свой меч хватает,
Меч свой огненный рванул он.
Говорит слова такие:
«Ахти, ты, Островитянин,
Молодец ты, Каукомъели!

Ну, померимся мечами,
На клинки посмотрим наши,
Мой ли меч получше будет,
Или твой, Островитянин!»

твечает Лемминкяйнен:
«Мой клинок не очень годен,
Черепами он изрублен,
На костях почти поломан!
Но пусть будет, кто как хочет,
Если так зовешь ты в гости,
Так померимся, посмотрим,
Чей-то меч получше будет!
Мой отец, бывало, прежде
Храбро мерился мечами:
В сыне род не изменился,
И в дитяти он не хуже!»
Взял он меч, схватил железо,
Меч свой огненный он вынул
Из ножон, покрытых шерстью,
С кушака перевитого.
Оба мерили, смотрели
На длину мечей обоих:
Меч у Похъёлы владельца
Оказался подлиннее,
Подлинней на кончик ногтя,
Лишь на полсустава пальца.

сказал Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Меч твой больше оказался,
И удар твой первым будет».
Нападать хозяин начал,
Сыплет яростно удары,

Хочет он попасть — не может,
Метит в голову он Кауко,
Полосует по стропилам,
Попадает между балок,
Изломал в куски стропила,
Ищепал у балок связки.

сказал Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«В чем стропила согрешили,
В чем тут балки провинились,
Что ты бьешь мечом стропила,
Разбиваешь в щепки балки?
Ты послушай, северянин,
Слушай, Похъёлы хозяин:
Трудно здесь в избе сражаться,
Здесь нам женщины мешают.
Здесь мы горницу испортим,
Обольем полы мы кровью;
Выйдем лучше из жилища,
Будем мы сражаться в поле,
На поляне будем биться!
На дворе ведь кровь красивей,
На открытом месте лучше,
На снегу еще прекрасней».

от они на двор выходят,
Там нашли коровью шкуру.
На дворе же растянули,
И на шкуру стали оба.
Говорит Островитянин:
«Ты послушай, похъёланец!
Твой клинок ведь подлиннее,
Меч твой много пострашнее,

Так воспользуйся им раньше,
Чем простишься ты со светом,
Чем ты шею потеряешь,—
Бей смелее, похъеланец!»

М ударил похъеланец.
Раз ударил, два ударил,
Третий раз еще ударил;
Но не мог попасть он верно,
Оцарапать тело Ахти
Иль содрать кусочек кожи.
Говорит Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ну, теперь я попытаюсь,
Уж давно черед за мною!»
Только Похъёлы хозяин
Ничего не хочет слышать,
Ударяет беспрерывно,
Ударяет, но напрасно.

Бьет уж пламя из железа.
Из клинка струятся искры,
Из меча в руках у Ахти;
Искры сыплются все дальше,
Блеск их шею озаряет
Сыну Похъёлы туманной.

Молвит юный Лемминкяйнен:
«Слушай, Похъёлы хозяин!
Вижу блеск на подлой шее,
Словно утренняя зорька!»
Повернулся северянин,
Смотрит Похъёлы хозяин —

Блеск на шее видеть хочет,
Смотрит собственную шею.
Тут ударил Лемминкяйнен,
Быстро он клинком ударил
И попал мечом он в мужа,
Бьет оружием железным.

Вот один удар наносит.
С плеч он голову снимает,
С шеи череп отрезает;
Так у корня режут репу,
Со стебля так режут колос,
Так плавник от рыбы режут.
Голова к земле упала,
На дворе свалился череп,
Так, сраженная стрелою,
С ветки падает тетерка.

Сто столбов там возвышалось,
Больше тысячи стояло,
Сотни там голов из кольях,
И один лишь был свободен.
Взял высокий Лемминкяйнен
Эту голову, приподнял,
Насадил он этот череп
Там на колышек свободный.
Ахти, мой Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели,
Вновь тогда в избу вернулся,
Говорит слова такие:
«Принеси воды, девчонка,
Дай воды — от рук отмыть мне
Кровь хозяина дрянного,
Кровь из раны злого мужа!»

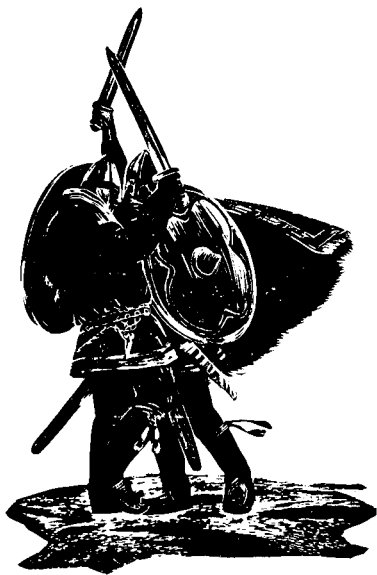

В гнѣе Похѣлы старуха
Разозлилась, разбесилась.
Создала людей с мечами,
Все мужей вооруженных.
Сто мужей с мечами вышло,
Вышла тысяча с оружем
Лемминкяйнѣну на шею,
Каукомъели на погибель.

тогда настало время,
Отступать пора настала.
Трудно сделалось тут Ахти,
Даже вовсе невозможно
Лемминкяйнѣну младому
В Сариоле оставаться,
В Похѣле, на славном пире,
На пирушке этой тайной.

РУНА
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ахти, тот Островитянин,
Тот веселый Лемминкяйнен,
В путь стремительно собрался,
Он поспешно покидает
Села Похъёлы туманной,
Той суровой Сариолы.

Из избы бежит, как буря,
Ко двору, как дым, стремится,
Чтоб спастись от злодеяний
И сокрыть свои проступки.

Но когда во двор он вышел,
Двор обыскивает взглядом,
Чтоб коня найти в дорогу,—
Он нигде коня не видит:
Лишь один на поле камень,
Только ива на поляне.

Кто бы мог его наставить,
Кто бы дал совет хороший,

Чтоб главы он не лишился,
Чтоб волос не потерял он,
Чтоб они не разлетелись
По двору той Сарнолы?
Гул донесся из деревни,
Пыли облако поднялось,
Уж глаза сверкают в окнах,
Блеск по всей деревне виден.

олжен был тут Лемминкяйнен,
Ахти, тот Островитянин,
Новое принять обличье,
В облике другом явиться.
Полетел орлом высоко,
Долететь до неба хочет,—
Обжигало щеки солнце,
Освещал височки месяц.

И взмолился Лемминкяйнен,
Он, веселый, молит Укко:
«О ты, Укко, бог верховный,
Ты, благой мудрец на небе,
Ты, кто правит туч грозою,
Облаками управляет,
Облачка мне в небе сделай
И сокрой меня в туманах,
Чтобы я под их защитой
Мог на родину вернуться,
К милой матери поближе,
К ней, моей седой старушке!»

н летит по небу дальше,
Вдруг назад он оглянулся,
Видит: мчится серый ястреб,
И глаза его пылают,
Точно очи похъёланца,
Что был в Похъёле хозяин.

Так промолвил старый ястреб
«Ой ты, Ахти, милый братец!
Не забыл ты нашу битву,
Наше в поле состязанье?»

Отвечал Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ястреб-птица, ты мой птенчик,
Поверни полет свой к дому
И, когда туда придешь,
В Похъёлу, в страну тумана,
Расскажи там всем, как трудно
Взять орла и съесть на небе».

Он спешит прямой дорогой
К дому матери любимой:
На лице его забота,
В сердце туча огорченья.

Вышла мать ему навстречу
Там, где шел он по дорожке,
Возле изгороди шел он.
Прежде мать его спросила:
«Ты, сыночек самый младший,
Мальчик самый мой надежный!
Отчего такой ты мрачный
Вдруг из Похъёлы вернулся?
Или обнесен ты кружкой
В мрачной Похъёле на свадьбе?
Если обнесен ты кружкой,
Так возьми получше кружку,
Что в войну отец твой добыл,
Что принес он с поля битвы».

Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Был бы обнесен я кружкой,
Я хозяина б обидел,

Прочил бы сто героев,
Всю бы тысячу обидел».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Отчего ж такой ты мрачный?
Или конь твой опозорен,
На бегу ты осрамился?
Если конь твой опозорен,
Должен ты купить другого
На отцовское богатство,
На большой достаток старца!»

Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Был бы конь мой опозорен,
На бегу бы осрамился,
Я хозяина б обидел,
Ездоков бы опозорил,
Этих сильных с их конями,
С лошадьми героев этих».

Лемминкяйнену мать молвит:
«Отчего ж такой ты мрачный
И с таким печальным сердцем
Вдруг из Похъёлы вернулся?
Иль там женщины смеялись
И девицы над тобою?
Если женщины смеялись
И девицы насмеялись,
Высмеять самих их можно,
Отплатить им всем насмешкой».

Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Если б женщины смеялись
Иль девицы надо мною,
Я б хозяина обидел,
Всех девиц я осмеял бы,

Насмеялся бы над сотней
И над тысячею женщин».

Ао на это мать сказала:
«Что ж с тобой, сыночек, было?
Иль случилось что дорогой,
В Похъёлу пока ты ехал?
Или много ты покушал,
Ты покушал или выпил?
Или сны дурные видел
На местах твоих ночлегов?»
Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Пусть обдумывают бабы,
Что им ночью темной снится.
Знаю сны свои ночные,
Сновидения дневные.
Мать, старушка дорогая!
Наложи в мешок припасов,
Положи муки мне в сумку,
Положи в мешочек соли;
Должен сын твой ехать дальше,
Из страны своей уехать,
Бросить милое жилище,
Двор чудесный свой покинуть.
На меня мечи уж точат
И навастривают копыя».

Быстро мать его спросила:
«Что так скоро ты уходишь?
Для чего мечи уж точат
И навастривают копыя?»

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Вот на что мечи уж точат
И навастривают копыя —

Мне, несчастному, на гибель,
На мою главу готовят:
Вышел спор у нас и битва
В поле Похъёлы туманной,
И убил я похъёланца,
Что был Похъёлы хозяин.
Похъёла идет войною,
Север весь идет войною,
На усталого идет он,
Я один, а их так много».

Вот что мать ему сказала,
Сыну молвила старушка:
«Я тебе ведь говорила,
Я тебя предупреждала,
Я тебе ведь запрещала
Отправляться в Сарнолу.
Ты ведь мог бы здесь остаться,
Жить у матери в жилище,
Под защитою старушки,
На дворе твоей родимой,—
И война б не разгорелась,
Без борьбы ведь обошлось бы.

Ао куда ж ты, мой сыночек,
Ты куда спешишь, несчастный,
Чтоб спастись от страшной мести,
Чтоб избежать злодеянья,
Чтоб главы твоей не сняли,
Чтобы шею не рассекли,
Чтоб волос не повредили,
Не развеяли по ветру?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Я еще не знаю места,
Где б убежище найти мне
И спастись от мести страшной.

Мать родная, дорогая!
Ты куда велишь укрыться?»

емминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Где укрыть тебя, не знаю,
И куда тебя отправить.
Стань на горке ты хоть елкой,
Можжевельником на поле,
Все ж и там беда настигнет,
Там тебя найдет несчастье:
Часто елочку на горке
Расщепляют на лучину,
Также часто можжевельник
Облупляют для подпорок.

Коль березкою в долине
Иль ольхой ты встанешь в роще,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Ведь березу, что в долине,
Часто режут на поленья,
А ольху в зеленой роще
Часто рубят, жгут под пашню.

Если ягодой нагорной,
Станешь ягодой лесною,
Земляничкою в отчизне
Иль в чужих краях черникой,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Там сорвут тебя девицы
В оловянных украшениях.

танешь щукой в синем море
Иль сигом в реке глубокой,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:

Молодец, что ловит рыбу,
Там закинет в воду сети
И тебя поймает в сети,
Иль поймает старец в невод.

Если в лес пойдешь ты волком
Иль медведем в дебри леса,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Молодец, покрытый сажей,
Там копье свое наточит,
Чтоб охотиться на волка,
Чтоб убить того медведя».

Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Сам места дурные знаю,
Те места, что хуже прочих,
Те, где смерть меня настигнет,
Где судьба отыщет злая.
Мать, ты жизнь мне даровала,
Молоком дитя питала!
Ты куда велишь бежать мне,
Мне куда бежать, укрыться?
Уж у рта стоит погибель,
К бороде идет несчастье —
Головы лишусь я завтра,
И несчастье совершится».

Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Назову тебе, пожалуй,
Подходящее местечко,
Где укроется виновный,
Избежит беды преступный,
Знаю я клочок землицы,
Очень малое местечко,

Где ни споров, ни раздоров;
Меч туда и не заходит.
Поклянись мне вечной клятвой,
Клятвой истинной и страшной,
Что пройдет шесть лет и десять,
А в сраженье не пойдешь ты,
Хоть и золота захочешь,
Серебра ты пожелаешь».

твечает Лемминкяйнен:
«Я клянуся страшной клятвой,
Что ни в первое я лето
И затем ни во второе
Не отправлюсь на сраженье,
В место, где мечи сверкают.
У меня плечо все в ранах,
На груди остались язвы
От последних славных схваток,
От последних состязаний
На полях обширных битвы,
Где мужи друг с другом бьются».
Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Так возьми челнок отцовский
И спеши, чтоб там укрыться.
Проплыви морей ты девять;
Пол-десятого проедешь —
Прямо к острову пристанешь
И к утесу над водою.
В дни былые там отец твой
Укрывался и спасался.
В год, когда война шумела,
Целый год велись сраженья,
Прожил он, беды не зная,
Прожил там прекрасно время.

Год, другой ты там скрывайся,
Приезжай домой на третий,
К дорогой избе отцовской,
На родительское поле!»

РУНА
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В

от веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Положил в мешок запасов
Масла летнего в лукошко.
На год маслом он запасся,
На другой берет свинины
И уходит укрываться,
Удаляется поспешно.
Говорит слова такие:
«Ухожу теперь отсюда,
Ухожу я на три лета,
На пять лет страну оставлю
На съеденье злым змеям,
Рысям отдыхать здесь — роши,
Здесь поля — резвиться лосям,
Для жилья поляны — гусям.
Ты прощай, о мать родная!
Коль из Похъёлы прибудет
Племя Пиментолы злое
И меня искать захочет,
Ты скажи, что прочь ушел я,
Что отсюда удалился,
Как устроил ту подсеку,
Где теперь снимают жатву».

Он челнок спускает в воду,
На течение вывел лодку
С тех катков, обитых сталью,
С тех валов, богатых медью.
Натянул на мачте парус,
Полотно вознес на рее,
На корме в челне уселся,
Сел он там, чтоб править лодкой,
Сам вперед он наклонился,
У кормы весло он держит.

Товорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ты повея в мой парус, ветер,
«Ты гони весь остов лодки,
Пусть ладья сильней стремится,
Пусть идет челнок сосновый
Вдаль, на остров неизвестный,
На мысочек без названья».
Раскачали лодку ветры,
Погнало течение моря
По хребту воды прозрачной,
По открытому течению;
Там два месяца качает
Да без малого и третий.

Ма мыске девицы были,
На мыске при синем море
Во все стороны смотрели,
Взоры к морю обращали:
Та ждала, что брат подъедет,
Эта — батюшку родного,
Жениха с дороги третья
Всего больше поджидала.
Увидали в море Кауко,
Прежде лодку увидали:

Лодка облаком казалась
Между небом и водою.

подумали девицы,
Девы острова сказали:
«Что тут странное на море,
Незнакомое на волнах?
Если ты, корабль, из наших,
Если с острова ты, парус,
Поверни домой сейчас же,
Прямо к острову на пристань:
Чтобы новости с чужбины
И известья мы узнали,
Как народ приморский — в мире
Или в войнах пребывает».

Гонит лодку ветер дальше
И качают сильно волны,
Гонит лодку Лемминкяйнен,
Мчит он лодку на утесы,
Приближается мысочек,
Берег острова крутого.

И, подплыв туда, спросил он,
Появившись, так промолвил:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы вытащить мне лодку,
На сухом поставить месте?»

евы острова сказали,
Так девицы отвечали:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где втащить ты можешь лодку,
На сухом поставить месте.
Здесь катки тебе готовы,
Полон пристанями берег,

Будь с тобой хоть сотня лодок,
Хоть бы тысячу привел ты».

Тут веселый Лемминкяйнен
Лодку вытащил на землю,
На катки челнок поставил,
Говорит слова такие:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой
От большого шума битвы,
От игры мечей звенящих?»

Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой;
Есть и крепости, и много
Для жилья домов просторных,
Пусть хоть сто мужей приходят,
Пусть хоть тысяча героев».

Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Часть березового леса
Иль другой земли кусочек,
Где б леса подсесть я смог бы,
Приготовить землю к пашне?»

Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Нет на острове местечка,
Нет земли в полянах этих
Даже в кадку шириною,

В ширину спины не будет,
Где бы лес подсесть ты смог бы,
Приготовить землю к пашне:
Остров весь уж поделили,
Все размерены поляны,
Лес по жребию раздали,
Все луга уж у хозяев».

ак спросил их Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Есть на острове местечко,
Есть пространство на полянах;
Где бы мог пропеть я песни,
Мог начать надолго пенье?
На устах слова уж тают,
Уж из десен вырастают».

Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где пропеть ты можешь песни
И начать искусно пенье,
Где играть ты можешь в роще
И плясать ты можешь в поле».

И веселый Лемминкяйнен
Тотчас песнь свою заводит:
На дворе рябин наделал,
На поляночке дубочков,
На дубах большие ветви,
Желудей на ветках сделал,
Золотые с веток кольца,
А на кольцах по кукушке:
Как начнет кукушка кликать,
Выйдет золото из клюва,
А с боков все медь стекает,
Серебро сбегает книзу

На холмочки золотые,
На серебряные горки.
Пел и дальше Лемминкяйнен,
Пел и делал заклинанья:
Обращал песок он в жемчуг,
Камни делал с чудным блеском,
А деревья — с красным цветом
И цветочки золотые.

Пел все дальше Лемминкяйнен:
На дворе колодец сделал
С золотой прекрасной крышкой,
А на крышке сделал ковшик,
Чтобы юноши здесь пили,
Чтоб глаза девицы мыли.

делал он пруды в полянах,
На прудах же — синих уток,
Златощеких, среброглавых,
Пальцы медные у уток.

Девы острова дивились,
Те девицы изумлялись
Лемминкяйнена напевам,
Чарованьям этих песен.

И сказал им Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Я прекрасно спел бы песню,
Прозвенел бы я чудесно,
Если б был я где под крышей,
На углу стола сидел бы.
Коль избы здесь не найдется,
Если на пол я не стану,
Все мои заклятья в роцу,
Песни в лес я побросаю».

Девы острова сказали,
Так надумали девицы:
«Для жилья найдутся избы

И дворы, где жить удобно,
Чтобы взять со стужи песню,
Чтоб укрыть слова в жилище».

Начал пенье Лемминкяйнен:
Как вошел в избу, тотчас же
Сделал кружки чародейством,
По краям стола расставил,
Эти кружки с пивом были,
Кувшины с питьем медовым,
Блюда полные до верху,
Чашки в уровень с краями:
Много было в кружках пива,
В кувшинах довольно меду.
Был большой запас там масла,
Много было там свинины,
Чтоб наелся Лемминкяйнен,
Сытым стал бы Каукомъели.

Важный вид тут принял Кауко:
Он иначе есть не может,
Как чтоб в золоте был ножик
И с серебряною ручкой.

Взял серебряную ручку,
Золотой клинок напел ей;
Ел он, сколько захотелось,
Попивал в охотку пиво.

И прошел тут Лемминкяйнен
Все деревни по порядку
Девам острова на радость,
Длиннокосым — на отраду.
Головой лишь повернется,
Поцелуй ему навстречу,
Лишь куда протянет руку,
А ее уж и хватают.

Он приходит на ночевку
В час, когда совсем стемнело.

Деревень там было много
И дворов с десятков в каждой.
На дворах же этих в каждом
Дочерей с десятков было,
И хотя б одна осталась
Из девиц прекрасных этих,
Чтоб он с ней не поразвлёкся,
Руки ей не утомил бы.

Сотни вдов ему достались,
Целой тысячей невесты.
Двух в десятке не осталось,
Не осталось трех из сотни
Там девиц не обольщенных
И тех вдов не увлеченных.
Веселится Лемминкяйнен,
Жизнь проводит он в веселье,
Жил на острове три лета,
В деревнях больших скрывался;
Девам острова на радость,
Многим вдовам на отраду.
Не порадовал одну лишь
Только старую девицу.
Та жила в селе десятом,
На конце большого мыса.

Он уж думал о дороге,
Чтоб на родину вернуться,
Вдруг пришла старуха-дева,
Говорит слова такие:
«Кауко, миленький красавчик!
Если ты меня забудешь,
Пожелаю, чтоб в дороге
Твой челнок на риф наехал».
Не вставал он темной ночью,
До петушьей переклички,

Не ходил на радость с девой,
На забаву с той девицей.

Наконец однажды поздно,
Как-то вечером решил он
Встать до месяца восхода,
До петушьей переклички.

Аже раньше он поднялся,
До назначенного часа.
Он решил пройти немедля
Все деревни по порядку,
Заглянуть на радость даже
К старой деве, посмеяться.

Он один проходит ночью
Все деревни по порядку
На конец большого мыса,
В ту десятую деревню.
Проходя деревню, видит —
На дворах везде три дома,
А в домах он там увидел
В каждом доме три героя.
Из героев этих каждый
Меч оттачивает острый
И топор свой наостряет
Лемминкяйнenu на гибель.

Аут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«День, ты светлый лик поднимешь,
Солнце, ты взойдешь, сияя,
Для несчастнейшего мужа,
Злополучному на шею!
Разве Лемпо спрячет мужа,
Защитит своей рубашкой,
Иль своим плащом покроет,
Иль в свою запрячет шапку

Против ста мужей враждебных,
Против тысячи напавших!»

ак он девушек не обнял,
С ними он не попрощался.
Повернул скорее к лодке,
К челноку пошел несчастный:
А челнок его спалили,
Весь в золу он превратился!
Видит он: несчастье близко,
Время бедствий наступает.
Хочет он челнок наладить,
Лодку новую построить.

Но деревьев нет для стройки,
Нет досок, чтоб сделать лодку.
Видит дерева кусочки,
Вовсе малые дощечки:
Пять кусочков от катушки,
Шесть осколков веретенца.

н из них челнок устроил,
Лодку новую сготовил.
Все своим искусством сделал,
Мудростью своей устроил;
Раз ударил — и пол-лодки,
Два ударил — всю достроил,
В третий раз тогда ударил —
Лодка новая готова.

Он толкнул ее на волны,
Свой челнок спускает в воду.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Как пузырь, плыви по волнам,
Как цветочек, по теченью!
Дай три перышка, орел, мне,
Три — орел и два — ворона,

Пусть на лодку будут крышей,
На плохой челнок брусками!»

Он на дно садится в лодку,
В задней части поместился,
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась,
Уж не смел теперь он ночью,
Днем не смел он оставаться
Девам острова на радость,
Где кудрявые плясали.

промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Должен молодец проститься,
Бросить здешние жилища,
Бросить девичьи забавы,
Пляски девушек прекрасных.
При моем прощанье с ними,
При моем отъезде скором
Здесь не радуются девы,
Не играют молодые,
Здесь полны печали избы
И дворы полны несчастья».

Девы острова горюют,
На мыске девицы плачут:
«Что ты едешь, Лемминкяйнен,
Отчего, жених, уходишь?
Иль здесь много дев стыдливых,
Или женщин тебе мало?»

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Нет, здесь девы не стыдливы,
Женщин вовсе мне не мало:
Сотню женщин мог бы брать я,
Дев хоть тысячу имел бы.
Оттого я, Кауко, еду,

Оттого, жених, скрываюсь,
Что меня желанье мучит
Снова родину увидеть,
У себя рвать землянику,
На своей горе малину,
Дев на собственном мысочке,
Кур иметь в своем жилище».

поехал Лемминкяйнен
На кораблике по морю.
Вьется ветер, поддувает,
Волны лодку погоняют
По спине по синей моря,
По открытому теченью.
А по бережку, бедняжки,
На камнях стояли девы,
Плачут острова девицы
И горюют золотые.

До тех пор горюют девы,
До тех пор девицы плачут,
Там пока виднелась мачта
И железные колечки.
Не о мачте плачут девы,
Не о кольцах из железа,
А о муже, что у мачты,
Женишке под парусами.

Плакал также Лемминкяйнен.
Он печалился от горя,
Там пока был виден остров
И еще виднелись горы.
Не об острове он плакал,
Не оплакивал он горы:
Дев на острове жалел он,
Он жалел гусынь нагорных.
Проезжает Лемминкяйнен
По волнам на синем море.

Едет день, другой день едет.
Но на третий день внезапно
Загудел вдруг сильный ветер,
Зашумел прибрежный воздух,
Буря с острова несется,
Ветры резкие с востока:
Разорвали борт у лодки,
Челнока изгиб расшибли.

свалился Лемминкяйнен,
Он упал руками в воду,
Быстро пальцами гребет он,
И ногой в волнах он правит.
И плывет и день и ночь он,
Изо всей гребет он силы.
Вдруг на западе увидел,
Словно облачко нависло.
Облачко землю стало
И мысочком обратилось.

тал на землю, в дом он входит
Там печет хозяйка хлеба,
Дочки дружно тесто месят.
«Ох ты, добрая хозяйка!
Если б знала ты мой голод,
Про беду мою узнала,
Ты б в амбар пошла скорее,
Ты б сошла в подвал за пивом;
Принесла бы кружку пива.
Принесла б кусок свинины,
Ты изжарила б свинину,
Масла щедро положила,
Чтоб насытился усталый,
Чтоб герой здесь пива выпил.
Плавал я и дни и ночи
По волнам широким моря.

Охраняли меня ветры,
А ласкали волны моря».
Вышла добрая хозяйка
В тот амбар, что на пригорке,
Забрала в амбаре масла,
Принесла кусок свинины;
И изжарила свинину,
Чтоб насытился голодный,
Принесла кувшинчик пива,
Чтоб испил герой усталый.
Лсдку новую подводит,
Челночок вполне готовый,
Чтоб он мог оттуда ехать
На места свои родные.

Вот приехал Лемминкяйнен
На места свои родные,
Узнает он землю, берег,
Острова, проливы видит,
Видит пристань, как и прежде,
Видит все места жилые,
Видит сосны на пригорке,
По холмам все те же ели,
Но избы своей не видит,
Не стоят уж больше стены:
Где изба была когда-то,
Там черемуха ветвится,
Где был двор, там встали ели,
У колодца — можжевельник!
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Я играл вст в этой роще,
По камням этим прыгал,
По траве я здесь катался,
Здесь валялся я на пашне.
Кто ж унес избу отсюда,

Кто сломал здесь нашу кровлю?
Сожжено мое жилище,
Разнесли весь пепел ветры».

И заплакал он от горя,
Плачет день, другой день плачет.
Не оплакивает дом свой,
Плачет он не о жилище,
Но о милых в том жилище,
Дорогих, в том доме живших.

Видит он: орел слетает,
Птица в воздухе несется.
Повернулся и спросил он:
«Ты, орел, большая птица!
Ты не можешь ли поведать,
Где же мать моя осталась,
Что меня в себе носила
И любя меня вскормила?»

Ничего орел не помнил,
Птица глупая не знала:
Знала только, что скончались,
Знает только, что погибли,
Меч отточенный сразил их
И секира зарубила.

промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Мать, ведь ты меня носила,
Дорогая, ты вскормила!
Умерла моя родная,
Нет тебя, моя голубка,
Прахом тело твое стало,
На главе растут уж ели,
Можжевельник там, где пятки,
Ветлы выросли меж пальцев!
Вот мне, глупому, награда,
Вот несчастному возмездье,

Все за то, что меч я мерил,
Что понес мое оружие
К избам Похъёлы суровой,
За черту земли туманной.
Род мой весь погиб за это,
Мать моя лежит убита!»

н кругом повсюду смотрит:
Видит след едва заметный,—
Вот трава прижата следом,
Злаки сильно попряматы.
Он пошел, дорогу ищет,
Смотрит в этом направленьи.
В лес следы идут тропинкой,
Направляются дорожкой.

Он версту идет, другую
И еще прошел немного
Посреди тенистой чащи,
Посреди густого леса.
Видит: хижинка ютится,
Чуть заметная избушка
Меж двух скал стоит в ущелье,
В середине меж трех елей,
А в избушке мать он видит,
Седовласую старушку.

Очень рад был Лемминкяйнен.
Радовался всем он сердцем
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Мать любимая, родная,
Ты меня ведь воспитала!
Ты жива еще, родная,
Не уснула ты, старушка!
Я уж думал, ты скончалась,
Думал я, что ты убита,
Что мечом тебя сразили,

Что копьем тебя пронзили!
Я уж выплакал все очи,
Все слезами залил щеки».

Лемминкяйнену мать молвит:

«Я жива еще, как видишь,
Я должна была спастись,
В тайном месте укрываться
Здесь, во мраке этой чащи,
В темноте густого леса.
Люди Похъёлы собрались
И пришли ко мне с войною,
Всё тебя они, бедняжку,
Злополучного искали:
Превратили дом наш в пепел,
Весь наш двор опустошили».

И сказал ей Лемминкяйнен:

«Мать родная, дорогая!
Ты забудь теперь про горе,
Прогони свои печали!
Я избу тебе поставлю,
Вновь построю я получше,
Снова в Похъёлу отправлюсь,
Уничтожу племя Лемпо».

Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:

«Долго, сын, ты оставался,
Долго, Кауко, там ты пожил,
В отдаленных этих странах,
У чужих дверей скитался,
На мысочке безыменном,
Там, на острове далеком».

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Хорошо мне жить там было
И играть весьма приятно.

Там краснеются деревья,
Там поляны голубые,
Там серебряные ели,
Золотистые цветочки,
Там из меду были горы,
Из яиц куриных скалы;
Мед стекал по веткам елей,
Молоко текло из сосен,
Из плетней лилося масло,
По жердям стекало пиво.

орошо мне жить там было,
Оставаться там приятно.
Только плохо мне пришлось,
Проживать там неудобно:
Стали там за дев бояться,
Будто женщины все эти,
Эти жалкие бедняги,
Весь дрянной народец этот,
От меня терпели горе,
Будто ночью я ходил к ним.
От девиц я только бегал,
Дочерей я лишь боялся,
Вот как волк свиней боится
Иль как кур боится ястреб».

РУНА ТРИДЦАТАЯ

аз веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Вышел самым ранним утром,
Только зорька занималась,
Стал на лодочную пристань,
Корабельную стоянку.

Лодка с крючьями стонала,
Так челнок дощатый плакал:
«Должен я лежать, несчастный,
Должен, жалкий, только сохнуть
На войну не едет Ахти,
Шесть лет, десять лет не хочет
Серебра искать войною
Или к золоту стремиться».

Тут веселый Лемминкяйнен
Хватъ челнок тот рукавицей,
Рукавицею расшитой,
Говорит слова такие:
«Ты, сосновый, не тревожься,
С превосходными боками!

На войну еще пойдешь ты,
Ты поедешь на сраженье,
Полон будешь ты гребцами,
Прежде чем минует завтра».

Ахти к матери подходит,
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, о мать родная,
Не горюй, моя старушка,
Если я уйду сражаться,
Если снова ринусь в битву.
Мне на ум пришло внезапно,
Мысль мозгами овладела —
С людом Похъёлы сразиться,
Истребить весь род негодный».

Мать сдержать его хотела,
Говорит ему старушка:
«Не ходи, сыночек милый,
В Похъёле ты не сражайся!
Смерть тебя постигнуть может,
Скоро можешь ты погибнуть».

Но недолго думал Ахти,
Он туда идти решил,
Все разрушить там поклялся,
Говорит слова такие:
«Где бы мне найти другого,
Где с мечом найти мне мужа,
Чтобы в битве был подмогой,
Стал бы помощью в сраженье?»

Хорошо знаком мне Кура,
Гиэра смелый предан крепко.
Вот его возьму я лучше:
Он с мечом пойдет за мною

И поможет мне в сраженье,
Будет сильному подмогой».
Он прошел через деревню,
К Тиэре он во двор приходит,
И, придя туда, промолвил,
Так сказал он, появившись:
«Тиэра, ты мой друг сердечный,
Мой любезный, дорогой мой!
Помнишь ты былое время,
Как мы оба вместе жили,
Как с тобою мы ходили
На поля больших сражений?
Деревень прошли мы много,
Десять изб в деревне было,
В этих избах все герои,
По десятку было в каждой;
Не один из тех героев,
Из мужей никто не спасся,
Всех с тобой в бою убили,
Всех мы в битве поразили».

У окна родитель Тиэры
Вырезал для копий древки;
У амбара на пороге
Мать сбивала масло в кадке;
У ворот трудились братья,
Там сколачивали сани;
У мосточка были сестры
И стирали там платочки.

От окна отец ответил,
Мать с порога у амбара,
От калитки молвят братья,
Сестры молвили с мосточка
«Нет, не время биться Тиэре,
Воевать копьем не время:

Тиэра сделку заключает,
По рукам уже ударил;
Он ведь только что женился,
Взял недавно он хозяйку
И грудей еще не тронул,
Не прижал ее он к груди.

Тиэра тот лежал на печке,
На краю лежал тот Кура;
На печи обул он ногу,
На скамье обул другую,
На дворе надел он пояс,
У калитки застегнулся,
И копые схватил потом он.
То копые не из великих,
Но не очень чтоб из малых,
Так оно длинной из средних:
На конце стоит лошадка,
Скакунок по древку скачет,
А на ручке воют волки,
На кольце рычаг медведи.
Вот копыем он потрясает,
Потрясает и качает,
Бросил древко он на сажень.
В пашню с глинистой почвой,
В твердый луг копые вонзает,
В землю ровную, без кочек.
И потом копые он бросил
Близ копыя у Каукомъели
И поспешно устремился,
Как товарищ Ахти, в битву.
Ахти, тот Островитянин,
Оттолкнул челнок свой в воду,
Как змею между колосьев,
Как живучую гадюку.

И поехали на север,
В море Похёлы помчались.

Тут хозяйка Сарнолы
Вызвала мороз ужасный
В Похёлу — на зыбь морскую,
На открытое течение;
Говорит слова такие
И такие наставленья:

«Ты, морозец, мой сыночек,
Мною вскормленный малютка!
Ты иди, куда пошлю я
И куда тебя отправлю.
Заморозь ты лодку Ахти,
Челночок у Каукомъели
На хребте блестящем моря,
По открытому простору!
Пусть замерзнет сам хозяин,
Пусть веселый сгинет в море,
Пусть оттуда он не выйдет
Никогда, пока живешь ты,
Коль сама я не избавлю,
Коль ему не дам снободы!»

Сын дрянного поколения,
Юный, с нравами дурными,
Стал мороз морозить море,
Стал он сковывать течение;
А пока он шел до цели,
По земле пока влачился,
Покусал листы деревьев,
У травы забрал все семя.
А когда ступил на берег,
Берег Похёлы широкий,

На морское побережье,
То сначала заморозил
Ночью бухты и озера,
Сделал твердым берег моря —
Моря самого не тронул,
Не сковал еще теченья.
На хребте морском был зяблик.
На волнах там трясогузка:
Когти зяблика не мерзли,
Голова не цепенела.

А о вторую ночь начал
Он все дальше простираться
И совсем уж стал бесстыдным,
Вырос с дерзостью ужасной;
Все сполна он стал морозить,
Леденить с ужасной силой:
Лед он сделал выше лося,
Набросал на сажень снегу,
Заморозил лодку Аhti,
На волнах челнок у Кауко.
Самого хотел он Аhti
В страшных льдинах заморозить:
На руках уж тронул пальцы,
Стал до ног он добираться.
Рассердился Лемминкяйнен,
Рассердился, обозлился,
Он в огонь мороз толкает
И теснит его к горнилу.

О н схватил мороз руками,
Кулаками держит злого,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:

«Сын ты северного ветра,
Сын зимы, мороз знобящий!
Пальцы рук не смей морозить,
Пальцев ног моих не трогай,
До ушей ты не дотронься,
Головы не смей касаться!

Есть и так тебе работа,
Можешь многое морозить,
Ты оставь людскую кожу,
Тело матерью рожденных;
Ты морозь болота, землю
И холодные каменя,
На воде морозь ты ивы,
Пусть расколются осины,
Облупи кору с березы,
Раздирай большие сосны,
Но не тронь людскую кожу,
Волосы женой рожденных.

сли этого все мало,
Ты морозь еще другое:
Раскаленные каменя
И горячие утесы,
Скалы, полные железом,
Горы дикие со сталью;
Вуокса пусть оцепенеет,
Иматра пусть онемееет.
Ты заткни пучине глотку,
Украти ее свирепость!

Иль сказать твое начало,
Объявить происхожденье?
Знаю я твое начало,
Верно знаю, как ты вырос,
Родился на ивах холод,
Сам мороз пошел с березы

В Сарноле возле дома,
У избы страны туманной,
От отца, что был злодеем,
И от матери бесстыдной.

Кто ж вспоил мороз на ивах,
Кто же придал злему силы?
Мать его была без груди,
Молока совсем не знала.
Там его вспоили змеи,
Там гадюки насыщали.
Не свежо их вымя было,
Без концов у змей сосочки.
Там мороз качала буря,
Ветер северный баюкал
На дурной воде меж ветел,
На источниках болотных.

Был воспитан мальчик плохо,
Перенял дурные нравы,
Рос без имени мальчишка,
Тот злокозненный ребенок.
Наконец уж дали имя:
Стал Морозом называться.
Жил потом он по заборам,
По кустарникам таскался,
Летом плавал он в трясилах
По верхам болот широких,
А зимой трещал он в елях,
Бушевал в сосновых рощах
Иль гудел в лесах, в березах,
Иль неистовствовал в ольхах.
Мерзнут травы и деревья,
Выровнял мороз поляны,

Покусал листы деревьев,
Снял у вереска цветочки,
Покусал кору у сосен,
Пощипал у елок корку.

Ты велик уж что-то слишком:
Чересчур высоко вырос.
Ты меня морозить хочешь,
Чтоб мои распухли уши,
Хочешь ты отнять мне ноги
И концы похитить пальцев?
Перестань меня морозить,
Перестань знобить со злобой.
Я огонь в чулки засуну,
В башмаки же головешки,
Наложу углей по складкам,
Под ремни напращу жару —
И мороз меня не схватит,
Холод тронуть побоится.
Прогоню тебя заклятьем
К дальним северным пределам
И когда туда прибудешь,
Только родины достигнешь,
Застуди котлы немедля,
В очаге печном все угли,
Руки женщин в вязком тесте,
На груди у жен младенцев,
Молоко у всех овечек,
Жеребенка в кобылице!

Если ж этого все мало
Прогоню тебя отсюда
В кучу угольев у Хийси,
На печной очаг у Лемпо.

Ты в огонь туда проникни
И садись на наковальню,
Чтоб кузнец тебя помял там
Молотком и колотилом,
Молотком чтоб бил сильнее,
Раздробил бы колотилом!

Если ж этого все мало,
Ты послушаться не хочешь,
Знаю я другое место,
Подходящее местечко:
Я твой рот направлю к лету,
Твой язык в его теплицу,
Чтоб навек ты там остался,
Никогда б назад не вышел,
Если я не дам свободы,
Сам не выпущу оттуда».

Тут сын северного ветра,
Сам мороз беду почуял;
Он взмолился о пощаде,
Говорит слова такие:
«Так давай мы сговоримся
Не вредить друг другу больше
Никогда в течение жизни
И пока сияет месяц.

Коль услышишь, что морожу,
Что веду себя я дурно,
Ты в огонь меня направишь
И толкнешь в большое пламя,
Меж кузнечными углями
К Ильмаринену в горнило,
Ты мой рот направишь к лету,
Мой язык в его теплицу,
Чтоб всю жизнь я там остался,
Никогда б назад не вышел!»

Так веселый Лемминкяйнен
Лодку там во льду оставил,
Свой челнок военный в льдинах,
Сам пошел дорогой смело,
Тиэра вслед за ним шагает,
Вслед за другом, за веселым.

Вот по льду ступает Ахти,
Он идет по ровной глади,
День идет так и другой день,
Наконец, уже на третий,
Показался мыс Голодный:
Там дрянная деревушка.

В замок мыса входит Ахти,
Говорит слова такие:
«В крепости найдется ль мясо,
На дворе найдется ль рыба
Для героев утомленных,
Для мужей, ослабших сильно?»
Только не нашлось тут мяса,
Только не нашлось тут рыбы.

промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть огонь спалит всю крепость,
Пусть снесет ее водою!»
И пошел оттуда дальше,
По густым лесам идет он,
Где совсем жилья не видно,
По дорогам неизвестным.

Собирает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Мягкий пух по всем камням
И волокна по утесам;
Он связал чулки поспешно,
Рукавицы быстро сделал,

Чтоб мороза не бояться,
Всей его свирепой стужи.
Он пошел искать дорогу
И разведать направление:
Путь прямой тянулся к лесу,
В лес дорога направлялась.

И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Тиэра, братец мой любезный,
Плохо нам с тобой пришлось!
Дни и месяцы блуждая,
Вечно странствовать мы будем».

Тиэра так ему ответил,
Он такие речи молвил:
«Месть нам, бедным, угрожает
И погибель нам, несчастным;
Для войны сюда пришли мы,
В Похьёлу, в страну тумана,
Чтоб своей лишиться жизни,
Навсегда самим погибнуть
На местах, совсем негодных,
На неведомых дорогах.

Никогда мы не узнаем,
Не узнаем и не скажем,
По какой идем дороге,
По какой пошли тропинке,
Чтоб погибнуть здесь, у леса,
Умереть здесь, на равнинах,
Здесь, где ворон лишь родится
И живут в полях вороны.
Смело вороны поташут,
Понесут здесь злые птицы,

Тело наше расхватают,
Жадно выпьют кровь вороны.
Клювы вороны запустят
В трупы мертвецов несчастных.
Понесут на камни кости,
На скалистые утесы.

Мать, бедняжка, знать не будет,
Мать несчастная, родная,
Где ее осталось тело
И где кровь ее сбегает:
На равнинах ли болотных,
Иль в сражении жестоком,
На хребте ль большого моря,
По обширному теченью,
На горе ль, где много сосен,
По дороге ли к кусточкам.
Ничего мать не узнает
О несчастнейшем сыночке:
Будет думать, что он умер,
Будет думать, что погиб он.
Мать тогда заплачет горько,
Причитать начнет старушка:
«Там теперь мой сын, бедняжка,
Там любимец мой несчастный:
Туонелы посея он сеет,
Боронует поле Калмы.
Дал мой сын теперь, бедняжка,
Дал сыночек мой несчастный
Отдыхать в покое луку,
Благородным дугам — сохнуть.
Птицы могут откормиться,
Куропатки жить в кусточках,
Без боязни жить медведи
И играть на поле лоси!»

Отвечает Леммннкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Мать несчастная, родная,
Ты меня в себе носила!
Кур ты выходила много,
Лебедей большую стаю;
Вдруг их всех развеял ветер,
Вдруг их всех рассеял Лемпо,
Ту сюда, туда другую
И загнал куда-то третью.

Помню я былое время,
Помню дни, что были лучше:
Выступал цветком я дома,
Точно ягодка, ходил я.
Кто на нас, бывало, взглянет,
Удивится, как растем мы.
Но совсем иначе стало
В это бедственное время:
Знаем мы теперь лишь ветер,
Видим мы теперь лишь солнце,
Но его скрывают тучи,
Дождь собою закрывает.

Ао все это мне не страшно.
А моя о том забота:
Хорошо ль живут девицы,
Как прекрасные играют,
И как женщины смеются,
Как невесты распевают,
И не плачут ли от горя,
Не страдают ли от скорби?
Нет пока здесь чародейства,
Нет и против нас заклятий,

Чтоб мы умерли в дороге,
Чтоб в пути мы здесь погибли,
Чтобы юные свалились
И столь бодрые пропали.
Коль чаруют чароден,
Колдуны коль здесь колдуют,
Пусть их чары обратятся
На жилища их родные;
Пусть колдуют друг на друга,
На детей наводят чары,
Род свой быстро умерщвляют
И родных уничтожают!

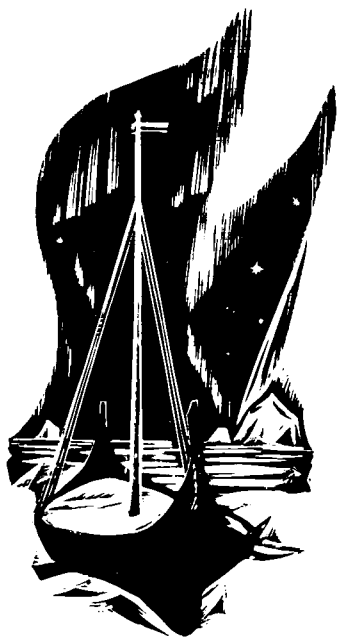
Никогда отец мой прежде,
Этот старец седовласый,
Колдунам не поклонялся
И не чтил сынов лапландских.
Так говаривал отец мой,
Так и я теперь промовлю:
«Защити, могучий Укко,
Огради, о бог прекрасный,
Охрани рукою мощной
И твоей великой силой
От мужских коварных мыслей,
От коварства злобных женщин,
От злословья бородатых,
От злословья безбородых!
Будь мне вечною защитой,
Будь надежною охраной,
Чтоб дитя не заблудилось,
Чтоб сын матери не сбился
На пути благого Укко,
На дороге, богом данной!»
Тотчас сделал Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели.

Из забот коней рысистых,
Вороных коней из скорби,
А узду из дней печальных
И седло из тайных бедствий.
На спине коня уселся,
На лошадке этой пегой,
Едет он тяжелым шагом.
С ним и Тиэра едет рядом.
Он с трудом по взморью едет,
По песку едва плетется,
Едет к матери любезной,
К ней туда, к седой старушке.

 теперь бросаю Кауко,
Долго петь о нем не буду;
В путь отправил я и Тиэру —
Пусть на родину он едет,
Сам же пенью поверну я,
Поведу другой тропюю.

РУНА
ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В

оспитала мать цыпляток,
Лебедей большую стаю,
Привела цыплят к насести,
Лебедей пустила в реку.
Прилетел орел, спугнул их,
Прилетел, рассеял ястреб,
Разогнал крылатый деток:
В Карьялу унес цыпленка,
Взял другого он в Россию,
Дома третьего оставил.

Тот, кого он взял в Россию,
Вырос там и стал торговцем.
Тот, кого он взял к карелам,
Имя Калерво там принял,
А оставленный им дома
Унтамойненом был назван.
Он принес отцу несчастье,
Сердцу матери печали.

Ставит сети Унтамойнен,
Где у Калерво затоны.

Калервойнен видит сети,
В свой мешок берет всю рыбу.
Унтамо исполнен злобы,
Сильно сердится на брата.
В бой свои пускает пальцы
И в борьбу пускает руки
За остатки этой рыбы,
За окунью эту мелочь.

 ба бились и боролись.
Не могли побить друг друга:
Сильно бьет один другого,
Получая сам ответно.
Наконец, уже в другой раз,
На второй день иль на третий,
Калерво овес посеял
Рядом с Унтамо жилищем.
Унтамойнена овечка
Всходы Калерво поела,
Но у Калерво собака
Унтамо овцу пожрала.
Угрожает Унтамойнен
Калерво, родному брату,
Род весь Калерво прикончить,
Всех от мала до велика,
Уничтожить всех домашних
И пожечь у них жилища.

 н мужей снабдил мечами,
Храбрецам дает оружие,
Молодым на пояс копыя,
Топоры дает красавцам,
И пошел он, чтоб сражаться
Против собственного брата.
Калерво сноха-красотка
У окна как раз сидела;

Вот в окно она взглянула,
Говорит слова такие:
«Дым ли это за клубился,
Туча ль темная находит
На краю вон той поляны,
На конце дороги новой?»

То не туча поднималась,
То не дым густой стелился:
Войско Унтамо поднялось,
Шло на Калерво с войною.

Вот пришли мужи с мечами.
Войско Унтамо явилось,
Всех у Калерво убили,
Все его большое племя,
И дотла весь двор спалили,
Весь с землей его сровняли.

ева Калерво одна лишь
Там спаслась с плодом во чреве.
Люди Унтамо схватили,
Увели ее с собою,
Чтоб мела она там избы,
Пол почище подметала.

Мало времени проходит —
Родился малютка-мальчик,
Сын той матери несчастной.
Как теперь назвать малютку?
Куллерво, — так мать прозвала,
Воин, — Унтамо промолвил.

Положили тут малютку,
Без отца того ребенка,
Чтоб качался в колыбели,
Чтобы двигался он в люльке

Вот качается он в люльке,
Волосами повеваает.
День качается, другой день;

Но когда настал и третий,
Вдруг толкнул ногами мальчик,
Взад, вперед толкнул он люльку,
С силой сбросил свой свивальник
И ползет на одеяло,
Люльку надвое сломал он,
Разорвал свои пеленки.

бещает выйти мужем
И как будто будет храбрым.
В Унтамоле ожидают,
Что когда войдет он в возраст
И получит смысл и силу,
Будет мужем, как и надо,
Сотни он рабов заменит
Или тысячи, пожалуй.

Два, три месяца растет он,
Но уже на третий месяц,
Ставши ростом по колено,
Так раздумывать он начал:
«Если б вырос я побольше,
Получил бы в теле силу,
За отца я отомстил бы
И за скорбь моей родимой!»

Унтамо ту речь услышал,
Сам сказал слова такие:
«В нем семье моей погибель,
Новый Калерво растет в нем».

Размышлять мужи тут стали,
Стали женщины тут думать,
Мальчика куда бы спрятать,
Как бы вовсе уничтожить.

Вот его сажают в бочку,
Вот запрятали в бочонок,
Отнесли ребенка в воду
И на волны опустили.

Посмотреть потом приходят,
Как три ночи миновало,
Погрузился ль мальчик в воду,
Не погиб ль он в бочонке.

Но в воде не утонул он,
Не погиб в своем бочонке!
Из бочонка мальчик выполз,
На хребте волны уселся,
Удочку из меди держит,
Палку с шелковою леской;
Ловит мальчик в море рыбу,
Измеряет в море воду:
В море там воды немного,
На два ковшика, быть может;
Если ж все его измерить,
Хватит, может быть, на третий.

Унтамо тут думать начал:
«Деть куда теперь ребенка,
На него навлечь несчастье,
Чтобы смерть его настигла?»

Вот рабам своим велит он
Взять березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Чтобы сжечь на них ребенка,
Куллерво чтоб уничтожить.

Вот собрали, наложили
Там березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Тысячу саней бересты,
Ясеня сто сажень полных.
Был огонь в поленья брошен
И по куче разошелся;

В кучу бросили ребенка,
В пекла самого середку.

А ень там жгут его, другой день,
Жгут его еще и третий.
Вот пришли туда и видят:
До колен сидит он в пепле,
До локтей в золу зарылся,
Кочергу руками держит,
Увеличивает пламя,
Разгребает ею угли,
И волос он не лишился,
Ни единой даже пряди!

Рассердился Унтамойнен:
«Деть куда теперь ребенка,
На него навлечь несчастье,
Чтобы смерть его постигла?»
И на дерево повесил,
Притянул ребенка к дубу.

Вот проходит уж три ночи,
Столько ж дней проходит также.
Унтамо тут думать начал:
«Не пора ль пойти проверить,
Жив ли Куллерво на дубе,
На суку он не погиб ли».
И раба он посылает.
Так ответ слуга приносит:
«Куллерво и тут не умер,
Не погиб на этом дубе!
Он в коре рисунки режет,
У него в ручонках гвоздик,
Все стволы стоят в рисунках,
Ствол дубовый изрисован:
Он мужей с мечами сделал,
По бокам приделал копья».

Ничего не может сделать
Унтамойнен с тем ребенком!
Как бы смерть ни приготовил,
Как бы гибель ни измыслил,
Все не гибнет этот мальчик,
Нет погибели на злого.

Наконец он утомился,
Погубить его желая:
Куллерво растить решил он
Как дитя своей рабыни.

Унтамо тогда промолвил,
Говорит слова такие:
«Поведешь себя пристойно,
Будешь жить, как подобает,—
Так останься в здешнем доме
И рабом моим работай.
Будешь ты иметь и плату,
По заслугам ты получишь:
Поясок себе на тело
Или по уху удары».

Куллерво подрост побольше,
Он на четверть стал повыше,
Тут ему работу дали,
Чтобы он имел занятие —
Малого ребенка нянчить,
Крошку ростом только с палец:
«Ты смотри за ним прилежно,
Дай поесть и сам поешь с ним!
Постирай в реке пеленки,
Вымой платъице ребенка!»

Нянчит день, другой день нянчит:
Вырвал ручки, колет глазки,
А на третий день больного
Доконал совсем ребенка,

Побросал пеленки в реку,
Сжег дитяти колыбельку.

нтамо тогда подумал:
«Вижу, что не будет годен
Куллервойнен нянчить деток
И качать ребенка с палец!
И на что он только годен
И к чему его приставить.
Подсечет лесочек разве?»
Посылает в лес на рубку.

алервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Вот тогда я стану мужем,
Как топор дадут мне в руки,
Буду лучше я, чем прежде,
Посмотреть приятно будет:
Пятерых мужчин сильнее,
Шестерых я крепче буду».

К кузнецу пошел к горнилу,
Говорит слова такие:
«Ты, кузнец, послушай, братец!
Скуй получше мне топорик!
Как герою, мне секиру,
Мне железную по силам!
В лес иду я на подсечку,
Там хочу рубить березы».

Тут кузнец, что нужно, сделал,
Он топор сковал поспешно.
И топор по мужу вышел,
По работнику железно.

Калервы сын, Куллервойнен
Свой топор железный точит,
Целый день топор готовит,
К ночи занят топорщиком.

В лес затем идти собрался
Старые рубить деревья,
Строевого ищет лесу,
Самых крепких из деревьев.
Топором деревья рубит,
Лезвием их режет ровным:
Крепкий ствол одним ударом,
А похуже — в пол-удара.

Нять деревьев повалил он,
Восемь там стволов огромных,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Пусть работает здесь Лемпо!
Пусть разрубит Хийси балки!»
Он воткнул топор в колоду,
Поднял шум большой по лесу,
Засвистал по лесу громко,
Говорит слова такие:
«Пусть дотуда лес валится,
Лягут стройные березы,—
Голос мой докуда слышен,
Свист докуда раздается!
Пусть ни веточка не выйдет,
Ни один не выйдет стебель,
Никогда в течение жизни
И пока сияет месяц,
Где сын Калервы рубил здесь,
Где молодчик новь расчистил!

Коль ячмень посеют в землю,
Выйдут новые посевы,
Выйдут всходы молодые,
Всходы станут стебелиться,—
Пусть они не колосятся,
Никогда не выйдут в колос!»

Унтамойнен, муж отважный,
Посмотреть тогда приходит,
Как у Куллерво подсечка,
Новый раб прилежно ль рубит:
Не годилась та работа,
И плоха была подсечка.

Вновь подумал Унтамойнен:
«И на это не годится!
Бревна лучшие испортил,
Строчные все деревья!
Для чего он только годен
И к чему его приставить,
Заплетет плетень, быть может?»
Заплести плетень велит он.
Калервы сын, Куллервойнен
Заплетать плетень собрался.
Взял стволы огромных елей
И как кольца их поставил,
Сосны целые лесные
Для плетня жердями сделал;
А для этих колец связки
Из рябин огромных сделал;
И плетень сплошной устроил,
Без ворот его оставил.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Кто летать не может птицей
И на двух подняться крыльях,
Тот сюда войти не сможет
Через Куллерво ограду!»

Унтамо из дому вышел,
Посмотреть сюда приходит,
Как тут Куллерво работал,
Раб его, в войне добытый;

Вот плетень сплошной он видит,
Без прорубок, без отверстий
На земле плетень поставлен
И до облака поднялся.

Говорит слова такие:
«И на это не годится!
Он плетень сплошной мне сделал
И поставил без калитки,
От земли довел до неба,
К облакам его он поднял:
Через плетень нельзя пройти мне,
Нет отверстия для входа!
Для чего он только годен,
Для какой такой работы?
Разве пусть мне рожь молотит?»
Молотить его заставил.

Калервы сын, Куллервойнен
По приказу рожь молотит:
В пыль он зерна обращает
И в мякину всю солому.

Вот приходит сам хозяин,
Посмотреть туда приходит,
Как сын Калервы молотит,
Как там Куллерво цепом бьет:
Рожь летит тончайшей пылью,
А солома вся трухою!

Рассердился Унтамойнен:
«Никуда слуга не годен!
Что ни дам ему работать,
Всю работу он испортит.
Отвести ль его в Россию
Или в Карьялу продать мне
Ильмаринену на кузню,
Чтоб там молотом махал он?»

Продад Калервы он сына,
Продад в Карьяле на кузню,
Ильмариненем он куплен,
Славным мастером кузнечным.

У ену дал кузнец какую?
Цену дал кузнец большую:
Два котла он отдал старых,
Ржавых три крюка железных,
Кос пяток он дал негодных,
Шесть мотыг плохих, ненужных
За негодного парнишку,
За раба весьма плохого.

РУНА
ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Стройный, золотоволосый,
В башмачках красивой кожи,
К кузнецу пришел в жилище:
У хозяина он просит
Тотчас на вечер работы,
У хозяйки же на утро:
«Мне бы надо дать работу,
Указать работу надо:
Что я должен здесь работать
И какое делать дело?»
Ильмаринена хозяйка
Размышлять об этом стала:
Что раба заставить делать,
Дать ему какое дело?
Пастухом его послала,
Сторожить стада велела.
На смех сделала хозяйка,
Кузнечиха для обиды:
Пастуху готовит хлебец,
Хлеб печет довольно толстый,
Верх пшеничный, низ овсяный,
И кладет в середку камень.
Мажет хлеб негодным маслом,
Мажет жиром корку хлеба
И слуге тот хлеб вручила,
Пастуху на пропитанье.

Так сама слугу учила,
Говорит слова такие:
«Этот хлеб ты ешь не раньше,
Чем ты стадо в лес загонишь!»

Ильмаринена хозяйка
Выпускает скоро стадо,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«В лес коров я выпускаю,
Я гоню молочных в поле,
По березам криворогих,
По осинам пряморогих,
Чтобы жиру набирались,
Чтобы салом запасались
На лесных полянах чистых,
Посреди широких рощиц,
Средь березников высоких,
Средь осин, растущих туго,
В золотых лесах сосновых
И в серебряных дубравах.
Ты спаси их, добрый Укко,
Защити, о бог верховный,
Огради их от несчастья
И спаси от всяких бедствий,
Чтоб беда их не постигла,
Чтоб им не было позора!

Как ты дома охранял их,
Защищал их за оградой,
Так храни их на свободе,
Защищай их вне ограды,
Чтоб стада тучнели телом,
У хозяйки скот удался —
Добрым людям на отраду,
Злым же людям на досаду!

Пастухи, быть может, плохи
И пастушки не годятся —
Пастухом ты иву сделай
И ольху коровам стражем,
А защитником рябину;
Пусть черемуха их гонит
Раньше, чем хозяйка выйдет,
Прочий люд пойдет искать их.

С торожить не будет ива,
За скотом ходить рябина,
Гнать ольха коров не станет,
Гнать черемуха их к дому, —
Так пошли кого получше,
Дочерей пошли творенья,
Чтоб мой скот они хранили
И все стадо защищали!
У тебя девиц ведь много,
Сотни их тебе послушны,
Что живут в воздушных странах,
Дочки чудные творенья.

А эта дочь, что всех прекрасней,
Ты, дочь юга, мать творенья,
Ты, дочь елочек, хозяйка,
Можжевельника дочь, прелесть.
Дочь рябины ты, малютка,
Дочь черемухи — дочь леса,
Мизликки — его невестка.
Теллерво, ты леса дева!
Вы мои стада храните,
Вы за ними присмотрите,
Вы об них заботьтесь летом,
Как весь лес зазеленеет,
Зашумит листва деревьев,
Заколышутся былинки!

Лета дочь, что всех прекрасней,
Ты, дочь юга, мать творенья!
Платья мягкий край откинь ты,
Разверни передник белый
И покрой мое им стадо,
Защити моих малюток,
Чтоб злой ветер их не тронул,
Чтобы дождь не повредил им!

храни их от несчастья,
Загради тропинки бедствий,
Эти зыбкие болота,
Эти бурные потоки,
Воду, полную движенья,
И глубокую нучину,
Чтоб несчастья не случилось,
Чтоб они не повредились,
Чтоб копытами в болота,
Чтоб в поток не погрузились;
Против дивной воли Укко,
Всемогущего решенья!

Ты подай рожок пастуший
С высоты небес высоких,
Тот рожок медовый с неба,
Тот рожок со сладким звуком;
Ты подувай в рожок сильнее,
Затруби в рожок звучащий
И пошли цветов на горы
И укрась травой поляны,
Разукрась получше рощи,
Оживи лесные чащи,
Мед пошли во все болота,
Ты разлей в потоках сладости
Дай стадам побольше корму,
Напитаи моих рогатых,
Накорми медовой пищей,

Напой питьем медовым!
Золотого дай им сена,
Трав с серебряной верхушкой,
Дай им сладостных потоков,
Дай источников бурливых,
Дай шумящих водопадов,
Дай им рек, текущих бурно,
Дай холмов, покрытых златом,
Серебристых дай лесочков!

Ты ключи золотые вырой
На лугу, с боков обоих,
Где стада могли б напиться,
Чтобы мед струился сладкий
В пышном вымени коровок
И в грудях их отягченных;
Чтоб сосцы их расширились,
Молоко текло рекою,
Чтоб лилось оно ручьями,
Чтобы пенилось потоком,
Чтоб трубой бежало шумной,
Чтобы шло кипящим током,
Чтоб всегда оно стремилось,
Через край всегда бежало,
Избегая всяких бедствий,
Не пугаясь чародеев,
Чтобы к Мане не сбежало,
Не погиб бы дар прекрасный.

ного есть на свете злобных,
Молоко гонящих к Мане,
Что дары коров бросают,
Их даянье истребляют.
Но не много есть хороших:
Молоко берут у Маны,
Простоквашу из запасов,
Свежее берут на поле.

Не ходила мать, бывало,
На деревню за советом,
За умом к кому другому —
Молоко брала у Маны,
Простоквашу из запасов,
Свежее брала на поле.
Молоко брала далеко,
И оно прекрасно было:
Шло из Туонелы далекой,
Шло из Маналы подземной,
Приходило потихоньку,
В темноте являлось ночью,
Чтоб не слышали дурные,
Чтоб негодные не знали,
Не вредила б ему зависть,
Не губила его злоба.

Так, бывало, мать промолвит,
Так сама, бывало, скажет:
Дар коров куда уходит,
Молоко куда стекает?
Лишь к чужим оно уходит,
На дворах оно в деревне,
На поляне у блудницы,
Там, в руках у непотребной.
Иль, попавши на деревья,
Там, в лесу, оно пропало,
Расползлось оно по роще,
Излилося на поляны?
Не должно идти ни к Мане
Молоко, ни к посторонним,
Попадать в полу блудницы,
Быть в руках у непотребной
Иль деревьям доставаться,
Пропадать в лесу зеленом,
Расползтись широко в роще

Иль излиться на поляны.
Молоко ведь дома нужно
И всегда в употребленье:
Дома ждет его хозяйка,
А в руках ее подоюник.
Лета дочь, что всех прекрасней,
Ты, дочь юга, мать творенья!
Покорми ты Сюэтикки,
Попои ты Юотикки,
Хермикки ты молока дай,
Туорикки угости ты,
Майрикки не обнеси ты,
Омене дай посвежее,
Дай с верхушек трав прекрасных,
Трав, обильно орошенных,
С матери-земли подай ты,
Дай с медвяного лужочка,
С дерна, сладью облитого,
С почвы, ягодой обильной,
Через дев цветов в дубраве,
Через дев травы в поляне,
Через облачную деву,
Через деву высей неба.
Пусть молочное их вымя
Постоянно будет тучным,
Так, чтоб их доила даже
Слабосильная служанка!

Выйди из долины, дева,
Из ручья ты поднимися,
О ты, кроткая девица
С телом стройным и прекрасным!
Ты возьми воды в потоке,
Чтоб стада мои омылись,
Чтоб стада получше стали,
Чтоб хозяйкин скот удался

Раньше, чем придет хозяйка,
Чем увидит их пастушка,
Та неловкая хозяйка,
Неумелая пастушка.

Мизлики, хозяйка леса,
Попечительница стада!
Ты пошли рабынь повыше,
Ты пошли служанок лучших,
Чтоб смотрели за стадами,
За скотом чтоб наблюдали
Непрестанно этим летом,
Что творец дал на тепло нам,
Что дарует нам всевышний,
Что дает нам милосердный!
Танио красотка-дочка,
Теллерво, ты дочка леса,
В нежном платье из тумана,
С золотом кудрей прекрасных,
Ты, что стадо охраняешь!
Сохрани стада хозяйки
Среди Метсолы радушной,
Среди бдящей Тапиолы!
Охраняй стада получше,
Прилагай заботы больше!

Охраняй рукой прекрасной,
Пальцами чеши и гладь их,
Пусть их шерсть блестит, как рысья,
Пусть блестит, как рыбы перья,
Пусть блестит, как шерсть тюленя,
Словно шерсть овечки дикой!
Как стемнеет, свечереет,
Сумрак вечера настанет,
Проведи стада домой ты,
Подведи к очам хозяйки,

Чтоб вода была на слинах
И молочные озера!

А домой уйдет лишь солнце,
Птичка к ночи защебечет,
Ты стадам тогда промолви,
Ты скажи им, криворогим:
«Ну, домой вы, рогоносцы,
Молоко домой несите!
Хорошо вам будет дома,
На земле вам спать там мягко;
По лесам блуждать вам страшно,
Топать шумно по побережью.
А когда домой придете,
Разведет огонь хозяйка
На траве, богатой медом,
На земле, где много ягод».

юуриikki, сын Тапиолы,
Ты, сын леса в синей куртке!
Ты поставь стволов еловых
И с верхушкой стройной сосен,
Постели на грязь мосточки,
По мосточкам неудобным,
По трясинам, жидким топям.
По трясущимся болотам
Проведи ты криворогих,
Погони ты двухкопытных
К облакам густого дыма
Без вреда и без блужданья,
Чтоб не вязли по болотам,
Чтоб в грязи не утонули!

Не послушается стадо
И не будет дома ночью,
Ты тогда, рябины дева,
Можжевельника девица,
Срежь березовую розгу,

Прут березовый в кусточке,
Хлыст рябиновый в лесочке,
Можжевеловую плетку
Там, где Тапиолы крепость,
За черемушной горою.
Ко двору гони ты стадо,
Как топить начнут там баню,
Скот домашний — прямо к дому,
Скот лесной весь — в Тапиолу!

тсо, яблочко лесное,
Гнешь медовую ты лапу!
Мы с тобою сговоримся,—
Вечный мир с тобой устроим,
Мир на время нашей жизни,
На года, что проживем мы:
Не губи ты двухкопытных,
Скот молочный ты не трогай
Во все время, долгим летом,
Что творец дал на тепло нам!

Коль услышишь колокольчик
И призыв рожка узнаешь,
Ты ложись тогда на дерне,
Ты улягся на лужайке
И уткни в былинки уши,
Головой уткнися в кочки
Иль беги оттуда в чащу,
В кучу моха удалися;
Убегай в места другие,
Убегай к другим холмочкам,
Чтоб бубенчиков не слышать,
Ни пастушьих разговоров!

Слушай, Отсо мой любезный,
Ты, краса с медовой лапой!
Я тебе не запрещаю
Там хвостом махать у стада;

Языком не смей лишь трогать,
Ртом не смей хватать противным,
Разрывать мой скот зубами
И душить своею лапой.

бходи кругом лужайку,
Ту молочную поляну,
От бубенчиков же бегай
И страшись рогов пастушьих!
Если стадо на поляне,
Должен ты бежать к болоту;
Если стадо на болоте,
Должен ты бежать в дубраву;
На горе пасется стадо —
Ты останься у подошвы;
Ходит стадо под горою,—
Ты ходи там по вершине;
Если в поле выйдет стадо,
Удаляйся ты в лесочек;
Ходит стадо по лесочку —
Уходи оттуда в поле.
Ты стремись златой кукушкой,
Голубочком серебристым;
Как сижок, ходи сторонкой,
Точно рыбка водяная;
Ты катись клубочком шерсти,
Как льняной клубочек легкий;
В волосы попрячь ты когти,
Зубы спрячь поглубже в десны,
Чтобы стадо не пугалось,
Скот бы малый не страшился!
Ты оставь все стадо в мире,
Двухкопытных тех в покое.
Пусть они гуляют мирно,
Пусть в порядке выступают
По полям и по болотам,

По лесным полянам тихим;
Только ты их там не трогай,
Не хватай своею лапой!

Вспомни, как ты прежде клялся
Там, у Туонелы потока,
При шумящем водопаде,
Пред всевышнего коленом;
Там тебе ведь разрешили
Трижды в лето приближаться
К колокольчикам звенящим,
К месту, где звучит бубенчик.
Но тебе не разрешали,
Позволенья не давали
Продолжать дурное дело,
Им всецело заниматься.

Если злоба одолеет,
Если злость к зубам подступит,
Обрати на лес ты злобу,
Злость свою на зелень елок!
Их грызи стволы гнилые,
Ствол прогнивший у березы,
К всядяным пойдя растениям
И к холмам, где много ягод!

Если ты поесть захочешь,
Пожелаешь что покушать,
То питайся ты грибами,
В муравейнике поройся,
Ешь стеблей ты красных корни,
В Тапиоле — мед кусками,
Но не ешь мою скотину,
Что питается травую!

Иногда кадушка с медом
Зашипит, забродит бурно,
На холмах, покрытых золотом,
На пригорках серебристых,

Там ты, алчный, напитайся,
Там ты, жаждущий, напейся;
Той еде конца не будет,
Тот напиток не иссякнет.

Ак с тобой мы сговоримся,
Вечный мир с тобой устроим,
Чтобы жили мы в довольстве,
Чтоб все лето славно жили;
Вместе мы землей владеем,
И у нас прекрасны яства.

Если битвы пожелаешь,
Воевать со мной захочешь,
Воевать зимой мы будем,
На снегу сражаться станем!
А когда вернется лето,
Стают речки и болота,
Ты проваливай оттуда,
Где стада золотые слышны!

Если ж ты сюда вернешься,
Подойдешь ты к этим рощам,
То тебя здесь встретят стрелы.
Если тут стрелков не будет,
То у нас они найдутся,
Да при доме есть хозяйка,
Что тебе пути испортит,
Что беду пошлет дороге,
Чтобы ты вреда не делал,
Не принес стадам погибель
Против божьей вышней воли,
Против божьего решения.

О ты, Укко, бог верховный!
Слышишь, я прошу о важном:
Зачаруй моих коровок,
Преврати мое все стадо,
Милых всех моих в деревья,

Дорогих моих в каменья,
Коль чудовище пройдет там,
Эта глыба будет близко!

Если б я была медведем
И жила с медовой лапой,
Никогда б я не вертелась
Под ногами старой бабы.
Есть еще места другие,
Есть подальше загородки,
Где лентяй таскаться может
И прохаживаться праздный.
Наколи, пойдн ты, лапы,
Чтоб сошло все мясо с икор
Средь синеющего леса,
В лоне чудного лесочка.

ы иди по кочкам поля,
По песку, веселый, бегай:
Есть готовая дорога,
Чтоб тебе идти по взморью
К дальным Похъёлы пределам,
На лапландские пространства;
Там тебе прожить приятно,
Хорошо навек остаться:
Башмаков не нужно летом,
Ни носков не нужно в осень
Топать по просторным топям,
По широким днам болотным.
Если ж ты пройти не можешь,
Не найдешь туда дороги,
Так спешн другой дорогой,
Ты беги скорей тропюю
В чащи Туонелы лесные,
Калмы дальние поляны!
Там найдешь себе болота,
Даже боры для прогулок;

Там и Кирьё, там и Карьё,
И других коров там много
В крепких путах из железа,
В десяти цепях на шеях;
Наживают жир худые,
Набирают мясо кости.

Будьте добры, лес и роща,
Благосклонна будь, дубрава!
Успокой мой скот рогатый,
Дай покой ты двухкопытным,
Дай им отдых долгим летом,
Что творец дал на тепло нам!

Куйшпана, властитель леса,
Ты, добряк седобородый!
Псов своих держи покрепче,
Брехунов своих отважных!
Вставь в ноздрю им по грибочку
И по ягодке в другую,
Не почувяли бы носом,
Не пронюхали бы стада!
Завяжи глаза им шелком,
Завяжи повязкой уши,
Чтоб не видеть им ходящих,
Чтоб не слышать им бродящих!

Если ж этого им мало,
Если слушаться не станут,
То гони детей оттуда,
Прогони семью подальше:
Пусть уходят из дубравы,
Пусть бегут отсель, с побережья,
С луговинок нешироких
И с полей весьма обширных!
Спрячь собак своих в пещерах,
Брехунов свяжи проворных
Золотистыми цепями,
Серебристыми ремнями,

Чтоб не сделали злодейства
Иль бесстыдного поступка.

Если ж этого все мало,
Если слушаться не станут,
Золотой мой царь ты, Укко,
Ты, серебряный защитник,
Ты услышь слова златые
И мои от сердца речи!
Дай рябиновые узы
На тупые эти морды;
Коль не сдержат эти узы,
Ты отлей из меди узы;
Если ж медь годна не будет,
Выкуй узы из железа!

Коль железо разорвется,
Коль оно не будет годно,
Ты продень златую палку
Чрез костлявые их морды;
Ты концы закуй покрепче,
Ты стучи по ним сильнее,
Чтоб не двигались щеки,
Чтобы зубы не разжались,
Если цело то железо,
Коль его не режут сталью,
Ни ножом его не портят,
Топором его не рубят!»

Ильмаринена супруга,
Эта умная хозяйка,
Погнала коров из хлева,
Скот на пастбище пустила,
Пастуха ж пустила сзади,
Чтобы раб погнал скотину.

РУНА
ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

К

алервы сын, Куллервойнен
Положил еду в котомку
И погнал коров болотом,
Их погнал сосновым лесом;
На ходу он так промолвил,
Говорил слова такие:
«Ах, я парень горемычный,
Самый жалкий я мальчишка!
И куда теперь попал я,
Лишь на праздную дорогу,
Сторожить хвосты бычачьи,
За телятами тащиться,
По болотам лишь влачиться,
По плохой земле лишь ползаты!»

Он на кочке там уселся,
Сел, где солнышко пригрело,
Стал слагать он песнопенья,
Так запел свои он песни:
«Дай тепла мне, божье солнце,

Колесо господне, света
Пастуху пошли, бедняге.
Кузнеца стада пасу я;
Кузнецу же не свети ты,
Ни ему и ни хозяйке!
Хорошо живет хозяйка,
Хлеб печет себе пшеничный,
Пироги себе готовит,
Их намазывает маслом,
А пастух берет хлеб черствый
И сухую корку гложет,
Овсяной грызет он хлебец,
Хлеб с мякиной разрезает,
Хлеб съедает из соломы,
Хлеб жует с корой сосновой,
Воду черпает берестой,
Пьет ее из-под корней.

Солнце, скройся ты, пшеничка,
Исчезай ты, божье время!
Уходи за сосны, солнце,
Ты, пшеничка, за лесочек,
Поспеши за можжевельник,
За ольховые верхушки!
Пастуха домой сведи ты,
На хлеба, где много масла,
Чтобы хлеб жевал он свежий,
В пирогах бы ел середку!»

Мльмаринена хозяйка,
Шел покуда пастушонок,
Пел покуда Куллервойнен,—
Соскоблила масло с чашки,
В пирогах середку съела,
Ковырять взялась лепешки,
Уж сготовила похлебку,

Щей для Куллерво холодных,
Где весь жир собака съела,
Жир весь черная слизала,
Сыто пестрая поела,
Вдоволь серая наелась.

Из леска запела птичка,
Из куста певец-малютка:
«Уж рабу поесть бы время,
Сироте бы пообедать».

Калервы сын, Куллервойнен
Посмотрел на тень от солнца,
Говорит слова такие:

«Да, уж время и поесть бы,
За обед пора приняться,
Поискать запас дорожный».

Отогнал коров на отдых,
Чтоб соснули на лужайке,
Сам на кочке он уселся,
На траве зеленой, свежей,
Со спины он снял котомку,
Вынул хлебец из котомки,
Повернул его и смотрит,
Говорит слова такие:

«Часто хлеб хорош снаружи
И гладка снаружи корка,
А внутри с корой сосновой
Да под ней еще мякина».

Из ножон он вынул ножик,
Чтобы хлеб себе разрезать:
И уперся ножик в камень,
Лезвием в голыш претвердый;
У ножа конец сломался,
На куски клинок распался.

Калервы сын, Куллервойнен
Увидал, что ножик сломан,

Увидав, он начал плакать,
Говорит слова такие:
«Этот ножик был мне дорог.
Он один был мой любимый,
От отца он мне достался,
Он был собственностью старца;
Вот сломал его о камень,
О голыш он разломался,
Здесь о хлеб дрянной хозяйки,
Испеченный злою бабой!
Как отмщу за осмеянье,
За насмешку злую бабы,
Отмщу за хлеб негодный,
Испеченный злобной тварью?»

Светки каркает ворона,
Ворон каркает и кличет:
«Бедный, золотая пряжка,
Калервы ты сын единый!
Отчего ты так печален,
Что ты грустен так, бедняжка?
Ты возьми из лесу ветку,
Сук березовый из дола,
Загони коров в болото,
Грязноногих на трясины,
Дай медведям половину,
А волкам большим другую!»

Собери волков по лесу,
Собери медведей стадо!
Обрати волков в коров ты,
Обрати в коров медведей
И на двор гони, как стадо,
Точно пестрый скот, гони их!
Отплати за смех хозяйке,
За насмешку скверной бабе».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Подожди ж, блудница Хийси!
О ноже отца я плачу,
Ты сама побольше будешь
О своих коровах плакать».

Отломил он прут в лесочке,
Можжевеловую ветку;
И погнал коров в болото,
Всех быков в тальник он гонит,
Дал медведям половину
И волкам большим другую.
Из волков телушек сделал,
Обратил в коров медведей,
Стали волки как телята,
И коровами медведи.

Солнце за полдень спустилось.
Уж идет оно на вечер,
На верхушки сосен сходит;
Уж пора доить подходит.
Калервы сын, Куллервойнен,
Тот пастух несчастный, в злобе
Подогнал медведей к дому,
Ко двору волков подводит.
И свое он стадо учит,
Говорит слова такие:
«Рвите вы хозяйке бедра,
Ей прокусывайте икры,
Лишь на вас она посмотрит,
Лишь доить она нагнется!»
Из коровьей кости дудку,
Из бычачьей рог он сделал —
Кости Туомикки для рога,
Бедра Қирьё взял для дудки.

Заиграл тогда на дудке,
Затрубил в свой рог пастуший
На горе близ дома трижды,
На конце прогона шесть раз.

льмаринена хозяйка,
Кузнеца жена красотка,
Молоко ждет не дождется,
Масла летнего желает.
Чу, играют на болоте,
Шум с зеленой луговины.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Будь прославлен, бог верховный!
Рог звучит, подходит стадо!
Где взял раб рожок пастуший,
Из чего он сделал дудку,
Он во что трубит так громко,
И трубит и дует сильно,
Звуком уши раздирая,
Шумом голову мне полня?»

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Раб нашел рожок в болоте,
Вынес дудку из трясины.
Стадо все уж на прогоне,
Уж коровы в загородке,
Разведи огонь дымящий,
Подонть коров отправься!»

льмаринена хозяйка
Позвала донть старуху:
«Мать, пойдн-ка подон их,
Позаботься о скотине!
Мне же некогда, пожалуй,
Замесить мне надо тесто».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Ведь хорошая хозяйка,
Женщина с рассудком добрым,
Подойт сама коровок,
За скотом сама присмотрит».

Ильмаринена хозяйка
Тут сама огонь разводит
И идет доить коровок.
Стадо разом осмотрела,
Скот рогатый оглядела;
Говорит слова такие:
«Хорошо по виду стадо,
Цвет скота совсем не дурен,
Шерсть у стада — словно рысья,
Словно шерсть лесной овечки,
Вымя толсто и припухло,
Переполнились сосочки».
Тут коров доить нагнулась,
Молоко собирать присела.
Потянула раз, другой раз,
В третий раз тянуть собралась:
Быстро волк ее кусает,
И медведь терзать принялся,
Волк хватает пастью икры,
И медведь кусает пятки,
Прокусили мясо в икрах,
У бедра сломали кости.

Калервы сын, Куллервойнен
Так отмстил насмешку бабы,
Смех ее и осмеянье,
Злобной женщины обиду.
Ильмаринена хозяйка,
Эта гордая, тут плачет,

Говорит слова такие:
«Злой пастух, ты что наделал?
К дому ты пригнал медведей
И волков на двор обширный!»
Калервы сын, Куллервойнен
Ей на это отвечает:
«Как пастух, я сделал дурно,
Ты же дурно — как хозяйка!
Запекла ты в хлебе камень,
Гольша кусок в запасе;
Я ножом уперся в камень,
О голыш сломал я ножик —
От отца он мне достался,
Рода нашего железа!»

И хозяйка так сказала:
«О пастух, пастух мой милый!
Измени свои ты мысли
И возьми назад заклятье,
Ты избавь от волчьей пасти,
От медвежьих лап хозяйку!
Дам тебе рубашек лучших,
Дорогих штанов достану,
Хлеб пшеничный с свежим маслом,
Молока дам посвежее;
Год ты будешь без работы,
На другой кормиться даром.
Коль меня ты не избавишь
И не дашь сейчас свободы,
Я погибну злою смертью,
Обращусь в сырую землю».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Умирать, так умирай уж,
Погибай ты поскорее!

Под землей тебе найдется
Место славное у Калмы:
Там сильнейшие в покое,
Там могучие в дремоте».

сказала тут хозяйка:
«Ой ты, Укко, бог верховный!
Натяни свой лук великий,
Приготовь свое оружие,
Приложи стрелу из меди
К огневому луку сверху!
Целься огненной стрелою,
Что из самой твердой меди,
Пусть пройдет стрела под мышку,
Через мясо на лопатке,
Сына Калервы свали ты,
Пусть падет дрынной на землю
От стрелы с стальной головкой,
От оружия из меди!»

Калервы сын, Куллервойнен
Сам сказал слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный!
Не меня рази стрелою!
Ильмаринена хозяйку,
Что всех женщин в мире хуже,
Бей, пока она на месте,
Не ушла пока отсюда!»

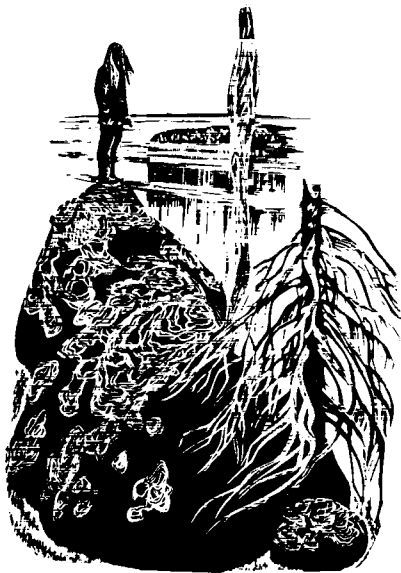
Ильмаринена хозяйка,
Кузнеца жена, упала
Мертвою на этом месте,
Как с котла спадает сажка;
У избы своей свалилась,
На дворе упала тесном.
Так та женщина скончалась,
Так красавица погибла,

А ее так долго ждали,
Ведь шесть лет ее искали
Ильмаринену на радость
Кузнецу тому на славу.

РУНА
ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

К

алервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Стройный, золотоволосый,
В башмачках красивой кожи,
Кузнеца собрался бросить,
Ильмаринена оставить
Раньше, чем кузнец узнает,
Что жена его скончалась:
Он вскипит великой злобой,
С Куллерво он станет биться.

Он, играя, шел оттуда,
Веселясь, от дома Ильмы,
По лесам трубил веселый,
Шел, играя, новой пашней,
Потрясал болота, земли,
И земля вся откликалась
Сына Калервы веселью,
Куллерво злорадным кликам.

Стало в кузнице уж слышно:
Там кузнец работу бросил,

На дорогу вышел слушать,
Посмотреть во двор выходит,
Что там из лесу за звуки,
Кто там в рог в песках играет.

Тут он истину увидел,
Без прикрас, что там случилось;
Видит он: жена уснула,
Там красавица упала;
На дворе она лежала,
Там на травушку свалилась.
И кузнец стоял недвижим,
Тяжело ему на сердце;
Он провел всю ночь, рыдая,
Проливая долго слезы.
Мысль его чернее дегтя,
Не белее угля сердце.
Куллерво идет все дальше,
Он блуждает, где попало.
День идет он частым лесом,
По земле деревьев Хийси,
А как к ночи потемнело,
На земле он там уселся.
На земле сидит сиротка.
Так покинутый размыслил:
«Кто меня, бедняжку, создал,
Кто родил на свет сиротку,
Чтоб по месяцам блуждал я
Здесь под воздухом пространном?»

Кто на родину стремится,
Кто идет в свое жилище;
Мне же родина — лес темный,
На полях — мое жилище:
Очагом мне служит ветер,
Дождик баней мне бывает.

«Ой ты, Укко, бог верховный,
Никогда на этом свете
Не твори дитя несчастным,
Чтоб дитя сироткой было,
Без отца бы проживало
И без матери осталось,
Как меня ты создал, Укко,
Сотворил меня, бедняжку,
Точно чайку в синем море,
Точно птицу на утесе.
Солнце ласточке сияет,
Воробью оно блистает,
Веселит воздушных птичек;
Только мне оно не светит,
Никогда не светит солнце,
Никогда мне нет веселья.

Кто родил меня, не знаю,
Кто носил меня во чреве;
Может, утка при дороге
Принесла меня в болото
И покинула на взморье
Там, в расщелине утеса.
Потерял отца я в детстве,
В раннем детстве мать родную;
Унесла их смерть навеки,
Весь погиб наш род великий.
Башмаки из льда мне дали
Да чулочки снеговые
И пустили в гололедку
На качающийся мостик,
Чтоб свалился я в болото,
Чтоб упал в гнилую воду.
Но в мои ли, право, годы
Мне лежать мостком в трясине,
Лечь мостом в болотной луже,

Как мосток в трясине зыбкой,
Не хочу упасть в болото:
Две руки ведь я имею,
Все пять пальцев я сгибаю
И ногтей имею десять».

Вот ему на ум приходит,
И в мозгах засела дума
К Унтамо пойти в деревню,
Отомстить отцовы раны,
Слезы матери родимой
И свое несчастье злое.
Говорит слова такие:
«Подожди же, Унтамойнен,
Моего губитель рода!
Я приду с тобою биться,
Разорю твоё жилище
И сожгу твой двор широкий».

Вот идет лесная баба,
В синем платье та старуха,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Куллерво, куда идешь ты,
Калервы сынок, спешишь ты?»

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«А вот мне на мысли вспало
И в мозгах засела дума
Отправляться на чужбину,
К Унтамо пойти в деревню,
Отомстить погибель рода,
Смерть отца, родимой слезы,
Разорить его жилище,
Обратить жилище в пепел».
Так промолвила старуха,
Говорит слова такие:

«Нет, ваш род не уничтожен,
Калерво еще не умер.
Жив еще старик отец твой,
Мать твоя еще здорова».

ы, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Где отец мой проживает,
Мать моя живет родная?»
«Там отец твой проживает,
Там и мать твоя родная:
На земле живут лапландской,
Где пруды богаты рыбой».

«Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Как мне той земли достигнуть,
Как найти туда дорогу?»

орошо дойти ты можешь,
И совсем пути не зная:
Ты пройди сначала лесом,
Берегом реки отправься,
День пройдешь ты и другой день,
Так и третий день пройдешь ты;
Поверни потом на север,
Встретишь гору на дороге,
Ты иди ее подошвой,
Обогни налево гору
И придешь к реке оттуда.
Вправо будет эта речка;
Ты по берегу отправься,
К трем тогда придешь порогам.
На конце косы ты будешь,
На довольно длинном мысе.
Там ты хижину увидишь,
На мыске рыбацью хату:

В ней живет отец доселе
И живет твоя родная,
Две твоих живут сестрицы,
Две прекраснейшие девы».

Калервы сын, Куллервойнен
Собрался идти в дорогу.
День идет он и другой день,
И уже проходит третий;
Повернул тогда на север,
Гору встретил на дороге,
Он пошел ее подошвой,
От горы пошел налево,
Подошел тогда к потоку,
Берегом реки пошел он,
Левым берегом потока,
Подошел он к трем порогам,
На конец косы приходит,
К краю самому подходит;
Там он хижину увидел.
На мыске избу рыбачью.

Он вошел в избушку эту,
И его там не узнали:
«С моря прибыл ты откуда,
Из какого ты семейства?»
«Сына вы не узнаете?
Я дитя родное ваше.
Мужи Унтамо когда-то
Увели меня из дома,
Был я в пядь отца росточком,
Был не выше веретенца».
Мать сперва ему сказала,
Так промолвила старушка:
«О мой бедный сын, мой милый,
Бедный, золотая пражка!

Ты живой сюда явился,
Ты прошел чрез эти страны!
Как по мертвом я рыдала,
По тебе лила я слезы!

У меня два сына было,
Две прекраснейшие дочки;
Вот из них пропали двое,
Старших двое вовсе сгибли:
На войне пропал сыночек,
Дочка без вести пропала;
Вот сыночек возвратился,
Дочь еще не появлялась».

Калервы сын, Куллервойнен
Так спросил свою родную:
«Но куда ж она пропала,
Где сестра моя погибла?»

Мать ему сказала слово
И такие молвит речи:
«Вот куда она пропала,
Где сестра твоя погибла:
В лес за ягодой ходила,
Под горою за малиной;
Там-то курочка исчезла,
Птичка сгилла смертью тяжкой.
Там-то без вести пропала,
Как погибла — неизвестно.

Кто по дочери тоскует?
Ведь никто, как мать родная!
Мать ее всех больше ищет,
Ищет мать и к ней стремится;
Так пошла и я, бедняжка,
Отыскать хотела дочку:
Как медведь, я мчалась лесом,
Точно выдра, мчалась рощей,
День искала и другой день,

Третий день еще искала,
Но когда прошел и третий,
Как неделя миновала,
На горе вверху я стала,
На холме весьма высоком,
Там звала я громко дочку,
Там ушедшую искала:
«Где ты, дочка дорогая?
Воротись домой скорее!»

ак звала я громко дочку,
О пропавшей горевала;
Мне в ответ сказали горы,
Так ответили дубравы:
«Не зови свою ты дочку,
Не зови ее так громко!
Не вернется больше дочка,
Никогда она не сможет
Быть у матери в жилище,
Быть у пристани отцовской»

РУНА
ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

К

алервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
С этих пор и поживает
Под родительскою кровлей;
Он не сделался умнее,
Не обрел рассудка мужа,
Ибо дурно был воспитан,
Глупо в люльке был укачан,
Воспитатель был неумный
И укачиватель глупый.
Начал юноша работать,
Брал он разную работу.
Рыб ловить он снарядился,
Расставлять снаряд для ловли.
Говорил слова такие,
Так с веслом в руках промолвил:
«Что есть сил тянуть мне невод,
Изо всей грести мне мочи,
Иль тянуть его не сильно
И грести, насколько нужно?»
Рулевой промолвил с лодки,
Говорил слова такие:

«Хоть тяни со всею силой,
Хоть гребь по-молодецки,
Ты разбить не сможешь лодки,
Ей уключин не сломаешь».

Калервы сын, Куллервойнен
Стал грести со всею силой,
Приналег по-молодецки —
И сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновою лодку.
Калерво взглянуть приходит,
Говорит слова такие:
«Ты грести совсем не можешь!
Ты сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновою лодку!
Ты поди гнать рыбу в невод!
Может, в этом ты получше».

Калервы сын, Куллервойнен
Собрался гнать рыбу в невод.
Гонит рыбу, рассуждая,
Говорит слова такие:
«Со всего ль плеча работать,
Гнать ли рыбу с полной силой,
Иль работать осторожно,
Рыбу гнать, насколько нужно?»

Исказал тащивший невод:
«Что ж была бы за работа,
Если гнать не с полной силой,
Не работать молодецки!»
Калервы сын, Куллервойнен
Со всего плеча тут гонит,
Гонит рыбу молодецки:
Воду в кашу превращает,

Растрепал весь невод в паклю,
Рыбу сделал просто слизью.

Калерво взглянуть приходит,
Говорит слова такие:

«Рыбу гнать ты не годишься!
Растрепал весь невод в паклю,
Поплавки разбил в кусочки,
Разорвал на части сети!
Ты пойди плати-ка подать,
Поземельные налоги!
Ты в дороге, может, лучше,
На пути умнее будешь».

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Статный, золотоволосый,
В башмаках красивой кожи,
Уплатить поехал подать,
Поземельные налоги.
Уплатил, как нужно, подать,
Отдал зерна все, как надо,
И в своих санях уселся,
На сиденье занял место;
И домой оттуда едет,
Сам на родину стремится.

С шумом сани заскользили
И в дороге измеряли
Вяйнямёйнена поляны,
Прежде вспаханное поле.

Златокудрая девица
Едет, лыжней измеряя
Вяйнямёйнена поляны,
Прежде паханное поле.

Калервы сын, Куллервойнен
Останавливает сани;
Говорить девице начал,

Говорит и приглашает:
«Ты войди, девица, в сани,
Отдохни на этой шкуре!»
На бегу девица молвит,
Проскользнувши, отвечает:
«Смерть к тебе пусть в сани сядет
И болезнь на эту шкуру!»

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут коня кнутом ударил,
Бил коня жемчужной плетью.
Мчится конь, бежит дорога,
И скрипят по снегу сани.
С сильным шумом он понесся,
Спешно едет по дороге,
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдыстым.
Вот девица повстречалась,
В башмаках идет хороших
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдыстым.
Калервы сын, Куллервойнен
Удержал коня поспешно,
Рот сложил, как мог, красивей,
Молвил вежливо девице:
«Ты садись, красотка, в сани,
Красота страны, со мною!»
А девица отвечает,
В башмачках хороших молвит:
«Туони пусть в те сани сядет,
Маналайнен там с тобою!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плетью.

Мчится конь, бежит дорога,
И скрипят по снегу сани.
Шумно едет он дорогой,
И в пути он проезжает
Гладью Похъёлы песчаной,
Той Лапландии полями.
Едет девушка навстречу
В оловянных украшениях
Гладью Похъёлы песчаной
И лапландскими полями.

Калервы сын, Куллервойнен
Удержал коня вожжами,
Рот сложил, как мог, красивей,
Молвил вежливо девице:
«Ты садись, девица, в сани,
Ляг под полостью, красотка,
В санках яблочков поешь ты,
Погрызешь моих орешков!»
Так ответила девица
В оловянных украшениях:
«Я плюю тебе на сани,
На сиденье негодяя!
Мне под полостью морозно,
Мне в санях твоих противно».

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Подхватил девицу в сани,
Подтащил ее к сиденью,
На меху сажает в санках,
Тянет девушку под полость.
Зло промолвила девица
В оловянных украшениях:
«Отпусти меня с сиденья,
Выпусти из рук малютку,

Чтоб мне слов дурных не слушать,
Не слышать бы просьбы злого,
Иль я сани разломаю,
Выбью длинные брусочки,
На куски сломаю сани,
Разобью бока их в щепки!»

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут открыл сундук с деньгами,
Стукнул пестренькою крышкой,
Серебро ей показал он,
Расстелил платки цветные,
С золотой каймой чулочки,
Пояски посеребрены.

Манит золото девицу,
Ей платок меняет мысли,
Серебро несет ей гибель,
Портит золото ей думы.

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут ласкать девицу начал,
Увещает, обольщает,
Держит вожжи он рукою,
А другою грудь девицы.

Утомляет он девицу
В оловянных украшениях
Там, под полостью расшитой,
На мехах прекрасных, пестрых.

от уж бог послал и утро,
День уж следующий выслал.
Говорит ему девица,
Увещает, вопрошает:
«Из какой семьи ты, смелый,
Из какого рода будешь?»

Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Сын я Калервы несчастный,
Сын, лишенный разуменья,
Глупый, ни к чему не годный.
Ты сама откуда родом,
Из какой семьи, красотка,
Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный».

Так ответила девица,
Говорит слова такие:
«Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Калервы я дочь, бедняжка,
Неразумная я дева,
Я негодная девица.

Как была еще ребенком
В доме матери любимой,
В лес по ягоды пошла я,
Там у горки, за малиной,
Собирала землянику,
У холма брала малину;
Собирала день, заснула,
Собирала день, другой день;
Наконец, уже на третий,
Не нашла домой дороги:
Дальше в лес вела дорога,
В чащу все вели тропинки.

Там я плакала, сидела,
День проплакала, другой день;
Наконец, уже на третий,
Поднялась высоко в гору,
На горе высокой стала,
Там аукала, кричала.
Отвечал мне лес зеленый,
Мне в ответ холмы звучали:
«Дева глупая, не кликай,
Не кричи так безрассудно,
Твоего не слышно крика,
Он до дома не доходит».

Третий день я шла, четвертый,
Пятым днем, шестой блуждала.
Умереть я покушалась
И гибели искала;
Но никак не умирала,
Не могла никак погибнуть!

Если б умерла, бедняжка,
Если б, слабая, погибла,
На другой бы год, быть может,
Иль на третье, может, лето
Зеленела бы я травкой,
Зацвела бы я цветочком,
Вышла б ягодкой на землю,
Вышла б красною брусничкой,
Этих ужасов не знала б,
Не узнала бы позора».

И едва она сказала,
Только вымолвила слово,
Как с саней вдруг соскочила,
Быстро бросилась в реку,
Прямо в пену водопада,
В эту огненную бездну.
Там нашла себе кончину,

Обрела себе погибель;
В Туонеле нашла забвенье,
Мир в потоках этих водных.

Калервы сын, Куллервойнен
Из саней поспешно вышел,
Начинает горько плакать,
Очень громко причитает:
«О, как я несчастен в жизни,
Как судьба моя ужасна!
Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!
Горе батюшке родному,
Горе матушке-старушке!
Вы к чему меня вскормили,
Для чего на свет пустили?
Мне б гораздо лучше было
Не расти и не рождаться,
Не рождаться в этом мире,
На земле не появляться.
Смерть неверно поступила
И болезнь несправедлива,
Что меня не умертвила,
На вторую ж ночь от роду».

Он хомут ножом разрезал,
Режет он ремни из кожи,
И на лошадь он садится,
На крестец у белолобой.
Он спешит, дорогой скачет
И в пути недолго побыл,
Ко двору отца приехал,
На поляну он домчался.

На дворе там мать стояла.
«Мать родная, дорогая!
Если б ты меня, родная,
Только я на свет родился,

Б дымной бане положила,
Двери крепко затворила,
Там бы в дыме задушила,
На вторую ж ночь от роду,
С одеялом и с пеленкой
Ты меня бы утопила,
Люльку бросила бы в печку,
На огне ее сожгла бы!

а деревне бы спросили:
«Отчего в избе нет люльки,
Заперта так крепко баня?»
Ты тогда бы им сказала:
«На огне сожгла я люльку,
В печку бросила качалку.
В бане зерна прорастают,
Я из них готовлю солод».
Мать тогда его спросила,
Седовласая старушка:
«Что с тобой, сынок мой, случилось,
О каком твердишь ты чуде?
Словно в Туонеле ты побыл,
Как из Маналы ты вышел!»

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Верно, что случилось чудо,
Совершилось злодеянье,
Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!

ак я выплатил всю подать,
Все зерно, как надо, отдал,
Повстречалась мне девица;
И ласкал я эту деву:
То была моя сестрица,
То — дитя моей родимой!

Уж нашла она кончину,
Обрела себе погибель
В страшной глуби водопада,
В той пылающей пучине.
Не могу никак понять я,
Не могу никак постигнуть,
Где найду себе кончину,
Где я смерть найду, несчастный:
В пасти ль воющего волка,
В зеве ль страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки?»

ать на это отвечает:
«Не ищи, сыночек, смерти
В пасти воющего волка,
В зеве страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки!
Ведь обширен берег Суоми,
Широки пределы Саво,
Где преступный скрыться может,
Чтоб оплакать злодеянье,
На шесть лет укрыться можно,
Даже на девять лет сряду,
Время мир ему дарует,
Скорбь ему утишат годы».

алервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Не пойду я укрываться,
От стыда бежать не буду!
А пойду я к пасти смерти,
Я пойду к воротам Калмы,
На поля больших сражений,
Где храбрейшие воюют:

На ногах еще Унтамо,
Не погиб, не умер изверг.
Раны батюшки отмщу я,
Слезы матушки родимой,
Все страдания припомню.
Что я сам на свете вынес»

РУНА
ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

К

алервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Собрался идти войною,
Снарядился для сраженья,
Наточил клинок блестящий,
Наострил у пики кончик.

Мать ему тогда сказала:
«Не ходи, сыночек милый,
Не ходи туда войною,
Где мечей железных много!
Кто воюет без причины,
Сгоряча вступает в битву,
Тот и жизнь в войне теряет.
Тот в сраженье погибает,
От железа смерть находит.
От меча свою кончину.

На козе ль ты едешь в битву.
На козе ль сражаться едешь.
Та коза побита будет,
Упадет козел немедля,
На собаке ты вернешься,
На лягушке в дом ты въедешь».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Не паду я на болоте,
На песках я не погибну,
Там, где ворона жилище,
Где вороны ищут пищу.
Я паду на поле битвы,
Я погибну в битве храбрых.
Хорошо погибнуть в битве,
Умереть под звон оружия!
На войне скончаться славно:
Жизнь герой кончает скоро,
Он отходит, не болея,
Не худея, свет бросает».

Мать ему сказала слово:
«Если ты умрешь в сраженье,
Кто отцу защитой будет,
Кто останется при старом?»
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Пусть умрет он на прогоне,
На дворе пусть жизнь окончит»
«Кто ж при матери защитой,
Кто останется при старой?»
«На снопе пусть погибает,
Задохнется в грязном хлеве».
«Кто ж останется при брате,
Чтоб помочь ему в несчастье?»
«Пусть в лесу он истомится,
Пусть он свалится на поле!»
«При сестре твоей кто будет
Утешать ее в несчастье?»
«У колодца пусть погибнет
Иль умрет, стирая платье!»

Калервы сын, Куллервойнен
Поспешил уйти из дома,
И отцу сказал он слово:
«Ты прощай, отец мой добрый!
Ты поплачешь ли о сыне,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»

И отец промолвил слово:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер:
Приживу другого сына,
Будет он тебя получше
И умней тебя namного».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
Как услышу, что ты умер;
Сам себе отца устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Борода — сухие стебли,
Ноги — ивовые сучья,
Мясо — сгнившие деревья».

Так потом промолвил брату:
«Ты прощай, мой милый братец!
Ты поплачешь ли о брате,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»

Брат ему промолвил слово:
«О тебе я не заплачу,

Как услышу, что ты умер:
Я себе добуду брата:
Будет он тебя получше,
Вдвое будет он красивей».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
Как услышу, что ты умер;
Я себе устрою брата:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса — сухие стебли,
Ноги — ивовые сучья,
Мясо — сгнившие деревья».

Он сестре потом промолвил:
«Ты прощай, моя сестрица!
Ты поплачешь ли о брате,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»

Так промолвила сестрица:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер;
Отыщу другого брата:
Будет он тебя получше
И умней тебя намного».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
О твоей узнавши смерти;
Я себе сестру устрою:
Голова из камня будет,

Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса — сухие травы,
Из цветов болотных — уши,
Из кленовых сучьев — тело».

Тут он матери промолвил:
«Мать родная, дорогая,
Ты в себе меня носила,
Ты ребенка воспитала!
Ты поплачешь ли о сыне,
Как услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»

Мать ему сказала слово,
Мать такие молвит речи:
«Ты не знаешь мыслей старой,
Сердце матери, бедняжки!
Горько, горько я заплачу,
Как умрешь ты, мой сыночек,
Из числа людей исчезнешь,
В нашем роде уж не будешь.
Я залью избу слезами,
На полу потоки будут,
Я на улицах поплачу,
Я от слез согнуся в хлеве,
Снег от слез обледенится,
Лед землею талой станет,
Порастет земля травую,
А трава от слез повянет.

Если плакать я устану,
Утомлюся я от воплей,
На глазах у всех рыдая,
В бане тихо я поплачу,

Так что лавки все и доски
Поплывут в потоках слезных».
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
На войну пошел, играя,
Шел он с кликами на битву,
Он трубил, идя болотом,
По лесу он громко топал,
По лугам шумел он громко,
С громом шел он по полянам.

по следам дошло известье,
До ушей достигла новость:
«Твой отец уже скончался,
Отошел навеки старый.
Приходи домой — посмотришь,
Как умершего хоронят!»
Калервы сын, Куллервойнен
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончался, так скончался;
Дома там найдется мерин,
Чтоб сvezти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы».

И трубит, идя болотом,
И гудит, идя пожогом.
По следам идет известье,
До ушей достигла новость:
«Братец твой недавно умер,
Сын родителей скончался;
Приходи домой — посмотришь,
Как умершего хоронят!»
Калервы сын, Куллервойнен
Дал в ответ слова такие:

«Коль скончался, так скончался;
Жеребец найдется дома,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы!»

И гудит, идя болотом,
И трубит в свой рог по лесу.
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
«Умерла твоя сестрица,
Дочь родителей скончалась;
Приходи домой — посмотришь,
Как умершую хоронят!»

Калервы сын, Куллервойнен
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончалась, так скончалась;
Дома есть у нас кобыла,
Чтоб свезти ее в могилу,
Опустить в жилище Калмы!»

По жнивью идет, ликуя,
И гудит, идя лугами,
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
«Мать твоя уже скончалась,
Эта добрая старушка,
Приходи домой — посмотришь,
Как умершую хоронят!»

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Горе бедному мне сыну!
Мать моя уже скончалась,
Что готовила постель мне,
Одеяло украшала,

Что пряла на прялке пряжу,
Что вертела веретенцем;
Я же не был при кончине,
Не видал души исхода.
Может, с холоду скончалась
Или с голоду погибла!

В доме мертвую обмойте,
Мойте самым лучшим мылом,
В шелк умершую оденьте,
Полотном ее прикройте,
Отвезите так в могилу,
Опустите в лоно Калмы,
Отвезите с скорбным пенем,
Опустите с горьким воплем!
Не могу я возвратиться:
Унтамо мной не наказан,
Не погиб противник злобный,
Не сражен еще преступный».

Он идет, трубя, на битву,
К Унтамо в страну победно,
Говорит слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный!
Ты пошли мне меч получше,
Дай ты мне клинок прекрасный,
Чтоб он мог с толпой бороться,
Устоял бы против сотни».

Меч нашел себе по мысли,
Взял клинок из самых лучших,
Толпы он мечом сражает,
Род весь Унто истребляет,
Обращает избы в пепел;
Только пыль одна осталась,

Лишь остались в печке камни
Да рябина у забора.

Калервы сын, Куллервойнен
Повернул в страну родную.
Шел к отцовскому жилищу,
На поля родного старца;
Но пустой нашел избушку,
И вошел он, как в пустыню:
Ни обнять никто не вышел,
Ни руки никто не подал.

Протянул он руку к углям:
В печке угля остыли;
Потому-то и узнал он,
Что уж мать его скончалась.

Приложил он к печке руку:
Холодны у печки камни;
Потому-то и узнал он,
Что отец его скончался.

Пол тогда окинул взглядом:
Пол не подметен в избушке;
Потому-то и узнал он,
Что сестра его скончалась.

Он пошел затем на пристань:
На катках не видно лодок;
Потому-то и узнал он,
Что и брат его скончался.

Начинает горько плакать,
Плачет день, другой день плачет,
Говорит слова такие:
«Мать ты, добрая, родная!
Что оставила ты сыну,
На земле живя на этой?»

Но ты, мать, меня не слышишь:
На глазах твоих стою я,
На бровях твоих горюю
И на темени тоскую!»

Мать во гробе пробудилась,
Из могилы отвечала:
«Черный пес тебе остался,
Чтоб ходил ты с ним по лесу,
Ты возьми его с собою
И в леса ты с ним отправься
По ту сторону дубравы,
К дочерям лесным приблизься,
К синим девам, к их подворью,
На конце лесного замка;
Там поищешь пропитанья,
Там попросишь подаянья!»
Калервы сын, Куллервойнен
В лес отправился с собакой,
Шел далеко по дороге
И прошел сквозь чащу леса;
Там прошел еще немного,
Очень малое пространство,
И пришел к тому лесочку,
На ужасное то место,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.

Плечет там и луг прекрасный,
Плачет жалобно и роща,
Травки юные горюют,
На песках цветы тоскуют,
Что он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.

Не взошла трава молодая,
На песках цветы не вышли,
Не росли на этом месте,
Там, на месте преступления,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.

Калервы сын, Куллервойнен
Меч вытаскивает острый,
Повернул кругом железо;
У меча тогда спросил он,
Хочет знать его желанье:
Не захочет ли оружье
Мяса грешного отведать
И напиток злобной крови?
Понял меч его желанье,
Он учуял мысли мужа,
Говорит слова такие:
«Отчего же не желать мне
Мяса грешного отведать
И напиток злобной крови,
Коль пронзаю я безгрешных,
Пью я кровь у неповинных?»

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Рукояткой меч втыкает,
Глубоко вонзает в землю,
Острие на грудь направил,
Сам на меч он повалился,
Поспешил навстречу смерти
И нашел свою кончину.
Так скончался этот юный,
Куллерво погиб бесстрашный,

Такова кончина мужа,
Смерть несчастного героя.

лышит старый Вяйнямёйнен
О кончине той известье,
Что так Куллерво скончался,
И такие речи молвит:
«Не давай, народ грядущий,
Ты детей на воспитанье
Людам глупым, безрассудным,
Не давай чужим в качалку!
Если дурно нянчат деток
И качают безрассудно,
То дитя не выйдет умным,
Не получит мудрость мужа,
Хоть окрепнет мощным телом
И состарится с годами».

РУНА
ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

К

Каждый вечер Ильмаринен
О своей супруге плачет,
Все без сна проводит ночи,
Днем не ест, а только плачет:
Ранним утром причитает,
День начнется, он вздыхает,
Ибо нет его супруги,
Умерла его красотка;
Не берет он в руки молот,
Молот с медной рукояткой,
Не слышать его кованья,
Не слышать уж целый месяц
Так промолвил Ильмаринен:
«Горе молодцу-бедняге,
Как мне быть теперь, не знаю
Сплю ли, бодрствую ли ночью,
Ни о чем не в силах думать.
И от горя ослабел я.
Вечерами мне так скучно,
Мне тоскливо ранним утром,

Ночь еще того тяжеле,
А проснусь, так станет горше.
Я не жду, как прежде, ночи,
Поутру не жаль вставать мне,
День ли, ночь ли — все равно мне:
Я печалюсь о прекрасной,
Я тоскую по желанной,
Я грущу по чернобровой.

Часто в середине ночи,
На перине мягкой лежа,
Вижу милую во сне я,
Тщетно руки простираю,
Тщетно ощупью скольжу я
В обе стороны рукою».
Без жены кузнец страдает.
Постарел он без супруги.
Два-три месяца проплакал,
Но, когда настал четвертый,
Взял он золота из моря,
Серебра в морских течениях;
Кучу дров нагромоздил он,
Тридцать раз за ними ездил;
Пережег дрова на угли,
Наложил углей в горнило.
Взял он собранное злато,
Серебра он взял обломок
В рост осеннего ягненка
Или зимнего зайчонка.
Бросил золото расплавить,
Серебро в горнило бросил
И к мехам рабов поставил
За поденную оплату.
Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,

Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли —
Изваяние из золота,
Из серебра невесту сделать.
Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо.
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горячей печки,—
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?

Вот овца из печки вышла,
Побежала из горнила,
Шерсть из золота, из меди,
Шерсть серебряная также.
Все любят овецкой,
Но кователь недоволен.
И промолвил Ильмаринен:
«Это волку нужно только!
Я жены хотел из золота,
Ждал из серебра супруги».
И кователь Ильмаринен
Вновь овцу в огонь кидает,
Прибавляет больше золота,
Серебра еще бросает,
Вновь рабов к мехам он ставит
За поденную оплату.
Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.

Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли —
Изваяние из золота,
Из серебра невесту сделать.

А о плоха рабов работа,
И мехи качают слабо.
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горячей печки,—
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Из огня бежит жеребчик,
И к мехам он подбегает,
Златогривый, среброглавый,
А копытца все из меди.
Все жеребчиком довольны,
Но кователь недоволен.
И промолвил Ильмаринен:
«Это волку только нужно!
Я жены хотел из золота,
Ждал из серебра супруги».

И кидает Ильмаринен
Вновь жеребчика в горнило,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Вновь рабов к мехам он ставит
За поденную оплату.
Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.

Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли —
Изваяние из злата,
Из серебра невесту сделать.
Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо;
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки,—
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?

Из горнила вышла дева
С золотыми волосами
И с серебряной головкой,
С превосходным чудным станом,
Так что прочим стало страшно,—
Ильмаринену не страшно.
Стал трудиться Ильмаринен,
Сам кузнец над изваяньем,
Он ковал, не спавши, ночью,
Днем ковал без остановки.
Ноги сделал этой деве,
Ноги сделал ей и руки,
Но нога идти не может,
И рука не обнимает.

Он кует девице уши,
Но они не могут слышать.
Он уста искусно сделал
И глаза ей, как живые,
Но уста без слов остались
И глаза без блеска чувства.

И промолвил Ильмаринен:
«Хороша была бы дева,
Если б речью обладала,
Дух и голос бы имела».

И повлек красотку-деву
На пуховую перину,
На покойные подушки,
На постель свою из шелка.

Вот кователь Ильмаринен
Истопил, напарил баню,
Приготовил в бане мыло;
Он связал ветвистый веник
Да воды принес три кадки,
Чтобы зяблица купалась,
Подорожник омылся
От нагара золотого.

Вдоволь сам кузнец помылся,
С наслажденьем искупался.
Лег он рядом с этой девой
На пуховую перину,
На стальной своей кровати,
На подставках из железа.

Взял кователь Ильмаринен,
Взял он первую же ночью
Одеял число большое,
Да принес платков он кучу,
Две иль три медвежьи шкуры,
Одеял пять-шесть суконных,
Чтобы спать с своей супругой,
С золотой женою рядом.

Он с того согрелся боку,
Где покрыли одеяла;
Но с другого, где лежало
Изваянье золотое,
Только холод проникает,

Лишь мороз проходит страшный,—
Этот бок уж леденеет,
Уж твердеет, словно камень.
И промолвил Ильмаринен:
«Негодна такая в жены!
В Вяйнёлу ее свезу я,
Вяйнямёйнену в подарок:
Пусть ему подругой будет,
Сядет курочкой любезной».

В Вяйнёлу отвез он деву
И, придя туда, промолвил,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Вот возьми красотку-деву,
Эту видную девицу,
Рот ее широк не будет,
Не надуты будут щеки».
Старый, верный Вяйнямёйнен
То увидел изваянье,
Бросил взор на это золото,
Говорит слова такие:
«Ты зачем привез мне это,
Это чудище золотое?»
Отвечает Ильмаринен:
«Чтоб тебе же было лучше,
Я привез тебе супругу,
Эту курочку в подарок».
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«О кузнец, мой милый братец!
Брось в огонь ты эту деву
И накуй вещей различных
Иль вези ту куклу к немцам,
Как диковинку, к венецам,
Пусть ее богатый любит,
Пусть к ней сватается знатный!»

Неприлично в нашем роде,
Самому мне точно так же,
Брать невесту золотую,
Брать серебряную в жены».
Запретил тут Вяйнямйнен,
Не велел Сувантолайнен
Поколениям грядущим,
Возрастающему роду
Перед золотом склоняться,
Серебру уступку делать.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Дети бедные, смотрите
Вы, растущие герои,
Будете ли вы с достатком
Иль совсем без достоянья,
Берегитесь в вашей жизни,
И пока сияет месяц,
Сватать деву золотую,
Брать серебряную в жены!
Блеск у золота холодный,
Серебро морозом дышит».

РУНА
ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В

от бросает Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Золотое изваянье,
Из серебра свою невесту.
На коня надел он сбрую,
Он коня запряг как надо,
Сел тут в сани расписные,
Поместился на сиденье.
Он отправиться решился,
И намеренье имел он
Снова в Похьэле посватать —
Похьёлы вторую дочку.
День проехал Ильмаринен,
И второй потом он мчится,
Наконец, уже на третий,
В Похьёлу во двор въезжает.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
На дворе сама стояла.
Говорить тут начинает
И все выведать желает:

Хорошо ль ее дитяти,
Хорошо ль живется дочке
С мужем в доме у свекрови,
Как хозяйке и невестке?

Икователь Ильмаринен
Головой поник печально.
Шапка на сторону сбилась.
Сам сказал слова такие:
«И не спрашивай ты, теща,
Не расспрашивай ты больше,
Хорошо ль живется дочке,
Хорошо ль живет родная!
Смерть ее уже схватила,
Был конец ее суровый;
В землю ягодку зарыли
И в песочек положили
Чернобровую под стебли,
Серебристую под травы.
Вот за дочерью вторую
Я пришел за младшей девой.
Ты отдай мне деву, теща,
Отпусти вторую дочку
В дом моей супруги первой,
На скамью сестрицы милой!»

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Плохо прежде поступила,
Дурно сделала я раньше,
Что дитя тебе вручила,
Отдала тебе ту дочку,
Чтобы юная скончалась,
Чтобы нежная погибла,
Точно в пасти злого волка,
В глотке страшного медведя.

Не отдам тебе вторую,
За тебя я дочь не выдам,
Чтоб с тебя смывала сажу,
Очищала бы от гари.
Я скорее брошу дочку,
Это детище родное,
В водопад, шумящий бурно,
В пасть пылающей пучины,
В страшный зев налима Маны,
В пасть зубастой щуки Туони».

Тут кователь Ильмаринен
Рот скривил, поник главою,
Волосы все набок сбились,
Головой махнул курчавой
И в избу прошел поспешно,
Сам прошел под кровлю быстро.
Говорит слова такие:
«Ты пойдь ко мне, девица,
На скамью своей сестрицы,
В дом моей супруги первой,
Чтобы печь мне хлебы с медом,
Чтоб варить полуще пиво!»

Аа полу запел ребенок,
Он запел и так промолвил:
«Уходи отсюда, лишней,
Уходи от нашей двери!
Повредил ты раньше дому,
Причинил ты дому горе,
Как пришел сюда впервые,
У дверей здесь появился.
Дева, милая сестрица!
Не влюбляйся в жениха ты.
Не смотри на ноги мужа,
На румянец уст не зарься:
У красавца — зубы волка,

Он припрятал лисьи когти,
Когти острые, медвежьи;
Нож его лишь крови жаждет,
Им он головы срезает,
Им, негодным, режет спины».

И промолвила девица,
Ильмаринену сказала:
«За тебя не выйду замуж,
За такого негодяя!
Ты убил свою супругу,
Погубил мою сестрицу
И меня убить ты можешь,
Сам меня лишишь ты жизни,
Ведь заслуживает дева,
Чтобы муж ее был лучше
И имел бы рост хороший,
Чтоб поехать в лучших санках,
Ехать к лучшему жилищу,
К дому лучшему, побольше,
А не к кузнице с углями,
Не к огню дрянного мужа».

Рассердился Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Рот скривил, поник главою,
Волосы все набок сбились;
Подбежал, схватил девицу;
Обхватил ее руками,
Из избы бежит метелью,
Подбежал к саням поспешно,
Посадил девицу в сани,
Бросил в сани расписные,
Собрался оттуда ехать,
Отправляется оттуда
И рукою держит вожжи,
А другою грудь девицы.

Горько плакала девица,
Говорит слова такие:
«Я иду к болотной клюкве,
На прибрежную осоку;
Там я, курочка, погибну,
Там умру я, птичка, с горя.

кователь Ильмаринен!
Если ты меня непустишь,
Разобью я эти сани,
Расщеплю их по кусочкам,
Их коленями сломаю,
Разобью я их ногами».

Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Так кузнец устроил сани,
Что бока их из железа,
Чтобы их не повредила
Этим топаньем красотка».

Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшениях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
«Если ты меня непустишь,
Обращусь тогда я в рыбу
И сигом уйду под волны».

о кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой пуцусь я щукой».

Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшениях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,

Говорит слова такие:
«Если ты меня непустишь,
Убегу я в лес зеленый
Горностаем на утесы».

Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:

«От меня ты не спасешься:
За тобой пушусь я выдрой».

Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшениях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,

Говорит слова такие:
«Если ты меня непустишь,
То я жаворонком стану,
От тебя я спрячусь в туче».

Ао кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой орлом помчуся».

Лишь отъехали немного,
Небольшую часть дороги,
Начинает лошадь фыркать,
Вислоухая пугаться.

Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»

Отвечает Ильмаринен:
«Заяц здесь бежал дорогой».

Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, девице бедной!
Было б мне гораздо лучше,

Лучше, если б мне пришлось
Побежать за этим зайцем
И уйти за косолапым,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы у зайца лучше,
Рот у зайца покрасивей».

Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Едет шумно по дороге;
Но немного лишь отъехал,
Очень громко конь зафыркал,
Вислоухий испугался.
Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»
Отвечает Ильмаринен:
«Здесь лисица пробежала».

Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, девице бедной!
Мне жилось бы много лучше,
Лучше, если б мне пришлось
Ехать в саночках лисицы,
На сиденье лиски быстрой,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы лисицы лучше,
Рот лисицы покрасивей».
Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге;

Но немного лишь отъехал,
Очень громко конь зафыркал,
Вислоухий испугался.

нодняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»
Отвечает Ильмаринен:
«Это волк бежал дорогой».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, несчастной деве,
Мне жилось бы много лучше,
Если бы пришлось мне, бедной,
Побежать за этим волком,
Что всегда лишь в землю смотрит,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы у волка лучше,
Рот у волка покрасивей».
Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге
Ночью в новую деревню.

Здесь, усталый от дороги,
Он уснул тотчас же крепко,
А жена с другим смеялась
Над своим уснувшим мужем.
Как кователь Ильмаринен
Поутру тогда проснулся,
Рот скривил, главу понурил,
Волосы все набок сбились;
И промолвил Ильмаринен,

Вымолвил такое слово:
«Не приняться ль мне за пенье,
Не заковать ли мне невесту,
Обратить в лесного зверя
Или в зверя водяного?
Если в лес ее пушу я,
То весь лес перепугаю;
Коль пушу ее я в воду,
Убегут оттуда рыбы;
Я возьму клинок мой острый
И мечом я с ней покончу».

Ует меч его решенье,
Угадал клинок желанье,
Говорит слова такие:
«Не на то ведь я устроен,
Чтоб губить бессильных женщин,
Чтоб лишать несчастных жизни».
Вот кователь Ильмаринен
Начал сильные заветья,
Громко начал заклинанья:
Обратил жену он в чайку,
Чтоб скакала по утесам,
Чтоб пицала по скалистым,
Чтоб вертелась по прибрежью
И носилась в непогоду.
Тут кователь Ильмаринен
Быстро вновь уселся в сани.
Шумно мчит по дороге,
Головой поник печально,
Едет к родине обратно,
На знакомые поляны.
Старый, верный Вяйнямейнен
На пути его встречает,
Говорит слова такие:
«Брат, кователь Ильмаринен!

Отчего ты так печален,
Шапка на сторону сбилась?
Ты из Похъёлы вернулся?
Как же Похъёла живет там?»

Отвечает Ильмаринен:
«Что ж ей, Похъёле, не жить там!
Сампо мелет неустанно,
И шумит немолчно крышка,
Мелет день для пропитанья,
А другой день для продажи,
Третий мелет для пирушки;
Говорю я справедливо,
Повторяю это снова:
Сладко в Похъёле живется,
Если в Похъёле есть Сампо!
Там и пашни и посевы,
Там и разные растенья,
Неизменные там блага».

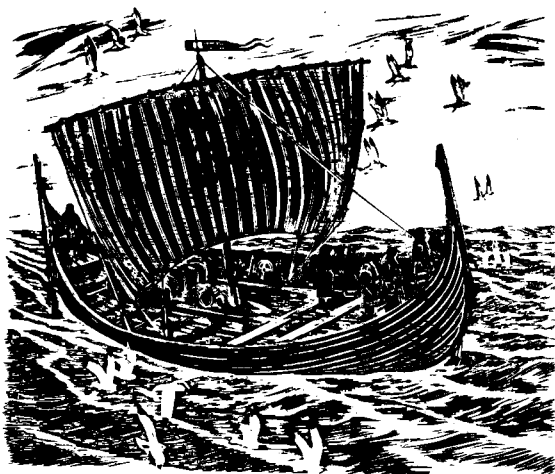

олвит старый Вяйнямёйнен:
«Брат, кователь Ильмаринен!
Где ж супругу ты оставил,
Знаменитую девицу,
Что один ты возвратился,
Без жены назад приехал?»

Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Обратил в морскую чайку
Я жену свою дрянную,
И теперь на море чайкой
Все кричит она, все кличет,
Все шумит там по утесам,
Оглашает криком скалы».

РУНА
ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Старый, верный Вяйнямейнен

Говорит слова такие:

«О кователь Ильмаринен!
Едем в Похъёлу с тобою,
Чтоб добыть оттуда Сампо,
Крышку пеструю увидеть!»

Тут кователь Ильмаринен,

Отвечая, так промолвил:

«Невозможно взять нам Сампо,

Крышку пеструю похитить

Из той Похъёлы туманной,

Сариолы вечно мрачной!

Сампо в Похъёле убрали,

Крышку пеструю укрыли

В каменной скале высокой,

В медном Похъёлы утесе,

Там — за девятью замками;

И пошли от Сампо корни

В глубину на девять сажен;

И один проходит в землю,

На берег другой проходит,

Третий в гору, что при доме».

Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Брат, кузнец ты мой любезный!
Едем в Похьёлу со мною,
Чтоб добыть оттуда Сампо!
Мы корабль большой построим,
Чтоб на нем поставить Сампо,
Крышку пеструю похитить
В скалах Похьёлы туманной
Из горы, где много меди,
Из-за девяти замочков!»

Отвечает Ильмаринен:
«Путь по суше безопасней.
Лемпо морем пусть поедет,
Смерть пусть тащится по волнам!
Там нагнать нас может ветер,
Может буря опрокинуть,
Как бы не пришлось грести нам
Там — как веслами — руками».

Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Путь по суше безопасней,
Безопасней, но не легче,
Он извилистей и дальше.
Хорошо по морю в лодке,
В челноке приятно плавать,
По равнинам вод стремиться,
Ехать прямо по течению:
Ветры лодочку качают,
Волны двигают кораблик,
Ветер западный качает,
Южный ветер подгоняет.
Но пусть будет, как кто хочет,
Ты не хочешь ехать морем,

Так поедem мы по суше,
Мы поедem по побережью!

Только ты клинок мне выкуй,
Огневой мне меч устрой ты,
Чтоб собак я разогнал им,
Похъёлы народ рассеял,
Ибо я иду брать Сампо
В деревнях, морозом полных,
В Похъёле туманно-мрачной,
В той суровой Сарноле».

Стал у горна Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
На огонь железо бросил,
Бросил сталь на кучу углей,
Бросил золота пригоршню,
Серебра пригоршню тоже.
Раздувать рабов заставил
За поденную оплату.

Тут рабы мехи качают,
Раздувают сильно воздух;
Точно тесто, сталь размякла,
Точно кашлица — железо,
Как вода, серебро блистает,
Как волна, струится золото.

И нагнулся Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Посмотрел на дно горнила,
На края горячей печки:
Там клинок образовался
С золотою рукояткой.
Смесь из пламени он вынул,
Положил металл прекрасный

Из горна на наковальню,
Чтоб стучал веселый молот.
Сделал меч, какой хотелось,
И клинок был самый лучший.
Меч он золотом украсил,
Серебром отделал славным.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотреть туда приходит.
Огневой клинок берет он,
Взял его рукою правой.
Поворачивает, смотрит,
Говорит слова такие:
«А придется ль меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу?»
И пришелся меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу,
На конце сияет месяц,
Посредине светит солнце,
В рукоятке блещут звезды,
В нижней части ржет жеребчик,
Наверху кричит котенок,
На ножнах собачка лает.

Там и тут мечом он рубит
По железному утесу,
Говорит слова такие:
«Лезвием я этим мог бы
Горы твердые разрезать,
Расколоть на части скалы!»

Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Чем же я могу, несчастный,
Чем, отважный, защищаться,

Опоясаться, закрыться
От всех бед морей и суши?
Не в броню ли мне одеться,
Взять железную рубашку
Да стальной на чресла пояс?
Всякий муж в броне сильнее,
Богатырь в железе лучше,
Крепче в поясе из стали».

Вот пришла пора уехать,
Час приблизился отъезда.
Должен ехать Вяйнямйнен,
С ним кователь Ильмаринен.
И пошли искать лошадку,
С колосистой гривой лошадь,
Обмотались поводками,
Сбруи на плечи взвалили.
Вот высматривают лошадь,
Морду лошади средь леса,
Смотрят пристально сквозь чащу,
По лесной опушке темной:
Наконец нашли в дубраве
Желтогривую лошадку.

Старый, верный Вяйнямйнен,
С ним кователь Ильмаринен
На коня ремни надели,
Повод лошади на морду.
И, стуча, дорогой едут,
Оба едут по побережью:
Услыхали вопль на взморье,
Крики с пристани несутся.
Старый, верный Вяйнямйнен
Говорит слова такие:

«Это девушка там плачет,
Это курочка рыдает!
Не подъехать ли поближе,
Посмотреть, что там такое?»

ам подъехал он поближе,
Посмотреть, что там такое.
То не девушка там плачет,
То не курочка рыдает:
Это лодочка там плачет,
То челнок печально стонет.

Молвит старый Вяйнямёйнен,
Стоя сбоку этой лодки:
«Что ты плачешь, челн дощатый,
Ты, с уключинами лодка?
Иль груба твоя работа,
Тяжелы крюки для весел?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«В море выйти хочет лодка
С тех катков, смолой покрытых,
Точно в мужнино жилище
Хочет девушка из дома.
Вот я плачу, челн несчастный,
Лодка бедная, горюю:
Чтоб меня столкнули в воду,
Чтоб меня спустили в море.

не, как строили, сказали,
Как сколачивали, пели:
Быть мне лодкою военной,
Быть корабликом для битвы,
Чтоб возить на дне богатство,
Чтоб с сокровищами плавать:

На войне еще я не был,
За добычею не ездил!
А другие лодки, хуже,
Ездят все-таки на битву,
На войне они бывают,
Трижды в лето выезжают,
Возвращаются с деньгами
И на дне везут богатство.
Я ж, построенный прекрасно
Из досок, из целой сотни,
Здесь гнию на этих щепках,
На катках, смолой покрытых;
Земляные только черви
Подо мной живут спокойно,
Да противнейшие птицы
На моей гнездятся мачте,
Да лягушки из лесочка
На бока мои садятся.
Вдвое было бы мне лучше,
Вдвое лучше, даже втрое,
Если б я был горной елью,
На песочке был сосною:
Там по мне б скакала белка,
Подо мною пес скакал бы».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, челнок дощатый,
Ты, с уключинами лодка!
На войну пойдешь ты скоро,
Ты поедешь на сраженье.
Только создана ль ты, лодка,
Мастером своим искусно?
Боком сможешь ли проехать,
Стороною по теченью,

Чтоб тебя рукой не трогать,
Не касаться даже пальцем,
И плечом тебя не двигать,
Не тащить тебя руками?»

твечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Мой обширный род не ходит,
Челны, братья дорогие,
Не столкнут пока их в воду,
Не погонят их на волны,
Не дотронутся руками
И не сдвинут силой с места».

Молвил старый Вяйнямейнен:
«Коль столкну тебя я в воду,
Побежишь ли ты без весел,
Чтоб не двигались весла,
Руль тебе не помогал бы,
В паруса не дули б ветры?»

твечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Мой обширный род не ходит,
И никто из нас не едет,
Коль грести не будут пальцы,
Если весла не помогут,
Если руль служить не будет,
Не подуют в парус ветры».

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
«Побежишь ли ты при гребле,
Если весла будут двигать,
Если руль тебя погонит,
В паруса подуют ветры?»

Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Весь обширный род мой ходит,
Челны, братья дорогие,
Если руки держат весла,
Если весла помогают,
Руль подвижный направляет,
Если дуют в парус ветры».

 ставляет Вяйнямёйнен
На песках свою лошадку,
Привязал к суку за повод,
К деревцу за недоуздок
И столкнул челнок на волны,
Пеньем гонит лодку в воду,
Так у лодки вопрошает,
Говорит слова такие:
«Челн, изогнутый прекрасно,
Ты, с уключинами лодка!
Так же ль ты пойдешь прекрасно,
Как ты выглядишь, дощатый?»

 твечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Я могу ходить прекрасно,
Поместить на дне могу я
Сто мужей, держащих весла,
Или тысячу сидящих».

Начал старый Вяйнямёйнен
Напевать тихонько песни:
На одном боку той лодки
Молодцы-красавцы сели;
В кулаках их много силы;
На ногах у них сапожки;

На другом боку той лодки
Сели девушки в колечках,
В оловянных украшениях,
В поясах блестящей меди.
Пел и дальше Вяйнямёйнен;
Занял все скамьи мужами;
Там, на дне, уселись старцы,
Что всю жизнь свою сидели;
Посадил их потеснее,
Молодежь расселась раньше.

ам он сел в конце на лодке,
У кормы, что из березы,
Свой кораблик направляет,
Говорит слова такие:
«Ты беги, мой челн, по волнам,
По пространству без деревьев
Ты беги, как пузыречек,
Как цветочек, по теченью!»
Молодцов грести заставил,
А девиц сидеть без дела:
Молодцы гребут прилежно,
Но пути не убывает.

н девиц грести заставил,
Молодцов сидеть без дела:
И гребут девицы сильно,
Но пути не убывает.
Стариков грести заставил,
Молодых сидеть без дела:
Старики гребут усердно,
Но пути не убывает.
Наконец уж Ильмаринен
Сам грести туда уселся;

Побежал челнок дощатый,
И дорога убывает.
Лишь звучат удары весел,
Визг уключин раздается.

 н гребет с ужасным шумом;
И качаются скамейки,
Стонут весла из рябины,
Ручки их, как куропатки,
Их лопатки, как лебедки,
Носом чели звучит, как лебедь,
А кормой кричит, как ворон,
И уключины гогочут.

Сам же старый Вяйнямёйнен
Лодку с плеском направляет,
На корме на красной сидя,
У руля занявши место.
Вдруг мысочек показался,
На мысочке — деревушка.

Ахти жил на том мысочке,
Кауко жил у этой бухты.
Плачет он, что нету рыбы,
Не хватает ему хлеба,
Больно мал амбар дощатый,
Что живется плуту плохо.

 н бока устроил лодке,
Челноку он дно приделал
На голодном этом мысе,
У несчастной деревушки.
Слух у Ахти превосходный,
А глаза того получше:
Осмотрел он север, запад,
Повернул на солнце взоры,

Видит радугу далеко,
А еще подальше — тучу.
Но не радугу он видит
И не тучу дождевую:
Это лодка проезжает,
Это челн дощатый едет
На хребте прозрачном моря,
По открытому течению;
У руля сидит отважный,
Славный муж налег на весла.

Молвит юный Лемминкяйнен:
«Этой лодки я не знаю
Челнока такой постройки,
Что из Суоми к нам стремится,
Весла воду бьют с востока,
Руль направился на запад».
Громким голосом он кличет,
Крик его раздался всюду;
Он кричит с конца мысочка,
Через воду громко кличет:
«Это чья на море лодка,
Чей кораблик здесь на волнах?»

Молодцы сказали с лодки,
Так девицы отвечали:
«Что за муж ты в этой роще,
Что за храбрый в этой чаще,
Коль не знаешь нашей лодки,
Лодки Вяйнёлы дощатой,
И не знаешь рулевого
И гребца того на веслах?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Рулевого-то я знаю,

И гребца я знаю тоже:
Старый, верный Вяйнямёйнен
У руля сидит и правит,
А гребец — сам Ильмаринен.
Вы куда, мужи, плывете,
Направляетесь, герои?»

Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Едем прямо мы на север,
Против сильного течения,
По волнам, покрытым пеной:
Мы себе добудем Сампо,
Крышку пеструю захватим
В скалах Похьёлы туманной,
В недрах медного утеса».

промолвил Лемминкяйнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Ты меня возьми как мужа
И как третьего героя,
Ибо ты идешь взять Сампо,
Крышку пеструю похитить!
Окажусь еще я мужем,
Если драться будет нужно:
Дам рукам я приказанье,
Поучу еще я плечи».

тарый, верный Вяйнямёйнен
Взял с собой в дорогу мужа,
Молодца с собою в лодку.
Вот веселый Лемминкяйнен
Входит в лодку торопливо,
Поспешает легким шагом
И несет бруски с собою
Вяйнямёйнену для лодки.

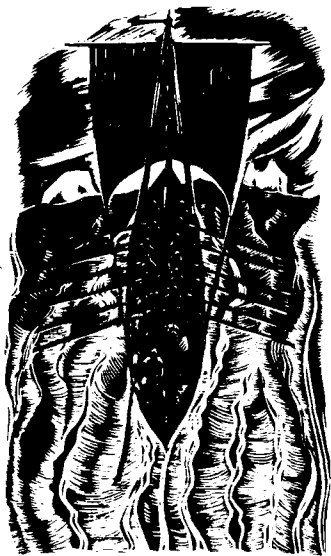
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Есть уж дерево на лодке,
Есть в челне моем брусочки,
Все устроено, как надо.
Ты зачем принес брусочки,
Бревна нам сюда на лодку?»

твечает Лемминкяйнен:
«Не чрез помощь тонет лодка,
Тонет не чрез осторожность,
В море Похъёлы нередко
Бури сносят брусья лодок,
Ветры доски отрывают».

Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Для того в военной лодке
Выгиб сделан из железа
И обит он сверху сталью,
Чтобы ветры не вредили,
Бури лодку не разбили».

РУНА
СОРОКОВАЯ

тарый, верный Вяйнямёйнен
Направляет лодку дальше,
От конца большого мыса,
От несчастной деревушки.
По волнам он правит с пенем,
Полный радости, по морю.

Смотрят с берега девицы,
Смотрят, слушают и молвят:
«Что за клики там на море,
Что за песни над волнами?
Эти клики лучше прежних,
Пенье лучше, чем бывало!»

Направляет Вяйнямёйнен
В первый день по речке лодку,
Во второй же по болотам,
В третий правит по порогам.

Вспоминает Лемминкяйнен,
Как он прежде слушал речи
Возле огненных потоков,
У святой речной пучины.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, порог, не пенься бурно,
Ты, вода, не колыхайся!
Дева рек, девица пены,
Сядь на камнях среди пучины,
На скале среди шипенья;
Захвати ты волны в руки,
Ты сожми прибой руками,
В кулаках сожми ты пену,

Не пускай на грудь нам брызги
И на головы шипенье!

Ты, старуха, в глуби моря,
Ты, что в пене обитаешь!
Ты всплыви наверх, на волны,
Поднимись над пеной грудью,
Ты свяжи покрепче лену,
Стереги получше волны,
Чтобы тот от них не сгинул
Кто безгрешен и невинен!

Вы, среди реки камня,
Опеченные утесы!

Вы чело нагните ваше,
Головы склоните ниже
На дороге лодки красной,
На пути ладьи смоленой!

Если этого все мало —
Кнви-Киммо, ты, сын Каммо!
Буравом ты щель проделай,
Пробуравь дыру побольше
Сквозь утес среди потока,
Сквозь подводный злобный камень,
Чтобы лодка не застряла,
Пробежала невредимо!

Если этого все мало,
Ты, хозяин вод текущих!
Обрати ты в мох камня,
А челнок в дыханье шуки,
Как пройдет он через волны,
Через горы водяные!

О ты, дева водопада,
Что в реке живешь, девица!
Ты скрути помягче нитку,
Нить скрути-ка из тумана,
Протяни сквозь воду нитку,
Сквозь потоки голубую,

Чтоб по ней мой челн стремился,
Осмоленным дном проехал,
Чтоб неопытные даже
Здесь по ней нашли дорогу!

Мелатар, жена благая,
Руль возьми свой благосклонно,
Чем ты лодку направляешь
В зачарованных потоках
Мимо злобного жилища,
Мимо окон чародеев!

Если этого все мало,
О ты, Укко, бог верховный!
Проведи мечом ты лодку,
Ты направь клинком блестящим,
Чтоб бежал челнок дощатый,
Чтоб спешил челнок сосновый!»

Старый, верный Вяйнямёйнен
Правит дальше через волны,
Меж подводными скалами,
Через пену с диким ревом.
Там челнок не зацепился,
Лодка мудрого не стала.

о когда она уж вышла
На открытое течение,
Вдруг свой бег остановила;
Быстрый челн вперед не мчится,
На одном застрял он месте,
Он подвинуться не может.

Сам кователь Ильмаринен,
С ним веселый Лемминкяйнен
Весла в море упирают,
Жердь еловую в течение,
Напрягают все усилья,
Чтобы дать свободу лодке.
Лодка сдвинуться не может,
Челн не стронулся дощатый.

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
«Ты, веселый Лемминкяйнен,
Посмотри туда, нагнися:
Что такое держит лодку,
Что наш челн остановило
В распростершихся потоках,
В успокоившихся глубях?
Что там: пень какой, иль камень,
Иль другая там преграда?»

ам веселый Лемминкяйнен
Посмотреть туда нагнулся,
Смотрит вниз под лодку быстро,
Говорит слова такие:

«Не на пне сидит челнок наш,
Не на пне и не на камне:
На плече сидит он шуки,
На бедре морской собаки».

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
«Все в воде возможно встретить:
Есть там пни, и есть там шуки.
На спине сидим у шуки,
На бедре морской собаки;
По воде мечом ударь ты
И разрежь на части рыбу».

Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Из-за пояса меч вынул,
Острый меч, что кости рубит,
По воде мечом ударил,
Да свалился с края лодки,
С борта в воду повалился
И упал руками в море.

Ильмаринен быстро тащит
Тотчас за волосы мужа,

Из потоков его поднял,
Говорит слова такие:
«Все повзросли мужами,
Бородатыми все стали.
И таких, пожалуй, сотня,
Даже тысяча найдется!»
Взял кователь с подпояски,
Меч свой выхватил из ножен,
Чтоб покончить с хищной рыбой;
Ударяет вниз под лодку;
Но клинок в куски разбился,
Щука же того не чует.

старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вы в полмужа не годитесь,
В вас героя нет и трети!
Если надобность есть в муже,
Если разум мужа нужен,
Тут ума и не хватает,
Исчезает ваш рассудок».

Сам клинок свой вынимает,
Вынул острое железо:
Он клинок вонзает в волны,
С края лодки вглубь вонзает,
В спину той огромной щуки,
В ребра той морской собаки.

Меч, однако, там остался
И застрял у рыбы в теле.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Рыбу вытащил наружу,
Из воды он щуку поднял,
Та на части развалилась:
Рыбий хвост на дно свалился,
Голова свалилась в лодку.

Снова мог челнок проехать,
Лодка стронулась с места.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Повернул челнок к утесу,
Лодку к берегу он гонит.
Повернулся он и видит
Щучью голову в обломках.
Говорит слова такие:
«Кто из юношей постарше?
Распластал бы мне он щуку,
Разделил на части рыбу,
Щучью голову разрезал!»
Отвечали с лодки мужи,
С борта женщины сказали:
«У ловца прекрасней руки
И его святее пальцы».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Ножик свой из ножен вынул,
Сталь холодную взял сбоку,
Чтоб разрезать эту щуку,
Распластать на части рыбу,
Сам сказал слова такие:
«Кто из дев здесь всех моложе?
Пусть мне сварит эту щуку,
Приготовит мне на завтрак,
Приготовит на обед мне».
И взялись варить девицы,
Десять дев на спор взялись,
И сварили эту щуку,
Приготовили на завтрак.
На скале остались кости,
Рыбьи кости на утесе.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотрел на эти кости,
Он со всех сторон их смотрит,
Говорит слова такие:
«Что б могло отсюда выйти,

Из зубов огромной щуки
И из челюстей широких,
Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу?»

промолвил Ильмаринен:
«Ничего из бесполезных
Рыбных косточек не выйдет,
Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Из костей, однако, может
Выйти кантеле, пожалуй,
Веселящая услада,
Звонкий короб многострунный».
Где же мастер, чтобы сделать
Веселящую усладу,
Звонкий короб многострунный?
Начал старый Вяйнямёйнен
Сам скреплять те рыбы кости,
Сам он мастером явился,
Кантеле он сам устроил,
Вещь на вечную усладу.
Короб кантеле откуда?
Он из челюсти той щуки.
Гвозди кантеле откуда?
Из зубов огромной рыбы.
Струны кантеле откуда?
Из волос коня у Хийси.
Создан короб многострунный,
Кантеле давно готово,
Короб тот из щучьей кости,
Кантеле из рыбьих перьев.

Собрались холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
С ними девочки-малютки,
И старухи и девицы,
Также с ними молодницы,
Чтобы кантеле увидеть,
Чтоб игру на нем послушать.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Дал и юным, дал и старым,
Людам средних лет дозволил,
Чтобы пальцами играли
На том кантеле из шуки,
Коробе из рыбьей кости.

Старики и молодые,
Люди средних лет играли:
У младых ломались пальцы,
Старых головы тряслися,
Но веселье не вскипало
И игра не разгоралась.

И промолвил Лемминкяйнен:
«Полоумные вы дети,
Тупоумные девчонки,
Вы — народ совсем негодный!
Извлекать искусно звуки,
Вы играть ведь неспособны.
Мне вы короб этот дайте,
Мне вы кантеле несите,
Мне поставьте на колени,
Под мои под десять пальцев».

Вот веселый Лемминкяйнен
Держит кантеле руками,
Ставит короб пред собою
И кладет на струны пальцы.
Вот он кантеле потрогал,

Так и сяк переставляет,
Не звучат, однако, струны,
Не дают они услады.

Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ни среди тех, кто помоложе,
Среди растущего народа,
Ни среди старцев не найдется,
Кто на кантеле сумел бы
Заиграть и дать усладу.
Может, в Похьёле найдется,
Кто на кантеле сыграет,
Извлечет из струн отраду,
Коль их в Похьёлу пошлю я?»

В Похьёлу послал он короб,
Кантеле туда направил.
Там и юноши играли,
Там и девушки играли,
И замужние играли,
И женатые мужчины;
Даже старая хозяйка
Поворачивала короб,
Крепко пальцами хватала,
Ноготками струн касалась.

В Похьёле все поиграли,
Люди возрастов различных:
Там веселье не вскипало,
Не была игра приятна.
Струны все перекосились,
Жалко волосы стонали,
Звуки грубо рокотали,
Дурно кантеле звучало.

Спал слепой, в углу свернувшись,
Там лежал на печке старый.
Вот на печке он проснулся,
Пробудился на лежанке,
Забурчал, на печке сидя,

Заворчал, в углу приткнувшись:
«Перестаньте вы играть там,
Прекратите шум несносный!
Вы мне голову разбили,
Мне в ушах продули щели,
И сквозь волосы прорвались,
Сон мой надолго отбили!

Коль игра столь многих финнов
Не приносит нам отрады,
Не дает дремоты сладкой,
Сна приятно не наводит,
Кантеле вы бросьте в воду,
В глубину морей забросьте
Иль назад его снесите,
Положите эти струны
На создавшие их руки,
Их создателю на пальцы!»
Тотчас струны отвечали,
Кантеле в ответ сказало:
«Не хочу идти я в воду,
Погрузиться в глубь морскую;
Пусть на мне играет мастер
Сам своей рукой искусной».
Отнесли тихонько струны,
Осторожно положили
На создавшие их руки,
Мастеру их на колени.

РУНА
СОРОК ПЕРВАЯ

тарый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец
Свои пальцы разминает,
Два больших смочил слюною,
На скалу отрады вышел;
Сел на камень песнопенья,
На серебряном пригорке,
На холмочке золотистом.

Кантеле берет он в руки,
Ставит выгиб на колени,
Держит кантеле руками,
Говорит слова такие:

«Приходи сюда послушать,
Кто еще не слышал раньше
Этих вечных рун усладу
Вместе с кантеле напевом!»

Под рукою старца Вяйнё
Издает искусно звуки
Этот короб многострунный,
Кантеле из рыбьей кости.
Плавню вскидывал он пальцы,
Высоко большой он поднял.

Шло веселье за весельем,
Радость с радостью сливалась;
Это было впрямь игрою,
Песня с песнею сплеталась,
Напевали рыбы кости,
Тон давали щучьи зубы;

Струны толстые — звук сильный,
Конский волос — звук высокий.

Вот играет Вяйнямйнен —
И в лесу не стало зверя
Изо всех четвероногих,
Кто скакать и бегать может,
Чтоб не шли туда послушать
И, ликуя, восторгаться.
Белка весело цеплялась,
С ветки прыгала на ветку;
Подбежали горностаи
И на изгороди сели;
Лось запрыгал на поляне,
Даже радовались рыси,
Волк проснулся на болоте,—
На песчанике поднялся
Сам медведь в сосновых чащах,
Средь густых зеленых елей.
Волк бежит широким полем,
По песку медведь несется
И садится у забора,
У калитки он уселся:
Повалил забор на камни,
На песок свалил калитку,
На сосну тогда влезает,
Он вскарабкался на елку,
Чтобы ту игру послушать
И, ликуя, восторгаться.
Бодрый Тапиола старец,
Тот, кто в Метсоле хозяин,
С ним и Тапио народец,
Все, и девушки и парни,
Влезли на гору повыше,
Чтобы ту игру послушать.
И сама хозяйка леса,

Эта бодрая старуха,
Вышла в синеньких чулочках,
Подвязав их красным бантом,
На нарост березы села,
На изгиб ольхи зеленой,
Чтобы кантеле послушать,
Чтоб услышать эти звуки.

Все воздушные летуньи,
Все с двумя крылами птицы
Запорхали, прилетели,
Прилетели и уселись
Слушать радостные звуки
И, ликуя, восторгаться.

Вот орел услышал дома
Суоми дивную усладу;
Он птенцов в гнезде оставил,
Сам, собравшись, улетает,
Чтоб игру героя слушать,
Вяйнямёйнена напевы.

высоты орел спустился,
Из-за туч спустился ястреб,
Из потоков вышли утки,
Снялись лебеди с болота,
Даже зяблики-малютки,
Что так весело щебечут,
Сотни чижичков слетелись,
С ними жаворонки вместе
Тысячей вверху шумели,
На плечах возились старца.
Так играл отец почтенный,
Восхищал всех Вяйнямёйнен.

Даже дочери творенья,
Девы воздуха явились
И, ликуя, восторгались,
Слыша кантеле звучанье;

И одна в небесном своде
Там на радуге уселась,
А на облаке другая,
На краю сияя красном.

очь Луны, красотка-дева,
И прекрасная дочь Солнца
Берда, что в руках держали,
Ниченицы поднимали,
Золотую ткань тут ткали,
Ткать серебряную стали,
На краю румяной тучки,
На краю большого свода.

Но как только услышали
Звуки песни многострунной,
Берда выпали из ручек,
Ускользнул челнок из пальцев,
Нить из золота порвалась,
Нить серебряная тоже.

И в воде не оставалось
Никого, кто шесть имеет
Плавников на теле рыбьем,
Не осталось рыбьей стаей,
Чтоб не шла туда послушать
И, ликуя, восторгаться.

обрались, приплывши, щуки,
Псы нескладные морские;
Собрались от рифов семги,
Из глубин сиги приплыли,
Выплыл окунь красноглазый,
Корюшки приплыли стаей,
Вместе все в камыш уткнулись,
Стали в ряд, чтобы послушать
Вяйнямёйнена напевы
И игроу восторгаться.

Ахто, этот царь потоков,
С бородой из трав зеленых,
Выплыл тоже на поверхность,
На цветке морском он выплыл.
Слышит дивной песни звуки,
Говорит слова такие:

«Не слышал ни разу в жизни
Ничего, чтоб так звучало,
Как играет Вяйнямёйнен,
Как поет певец чудесный».

Дочки-уточки у моря,
Тростниковые сестрицы,
На морском побережье сидя,
Волосы свои чесали,
Локоны свои ровняли
Гребнем, золотом богатым,
Серебром обитой щеткой.
Услыхали эти звуки:
Соскользнула щетка в воду,
Быстро в волны опустилась;
Так волос не расчесали,
Разве только вполовину.

аконец воды хозяйка,
Вся покрытая травой,
Поднялась из глуби моря,
Выплыла она из зыби:
Проползла в тростник прибрежный
И на риф облокотилась,
Чтоб послушать эти звуки,
Вяйнямёйнена напевы.
Звуки дивно раздавались,
И игра была чудесна,
Задремала вод хозяйка,
Вниз лицом она заснула

На спине скалы высокой,
На краю большого камня.

Старый, верный Вяйнямйнен
День играет и другой день.
Не осталось там героя,
Ни единого из храбрых,
Не осталось там ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто б от той игры не плакал,
Чье не тронулось бы сердце.
Плачут юноши и старцы,
Плачут люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачут также и девицы,
Плачут девочки-малютки,—
Так чудесны эти звуки,
Так играет дивно старец.

Плачет старый Вяйнямйнен,
Слезы катятся обильно,
Из очей сбегают капли,
Вниз жемчужные стекают;
Покрупней они брусники
И горошины потолще,
Покрупней яйца пеструшки,
Головы касатки больше.

Из очей водица каплет,
Сильно каплями сбегает
И на челюсти стремится,
По щекам стекает книзу,
А со щек бежит прекрасных
На широкий подбородок,
С подбородка же струится
По груди высокой старца,
А с груди высокой старца

На крепчайшие колени,
А с колен крепчайших этих
На подъем ноги высокой,
А с ноги высокой старца
Уж на землю под ногами;
Через пять струится курток,
Шесть златистых подпоясок,
Через семь кафтанов синих,
Через восемь верхних платьев.

Так роняет Вяйнямёйнен
Водяные капли, старый,
На морское побережье,
А с морского побережья
В глубину воды блестящей,
На чернеющую тину.

Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Не найдется ль кто из юных,
Из цветущей молодежи,
В этом племени обширном
Из сынов его отважных,
Кто б собрал мне эти слезы
Из глубоких вод блестящих?»

ТВЕЧАЛИ молодые,
И в ответ сказали старцы:
«Не найдется тут меж юных,
Средь цветущей молодежи,
В этом племени обширном
Из сынов его отважных,
Кто б собрал тебе те слезы
Из глубоких вод блестящих».

Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Кто мой добудет слезы,
Водяные вынет капли

Из глубоких вод блестящих,
Дам тому из перьев шубу».

подошел, закаркав, ворон.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Принеси мне, ворон, слезы
Из глубоких вод блестящих!
Дам тебе из перьев шубу».

Не достал те слезы ворон.
Утка синяя то слышит,
Утка синяя подходит.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Утка синяя, ты часто
В глубину ныряешь с клювом,
Любишь свежую водицу:
Собери пойдя мне слезы
Из глубоких вод блестящих!
Будет славная награда:
Дам тебе из перьев шубу».

Собирать уходит утка
Эти слезы старца Вяйнё
Из глубоких вод блестящих.
Там на черном, темном иле
Собрала по морю слезы,
Принесла их в руки Вяйнё.
Слезы вид другой имели
И чудесно изменились:
Заблестели жемчугами,
Голубым сверкали блеском,—
Королевскою укразой
И могучего утехой.

РУНА
СОРОК ВТОРАЯ

Старый, верный Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен,
Третьим с ними Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
По морю спокойно едут,
По равнине вод открытых,
В ту холодную деревню,
В сумрачную Сариолу,
Где героев топят в море
И мужей уничтожают.

Кто ж гребет у них на лодке?
Первый был там Ильмаринен,
Он гребет на этой лодке,
Он гребет веслом передним,
А второй был Лемминкяйнен,
Он гребет веслом последним.

Старый, верный Вяйнямёйнен
На корме к рулю садится,
Направляет челн по морю,
Направляет чрез потоки,

Через пенистые волны,
По теченью с бурной пеной,
К пристани той Сариолы,
К тем знакомым перекатам.
Вот туда они подходят,
Путь окончивши далекий,
И челнок на сушу тащат,
Уставляют челн смоленный
На катках, обитых сталью,
На катках, богатых медью.
Челн поставив, входят в избу,
Быстро внутрь избы проходят.
И хозяйка Сариолы
Расспросила у прибывших:
«Что, мужи, пришли поведать,
Что расскажете, герои?»

Старый, верный Вяйнямёйнен
Дал в ответ слова такие:
«Речь героев здесь о Сампо,
Речь мужей о пестрой крышке.
Поделить пришли мы Сампо,
Крышку пеструю увидеть».

Ао тут Похъёлы хозяйка
Говорит слова такие:
«Меж тремя не делят белку
И не делят куропатку.
Хорошо вертеться Сампо
И шуметь здесь пестрой крышке
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса.
Хорошо мне быть владыкой,
Обладательницей Сампо».

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:

«Если ты делить не хочешь,
Чтоб мы взяли половину,
Все тогда возьмем мы Сампо,
Унесем насильно в лодку».

Лоухи, Похёлы хозяйка,
Очень сильно обозлилась,
Похёлы народ сзывает,
Молодых людей с мечами,
Всех героев с их оружием
Вяйнямейнену на гибель.

Старый, верный Вяйнямейнен

Тотчас к кантеле подходит
И на нем играть садится.
Начал он играть прекрасно:
Все заслушались люди,
Удивлялись чудным звукам,
Все мужи развеселились,
На устах у жен улыбка,
Влажны очи у героев,
На коленях все ребята.

Весь народ ослабил старец:
Все, уставши, повалились,
И, кто слушал, тихо дремлет,
Кто дивился, засыпает,
Детям, старцам — сон навеян
Вяйнямейнена игрою.

Тотчас мудрый Вяйнямейнен,
Вековечный прорицатель,
В свой карман полез поспешно,
Ищет в кожаном мешочке,

Вынул стрелы сна оттуда:
На глаза навел дремоту,
Крепко запер всем ресницы,
На замок он запер веки
Утомленному народу,
Погруженным в сон героям.
Крепкий сон на них навел он,
Чтоб они проспали долго,
Похъёлы все населенье,
Весь народ со всей деревни.

Он пошел тогда за Сампо,
Крышку пеструю увидеть
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса,
Где замков висело девять,
Десять где засовов было.
Начал старый Вяйнямёйнен
Тихим голосом напевы
Возле медного утеса,
Перед крепостью скалистой,
Покачнулись там ворота,
И крюки их затрещали.

Сам помазал Ильмаринен,
Мажут вместе с ним другие
Жиром те замки у входа,
Салом те крюки дверные,
Чтобы дверь не заскрипела,
Чтоб крюки не завизжали.
Повернул замок он пальцем,
Поднял он засов рукою,
Без труда замки он отпер
И легко открыл ворота.

Молвил старый Вяйнямейнен,
Сам сказал слова такие:
«О веселый Лемминкяйнен,
Всех друзей моих ты выше!
Захвати пойдя ты Сампо,
Крышку пеструю в утесе!»

И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъелн,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без поощренья,
Устремился взять там Сампо,
Крышку пеструю в утесе,
И, идя туда, промолвил,
На ходу он похвалился:
«Говорит во мне мужчина,
Богатырь, что создан Укко;
Я собью в утесе Сампо,
Крышку пеструю сверну я
Только правою ногою,
Только пяткою я двину!»

Вот сбивает Лемминкяйнен,
Он сбивает, ударяет,
Ухватил руками Сампо
И упер колено в землю,—
Но не сдвинулося Сампо,
Крышка пестрая не сбилась.
Сампо корни запустило
В глубину на девять сажен.
В Похъэле бычище вырос.
Был он рослый и могучий,
С очень крепкими боками
И с хорошим сухожильем;
Каждый рог его был в сажень,
В полторы сажени морда.

Взял быка с полей зеленых,
Взял он плуг с окраины поля,
Корни выпахал у Сампо,
Корешки у пестрой крышки,
И подвинулося Сампо,
Крышка пестрая качнулась.

Взял тут старый Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен,
Третьим с ними Лемминкяйнен.
Взяли так большое Сампо
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса,
Отнесли его на лодку,
В корабле его укрыли.

Иаконец-то Сампо в лодке,
В лодке пестрая та крышка.
Челн мужи толкают в море,
На течение — стодощатый.
С шумом в воду челн спустился
На течение боками.

И спросил тут Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Но куда свезем мы Сампо
И куда его мы денем,
Чтоб его подальше спрятать,
Скрыть от злобной Сариолы?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вот куда свезем мы Сампо,
Крышку пеструю упрячем:
На туманный мыс далекий,
На покрытый мглою остров,

Чтоб всегда там счастье было,
Чтоб оно там вечно жило.
Там ведь есть еще местечко,
Там клочок земли остался
Невредимый и спокойный
И мечом не посещенный».

Едет старый Вяйнямйнен
Тут из Похьёлы суровой,
Едет он с покойным сердцем,
Едет к родине веселый,
Говорит слова такие:
«Отвернись от Сариолы,
Повернись ты, челн, к отчизне,
А к чужбине стань спиною!
Ветер, ты качай кораблик;
Ты, вода, гони мне лодку,
Окажи ты веслам помощь,
Легкость дай лопаткам весел
На равнинах вод широких,
По открытому теченью!

Коль малы у лодки весла,
Коль гребцы здесь малосильны,
Невелик на лодке кормчий,
Если дети правят лодкой —
Дай твои нам весла, Ахто,
Ты, хозяин, дай и лодку,
Весла новые получше,
Дай и руль, вполне пригодный!
Сам тогда садись у весел,
Сам иди, чтоб двинуть лодку;
Пусть челнок бежит скорее,
Пусть уключины гогочут

Средь прибоя волн шумящих,
Средь воды, покрытой пеной!»
Гонит старый Вяйнямёйнен
Свой челнок прекрасный дальше.
Сам кователь Ильмаринен
И веселый Лемминкяйнен
Там гребут на этой лодке,
Там гребут и поспешают
По волнам прозрачным, чистым,
По равнинам вод открытых.

промолвил Лемминкяйнен:
«Сколько я ни греб, бывало,—
Заняты гребцы водою,
А певцы искусным пеньем.
А сегодня я не слышу
Ничего у нас такого:
Нету песен в нашей лодке,
Нету пения на волнах».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Петь не следует на море,
Начинать в потоках пенье:
Пенье лишь приносит леность,
Песни лишь мешают гребле.
Свет золотого дня исчезнет,
Темнота нас здесь застанет
На равнинах вод широких,
На открытом их теченье».

ут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Все равно уходит время,
Исчезает день прекрасный,

Ночь торопится на море,
Набегают ночи сумрак,
Хоть бы ты не пел и вовсе,
Хоть всю жизнь не распевал бы».

Едет старый Вяйнямёйнен
По волнам на синем море,
Правит день, другой день правит,
Наконец, уже на третий,
Встал веселый Лемминкяйнен,
Говорит слова такие:
«Отчего же, Вяйнямёйнен,
Лучший муж, ты петь не хочешь,
Ты же завладел ведь Сампо
И уже домой стремишься?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Так разумно отвечает:
«Слишком рано петь нам песни,
Торжеству еще не время;
Лишь тогда запеть пристойно,
Торжеству тогда лишь время,
Как свои увидишь двери,
Заскрипит своя калитка».

Молвил юный Лемминкяйнен:
«Если бы сидел я кормчим,
Изо всех я сил запел бы,
Всею глоткой зашумел бы,
Даже вовсе не умея,
Напевая очень дурно.
Ты начать не хочешь пенье,
Сам я к пенью приготовлюсь».
Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,

Рот сложил, как было надо,
И налаживает звуки;
Начинает сам он пенье,
Жалкий шум он поднимает:
Пел он голосом осипшим,
Напевал он горлом грубым.

ак веселый Лемминкяйнен
Расшумелся, Каукомъели.
Борода и рот трясутся,
Подбородок закачался,
Далеко несется пенье,
По волнам оно несется,
До шестой дошло деревни,
За семью морями слышно.

На пеньке журавль уселся,
На сыром холме зеленом;
В пальцах он считает кости,
Поднимает кверху ноги;
Он ужасно испугался
Лемминкяйнена напева.

Поднял крик журавль, услышав,
Испугался, страшно крикнул,
Полетел тотчас оттуда,
В Похъёлу он быстро мчится.
Прилетев туда, на север,
На болоте он остался,
Крикнул голосом противным,
Что есть силы закричал он:
Похъёлы народ он поднял,
Пробудил людей негодных.

Встала Похъёлы хозяйка,
От дремоты пробудилась,
В хлев пошла стада проведать
И к овину побежала,

Осмотрела в хлеве стадо,
Перечла зерно в амбаре:
Не потеряны коровы,
И зерна не уменьшилось.
Тут к скале она подходит,
К двери медного утеса,
И, придя туда, сказала:
«Горе, горе мне, несчастной!
Здесь была рука чужая,
Все поломаны замочки,
И открыта дверь твердыни,
Все крюки совсем разбиты:
Неужель исчезло Сампо
И похищено насильем?»

Ж похищено то Сампо,
Крышка пестрая исчезла
Там, из глыбы Сарнолы,
Там, из медного утеса,
Где замков висело девять,
Десять где засовов было.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Вся от злобы распалилась,
Видит: власть ее слабеет,
Пропадает также слава.
Удудар она так просит:
«Дева мглы, тумана дочка!
Ты просей туман сквозь сито,
Ниспошли ты мглу густую,
С неба дай сгущенный воздух,
Ты пусти пары густые
На хребет морей блестящих,
По открытому простору,
Чтоб засел там Вяйнямёйнен,
Чтоб застрял Увантолайнен!

Если ж этого все мало,
Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Подними главу из моря,
Подними из волн макушку,
Калевы мужей низвергни,
Утопи друзей потоков,
Пусть те злобные герон
В глубине валов погибнут;
В Похъёлу верни ты Сампо,
Захватив его с той лодки!

Если ж этого все мало —
Ой ты, Укко, бог верховный,
Золотой мой царь воздушный,
Мой серебряный владыка!
Сделай бурю, непогоду,
Силу воздуха ты вышли,
Подними волнение, ветер,
Против этой лодки в море,
Чтоб засел там Вяйнямёйнен
Чтоб застрял Увантолайнен!»
Надышала дочь тумана,
Нагустила мглу на волны,
Плотно воздух мглой застлал
Чтобы старый Вяйнямёйнен
Простоял подряд три ночи
Посреди морей широких,
Никуда не мог бы выйти,
Никуда не мог отъехать.

Простояв подряд три ночи
Посреди морских потоков,
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:

«Даже муж совсем негодный,
Из героев самый слабый,
Не потонет средь тумана,
Не погибнет в испареньях».
Он клинком прорезал воду,
Он мечом ударил море:
Мед с клинка его струится,
Сладкий мед с меча сбегает,
Испаренья всходят к небу,
Поднимаются туманы;
Скоро воды стали чисты,
Прояснились все потоки,
Приоткрылись дальше воды,
И кругом все стало видно.

Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье,
Шум слышался ужасный
На волнах, у красной лодки;
Пена так и брызжет кверху,
Вяйнямёйнену на лодку.

Тут кователь Ильмаринен
Очень сильно испугался,
Кровь со щек внезапно спала,
Вниз с лица его сбежала,
С головою он накрылся
И с обоими ушами,
Закрывает обе щеки,
А еще плотнее очи.
Тотчас старый Вяйнямёйнен
Посмотрел на море с лодки,
Бросил в сторону он взоры,
Видит маленькое чудо:

Ику-Турсо, тот сын Старца,
Поднялся у бока лодки
Головой своей из моря,
Из воды своей макушкой.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Турсо за уши хватает,
Поднял за уши повыше
И спросил его сурово,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся
Пред очами человека,
Пред сынами Калевалы?»

Ику-Турсо, тот сын Старца,
Не обрадовался очень
И не очень испугался,
Но ответа так и не дал.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Во второй раз вопрошает,
В третий раз он молвит строго:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся?»
Ику-Турсо, тот сын Старца,
Отвечал при третьем разе,
Дал в ответ слова такие:
«Я затем из моря вышел,
Я затем из вод поднялся,
Что намеренье имел я
Калевы весь род прикончить,
Отнести на север Сампо.
Коль меня отпустишь в воду,
Жизнь мне жалкую оставишь,

Не явлюсь уже в другой раз
Пред очами человека».

Тотчас старый Вяйнямёйнен
Отпустил его обратно,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Выходить не смей из моря,
Никогда не поднимайся
Пред очами человека,
От сегодня и до века».

Никогда теперь не смеет
Выходить из моря Турсо
Пред очами человека,
Никогда, пока нам месяц,
Солнце, свет дневной и воздух
Радость светлую даруют.

Правит старый Вяйнямёйнен
Лодкой по морю все дальше.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Посылает Укко с неба,
Сам он, воздуха властитель,
Сильный ветер им навстречу
И бушующие бури.

Ветры сильные подули,
Бури страшно загудели,
Ветер с запада бушует,
С юго-запада пронзает,
Напирает он с восхода,
Воет с северо-восхода,
Воет с северо-заката,
Страшно с севера ревет он.

Он сорвал с деревьев листья,
Оторвал у сосен иглы,

Ику-Турсо, тот сын Старца,
Поднялся у бока лодки
Головой своей из моря,
Из воды своей макушкой.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Турсо за уши хватает,
Поднял за уши повыше
И спросил его сурово,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся
Пред очами человека,
Пред сынами Калевалы?»

Ику-Турсо, тот сын Старца,
Не обрадовался очень
И не очень испугался,
Но ответа так и не дал.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Во второй раз вопрошает,
В третий раз он молвит строго:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся?»

Ику-Турсо, тот сын Старца,
Отвечал при третьем разе,
Дал в ответ слова такие:
«Я затем из моря вышел,
Я затем из вод поднялся,
Что намеренье имел я
Калевы весь род прикончить,
Отнести на север Сампо.
Коль меня отпустишь в воду,
Жизнь мне жалкую оставишь,

Не явлюсь уже в другой раз
Пред очами человека».

Тотчас старый Вяйнямёйнен
Отпустил его обратно,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Выходить не смей из моря,
Никогда не поднимайся
Пред очами человека,
От сегодня и до века».

Никогда теперь не смеет
Выходить из моря Турсо
Пред очами человека,
Никогда, пока нам месяц,
Солнце, свет дневной и воздух
Радость светлую даруют.

Правит старый Вяйнямёйнен
Лодкой по морю все дальше.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Посылает Укко с неба,
Сам он, воздуха властитель,
Сильный ветер им навстречу
И бушующие бури.

Ветры сильные подули,
Бури страшно загудели,
Ветер с запада бушует,
С юго-запада пронзает,
Напирает он с восхода,
Воет с северо-восхода,
Воет с северо-заката,
Страшно с севера ревет он.

Он сорвал с деревьев листья,
Оторвал у сосен иглы,

Оборвал с лугов цветочки,
Оборвал у злаков стебли
И погнав пески земные
На просторы вод блестящих.
Сильно дули эти ветры,
Захлестали лодку волны,
Унесли тот короб щучий,
Это кантеле из кости,
На веселье всем у Ахто,
Всем у Велламо живущим.
Ахто ловит короб в волнах,
Дети Ахто — на потоках,
Взяли кантеле с собою —
Унесли с собою в воду.

п лачет старый Вяннямёйнен,
На глазах у старца слезы,
Сам слова такие молвит:
«Вот исчезло, что я создал,
Сгибла вся души отрада,
Утонула радость старца!
Никогда теперь уж больше,
Никогда, пока живу я,
Не придет из зуба щуки,
Из костей моя утеха».

Сам кователь Ильмаринен
Очень сильно испугался,
Говорит слова такие:
«Горе мне, что я поехал,
Что я вышел в это море,
На открытое течение,
На колеблющихся бревнах,
На ветвях, дрожащих сильно!
Волосы мои знавали
Ветры и большие бури;

Борода моя видала
Злые дни в пространствах водных;
Но видал я редко бурю,
Чтоб была подобна этой:
Страшны бурные потоки,
Эти пенистые волны.
Хоть бы ветер тут помог мне,
Пощадили волны моря».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут высказывает мнение:
«В лодке плакать не годится,
Горевать в челне не должно:
Плач в несчастье не поможет
И печаль в годину бедствий!»
И потом промолвил слово,
Говорит такие речи:
«Удержи сынов ты, море,
Чад своих, волна морская,
Вниз спусти ты, Ахто, волны,
Велламо, народ свой сбрось ты,
Чтоб он мой челнок не трогал
И не брызгал в ребра лодки.
Поднимись на небо, ветер,
Уходи туда на тучи,
В те места, где ты родился,
Где живут твои родные!
Не вали дощатой лодки,
Не крути мой челн сосновый —
Ты вали в лесу деревья,
Нагибай на высях ели!»
Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели
Говорит слова такие:
«Прилетай, орел турьянец,

Принеси мне тройку перьев,
Принеси мне пару, ворон,
Для защиты лодки малой,
Для боков ее негодных!»

а края бруски набил он,
Боковые делал доски,
Новые бока он делал,
Вышиной их сделал в сажень,
Чтоб чрез них большие волны
Не могли прорваться в лодку.
Хорошо челнок устроен,
Хорошо подправлен сбоку,
Чтоб его качать мог ветер,
Чтоб могли бросать и волны,
Если он средь пены моря
По волнам пойдет высоким.

РУНА

СОРОК ТРЕТЬЯ

Л оухи, Похъёлы хозяйка,
Северный народ сзывает,
Раздает тугие луки,
Собирает меченосцев,
Снаряжает челн военный,
Похъёлы корабль готовит.

На корабль мужей сажает,
Снаряжает их на битву,
Как птенцов выводит утка
И ведет детей в порядке:
Сели сотни меченосцев,
Тысяча державших луки.

Утверждает мачту в лодке,
Ставит парусные стеньги;
Парус к мачте прикрепляет,
Полотно на эти стеньги
Точно облако спустилось
Иль нависла туча в небе,—

Собралась оттуда ехать
И поспешно уезжает
Отбивать обратно Сампо,
Взять его из лодки Вяйнё.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Правит лодкой в синем море,
Говорит слова такие,
На корме поднявшись, молвит:
«О ты, сын веселый Лемпи,
Ты друзей моих всех лучше!
Ты взойди наверх, на мачту,
Влезь на парусные стеньги!
Посмотри вперед на воздух,
Посмотри назад на небо,—
Ясны ль воздуха границы,
Все ли ясны иль туманны!»
Влез веселый Лемминкяйнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без поощренья.
Влез на верх высокой мачты,
Влез на парусные стеньги.

А восток, на запад смотрит,
Он на юг глядит, на север,
И на Похьёлу глядит он.
Говорит слова такие:
«Впереди нас воздух ясен,
Но за нами небо мутно:
Мчится с севера к нам тучка,
Облачко идет с заката».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ты сказал несправедливо!
Это вовсе там не тучка
И не облако несется:

Это — лодка с парусами.
Посмотри-ка ты получше».

Смотрит пристально второй раз,
Говорит слова такие:
«Там вдали как будто остров,
С юга будто остров в море;
Соколы там на осинах,
Глухари там на березах».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ты сказал несправедливо;
Соколов там не бывало,
Глухарей там вовсе нету:
Похъёлы мужи там едут.
В третий раз взгляни получше!»
Тут веселый Лемминкяйнен
В третий раз прилежно смотрит,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Лодка с Похъёлы подходит,
Сотней весел бьет по морю!
Сто мужей сидят у весел,
Тысячи сидят там в лодке!»

Тут-то старый Вяйнямёйнен,
Наконец, узнал всю правду.
Говорит слова такие:
«Налегай-ка, Ильмаринен,
Ты, веселый Лемминкяйнен,
Люди, побыстрее гребите,
Чтоб умчалась дальше лодка,
Чтоб челнок ушел подальше!»
Налегают Ильмаринен
И веселый Лемминкяйнен,
И гребут все люди с ними.
Ходит руль еловый с треском

И уключины со стуком,
И затрясся челн сосновый;
Нос его ревел тюленем,
А корма шумит, как омут,
Вся вода кипит волнами,
Пена движется клубами.

то есть сил гребут герои,
Все мужи легли на весла,
Но напрасны их усилья,
Не ушел челнок дощатый
От той лодки с парусами,
Лодки с Похъёлы туманной.
Видит старый Вяйнямёйнен,
Что теперь беда приходит,
Что грозит ему несчастье.
Он подумал и размыслил,
Как же быть и что же делать,
Говорит слова такие:
«У меня исход найдется,
Знаю маленькое чудо».

н полез в мешочек с трутом,
Он полез туда поспешно,
Взял в мешке кремня кусочек,
Взял он там немного трута;
Бросил тот кусочек в воду,
Чрез плечо налево бросил.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Из кремня возникни, отмель,
Появись, утес подводный,
Лодка Похъёлы, разбейся
С ста крюками об утесы
Средь морских прибоев диких,
Среди волн морских громадных!»

И подводный камень вырос,
Под водой утес поднялся;
Он в длину идет к востоку,
В ширину идет на север.

Лодка Похъёлы несется,
По волнам белеет парус;
Натолкнулась вдруг на отмель,
На подводный этот камень,
Расколосся челн дощатый,
Челн стореберный распался,
Мачта в воду повалилась,
Паруса упали в волны,
Их отнес далеко воздух,
Подхватил их резкий ветер.

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Входит в воду по колено,
Хочет сдвинуть лодку с места,
Приподнять свой челн повыше,
Но поднять его не может
И не может лодку сдвинуть:
Ребра все переломались,
Все крюки ее распались.

Долго думала, гадала,
Говорит слова такие:
«Кто совет подать мне может,
Кто помочь мне в состоянье?»

Быстро облик свой меняет,
Принимает облик новый.
Старых кос пяток приносит,
Шесть мотыг, давно ненужных:
Служат ей они как пальцы,
Их, как горсть когтей, сжимает,
Вмиг пол-лодки подхватила:
Подвязала под колена;

А борты к плечам, как крылья,
Руль, как хвост, себе надела;
Сто мужей на крылья сели,
Тысяча на хвост уселась,
Села сотня меченосцев,
Тысяча стрелков отважных.

Распустила Лоухи крылья,
Поднялась орлом на воздух.
В высоте крылами машет
Вяйнямёйнену вдогонку:
Бьет одним крылом по туче,
По воде другое тащит.
Мать воды, жена-красотка,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Поверни глаза на солнце,
Обрати на запад взоры,
Посмотри назад немножко!»
Тотчас старый Вяйнямёйнен
Повернул глаза на солнце,
Обратил на запад взоры,
Посмотрел назад немножко:
Видит Похъёлы старуху,
Птицу страшную в полете,
Головою — словно ястреб,
На орла похожа телом.

Вяйнямёйнена настигла.
К самой мачте подлетела,
Уцепилась за стены,
На верхушке мачты села;
Уж грозит паденьем лодке,
Уж корабль склонила набок.
Прибегает Ильмаринен
К богу с жаркою мольбою,

Укко он усердно просит,
Говорит слова такие:
«Укко, защити, всеильный,
Огради, о бог прекрасный,
От гибели злой сына,
Чадо матери от смерти,
Защити свое творенье,
Охрани свое созданье!
Ой ты, Укко, всюду славный,
Ой ты, Укко, бог верховный!
Дай мне огненную шубу,
Дай горящую рубашку,
Чтоб я бился под защитой,
Под охраною сражался,
Голова б моя не пала,
Волосы б не повредились
В играх острого железа,
В столкновеньях злобной стали!»

Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«О ты, Похъёлы хозяйка!
Хочешь, мы разделим Сампо
На краю земли туманной,
Там, на острове тенистом?»
Молвит Похъёлы хозяйка:
«Не хочу делить я Сампо,
Не хочу с тобой, несчастный,
Поделиться, Вяйнямёйнен!»
А сама хватает Сампо,
Тащит Сампо с лодки Вяйнё.

Тут веселый Лемминкяйнен
Меч свой с пояса хватает,
Тащит острое железо
С бока левого поспешно:

По когтям орла ударил,
По когтям ударил сильно.

Бьет веселый Лемминкяйнен,
Бьет мечом и прибавляет:
«Ну-ка, вниз, мужи, валитесь,
Вниз, мечи, и вниз, герои,
Сто героев с этих крыльев,
С коготочков по десятку!»
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит с вершины мачты:
«О веселый Лемминкяйнен,
Кауко жалкий, муж преступный!
Мать родную обманул ты:
Лживо клялся ей, старухе,
Что лет шесть, а то и десять
Не пойдешь ни с кем сражаться,
Хоть бы золота возжаждал,
Серебра хотя б желал ты!»
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Тут решил — настало время,
Наступил уж час удобный.
Тащит руль из глуби моря,
Руль дубовый из теченья;
Им чудовище ударил,
Отрубил орлице когти:
И все когти обломались,
Только маленький остался.

Все мужи упали с крыльев,
В волны падают герои,
С крыльев сотня повалилась,
С тела тысяча упала.
А сама орлица с шумом
На края свалилась лодки,

Точно с дерева тетерка,
Точно белка с ветки ели.
Ухватилась за Сампо,
Тащит пальцем безымянным,
Тащит Сампо прямо в воду,
Крышку пеструю роняет
Прямо с края красной лодки
В глуби синие потоков.
Так разбилось в море Сампо,
Крышка пестрая сломалась.

Потонули те обломки,
Те куски большие Сампо,
В глубине потоков синих,
В темной тине дна морского;
Там от них в воде богатство
И сокровища у Ахто.
Никогда в течение жизни
И пока сияет месяц,
Не погибнет вод богатство
И сокровище у Ахто.

Полегли куски другие,
Те обломки, что поменьше,
На хребте воды лазурной,
На волцах морских широких,
Чтоб морской качал их ветер,
Колыхало б их течение.
И качал их в море ветер,
Колыхало их течение
На хребте воды лазурной,
На волнах морских широких;
Их на берег гонит ветер,
Их к земле несет течение.
Старый, верный Вяйнямйнен
Видит волны от прибоя,

Видит, как на берег моря,
На побережье волны гонят
И влекут обломки Сампо,
Те осколки пестрой крышки.

Он обрадовался очень,
Говорит слова такие:
«Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало,
Выйдут пашни и посевы
И различные растенья!
Блеск луны отсюда выйдет,
Благодетельный свет солнца
В Суоми на больших полянках,
В Суоми, сладостной для сердца»

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«У меня найдется выход,
У меня найдется средство
Против пашни и посевов,
Против пастбищ и растений,
Против месяца сиянья,
Против солнечного блеска:
Заточу в утес я месяц,
Я в горе упрячу солнце;
Я морозом заморожу,
Застужу я сильной стужей
Все, что вспашешь и посеешь,
Все посевы и запасы.
Я направлю град железный,
Наброшаю град из стали
На твои большие пашни,
На прекраснейшее поле.
Вышлю из лесу медведя,
Редкозубого из чащи;

Пусть жеребчиков терзает,
Пусть кобыл он разрывает,
Пусть стада твои пожрет он,
Пусть коров твоих погубит.
Изведу народ твой мором
И весь род твой уничтожу,
Чтоб, пока сияет месяц,
Не было о нем и слуху».

Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ни лапландские мне чары,
Ни турьянские не страшны!
Укко лишь — в погоде властен,
Он ключи судьбы имеет.
Не чудовищу иметь их,
Не врагу держать руками.

Если я творцу доверюсь,
На благого понадеюсь,
Он червей с посевов сгонит,
Сгонит он злодеев с жатвы,
Чтоб не портили посевов,
Не губили бы растений,
Чтоб стеблей не истребляли,
Ни от семени побегов.

Оты, Похъёлы хозяйка!
Ты в скалу сажай лишь беды,
В гору прячь одну лишь злобу,
Заключай страданье в камни,
А не лунный свет прекрасный
И не солнце золотое!
Ты морозь своим морозом,
Ты студи своею стужей
То, что ты сама посеешь,
Семена, что в землю бросишь!

Шли туда свой град железный,
Эти градины стальные,
Где твои же пашут плуги,
К пашням Похъёлы направь их!

Вышли из лесу медведя,
Из чащобы злую кошку,
Косолапого из леса,
Редкозубого из рощи —
Выгон Похъёлы тревожить,
Стаду Похъёлы угрозой!»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Власть моя отныне гибнет,
И могущество слабеет:
Под водой мое богатство,
В глубине у моря — Сампо».
Тут домой уходит с плачем,
В Похъёлу идет со скорбью;
Не пришлось ей взять от Сампо
Ничего, что было б ценно,
Но взяла с собой немножко
Безымянным только пальцем:
В Похъёлу приносит крышку,
В Сариолу лишь щепотку.
Бедность в Похъёле отсюда,
Мало хлеба у лапландцев.

Старый, верный Вьяннямёйнен
Вышел сам тогда на берег,
Там нашел куски от Сампо,
Щепочки от пестрой крышки,
Он собрал на побережье,
На песчаном мягком месте.
Посадил осколки Сампо,
Щепочки от пестрой крышки

На мысочке средь тумана,
Там, на мглистом островочке,
Чтоб росли и умножались,
Чтоб могли преобразиться
В рожь прекрасную для хлеба
И в ячмень для варки пива.

олвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный,
Дай нам счастьем насладиться,
Провести всю жизнь счастливо
И ее окончить с честью
На полянах Суоми светлых.

В этой Карьяле прекрасной,
Укко, защити, все сильный,
Огради, о бог прекрасный,
От мужей со злою мыслью
И от жен с недоброй думой!
Украти земных злых духов,
Водяные злые силы!

удь сынам своим защитой,
Будь для чад своих подмогой,
Ночью будь для них опорой,
Будь и днем для них охраной!
Пусть не светит дурно солнце,
Не сияет дурно месяц,
-Пусть не веют злые ветры,
Пусть не льется вредный ливень,
Холода не повредят нам
Или злая непогода!

Ты поставь забор железный,
Выстрой каменную крепость
Вкруг того, чем я владею,
С двух сторон родного края.

Чтобы шли с земли до неба,
Чтоб с небес к земле спускались,
Были нашему жилищу
И защитой и охраной,
И злодей не смог бы тронуть,
Враг плодов не смог похитить
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц!»

РУНА

СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

тарый, верный Вяйнямёйнен
Так подумал и размыслил:
«Хорошо вот поиграть бы,
Хорошо б повеселиться
И пожить бы жизнью новой
В ослепительных палатах.
Только кантеле пропало,
Унеслась моя утеха
В те места, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги,
На утеху водяному
Да у Велламо живущим.
Мне она его не выдаст,
Не отдаст обратно Ахто.
О кователь Ильмаринен!
Ты вчера ковал, работал,
Ты покуй еще сегодня,
Скуй мне грабли из железа,
Частозубые мне грабли,
Зубы с длинной рукояткой,
Чтоб я мог сгребать в потоках,
Чтоб сгребал я волны в кучу,
Чтоб тростник собрал я вместе
По всему побережью моря
И нашел утеху в море,
Взял бы кантеле обратно
Из глубин, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги!»

И кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Сделал грабли из железа
С рукояткою из меди,
По сто сажен в каждом зубе,
Ручку впятеро длиннее.

Принял старый Вяйнямёйнен
Эти грабли из железа
И прошел весьма немного,
Путь прошел весьма короткий
По каткам, обитым сталью,
По каткам, где много меди.

Два челна там находились,
Две совсем готовых лодки
На катках, покрытых сталью,
На катках, где много меди.
И один челнок был новый,
А другой челнок был старый.

Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал он новой лодке:
«Ты сойди на воду, лодка,
Поспеши, челнок, на волны,
Чтоб без рук тобою править
И большим не трогать пальцем!»

отчас лодка вышла в море,
Там спустилась на течение.
Старый, верный Вяйнямёйнен
На конце уселся лодки
И пошел он чистить море,
Подметать его течение.
Смел цветочки водяные,
Смел весь мусор у побережья,
Тростника кусочки даже,
Водяных растений крохи.
Он сучок сгибает каждый,

Рифы граблями цепляет,
Но нигде найти не может
Кантеле из щучьей кости:
Навсегда его утеха,
Это кантеле пропало.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут домой пошел обратно,
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась;
Он опять промолвил слово:
«Никогда уж не найду я
Прежних звуков в рыбьей кости,
Утешенья в щучьем зубе!»
Вот лесочек он проходит,
Вот идет опушкой рощи,
Слышит: плачет там береза,
Суковатая горюет.
Он подходит к ней поближе,
Близко к дереву подходит.
Спрашивает он березу:
«Что, краса-береза, плачешь?
Что, зеленая, горюешь?
Белый пояс, что ты стонешь?
Не ведут тебя на битву
И к войне не принуждают».
И березка отвечает,
Так неторопливо молвит:
«Может, многие наскажут,
Может, кто и насудачит,
Будто весело живу я,
Шелестя, смеюсь листвою.
Я ж, бедняжка, вся в заботах,
Только скорбь — мое веселье,
О себе в часы несчастья
Я печалюсь и жалею.

Плачу я от малосилья
И от бедности горюю.
Я, бездольная бедняжка,
Так несчастна без опоры,
На дрянном на этом месте,
Я на выгоне стою здесь.

Других так много счастья,
Много счастья от надежды,
Что вернется радость лета,
Время теплое наступит.
Я же, слабая береза,
Я должна терпеть, бедняжка,
Чтоб с меня кору сдирали,
Эти ветки обрубали.

Часто к бедненькой березе,
К этой нежной очень часто
Дети краткою весною
К белому стволу приходят,
Острый нож в него вонзают,
Пьют из сердца сладкий сок мой!
Злой пастух в течение лета
Белый пояс мой снимает,
Ножны он плетет и чаши,
Кузовки плетет для ягод.

Часто под березкой нежной,
Часто под березкой белой
Собираются девицы,
Вкруг ствола красотки ходят,
Листья сверху обрезают,
Вяжут веники из веток.

Часто тонкую березку,
Горемычную частенько
При подсечке подсекают,
На поленья расщепляют.

Вот уж трижды в это лето,
В эту солнечную пору,
У ствола мужи стояли,
Топоры свои точили,
Чтоб головушку срубить мне,
Чтоб я с жизнью распростилась.
Вот и вся от лета радость,
Вся от солнышка отрада.
И зимою мне не лучше,
Время снега не милее.

ж всегда кручина злая,
Горе облик мой изменит,
Низко голову наклонит,
И лицо мое бледнеет,
Лишь, бывало, только вспомню
День мой черный, время злое.
Тут и боль приносит ветер,
Иней — горькие заботы,
Вихрь уносит зелень шубы,
Иней — всю мою одежду,
И тогда-то я, бедняжка,
Я, несчастная береза,
Остаюсь совсем раздетой,
И стою я обнаженной,
И дрожу я в лютой стуже,
На морозе горько плачу».

олвит старый Вяйнямёйнен:
«Ты не плачь, моя березка,
Не горюй, дружок зеленый,
Белый пояс, не печалься!
Ты еще узнаешь счастье
В жизни новой, наилучшей,
Ты от радости заплачешь,
Зазвучишь от наслажденья».

Сделал старый Вяйнямейнен
Из березы той утеху,
Целый летний день строгал он,
За день кантеле устроил,
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке.
Короб кантеле он режет,
На утеху ящик этот,
Короб делает он прочный,
Весь в прожилках этот ящик.

Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
«Короб кантеле закончен,
Всем на радость этот ящик.
Где же гвоздиков достану,
Где возьму колков хороших?»

На дороге дуб поднялся,
На дворе высоко вырос.
Ветви ровные на дубе,
С желудями были ветки,
И на желуде по шару,
И на шаре по кукушке.
И кукушка куковала;
Пять тонов там раздавалось,
Золото текло из клюва,
Серебро текло обильно
На пригорки золотые,
На серебряные выси.
Взял для кантеле гвоздочки,
Взял он колки для утехы.

Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
«Есть для кантеле гвоздочки,
Есть и колки для утехы.
Все же кантеле не полно,

Струн пяти в нем не хватает.
Где возьму я эти струны,
Где я звучные достану?»

Он идет искать те струны
И проходит по поляне.

Видит: девушка в лесочке,

Видит — девица в долине.

Эта девица не плачет

И не очень веселится:

Просто так запела песню:

Поскорей бы вечер минул —

Поскорей бы друг явился,

К ней пришел ее желанный.

Старый, верный Вяйнямёйнен

Без сапог бежит поспешно,

Без чулок туда стремится,

Добежал он до девицы

И волос у девы просит,

Говорит слова такие:

«Дай волос своих, девица,

Дай кудрей твоих нежнейших,

Чтоб они пошли на струны,

Стали вечною усладой».

дала волос девица,

Подала волос тончайших,

Подала пять шелковистых,

Шесть и семь ему достала.

Струны кантеле явились,

Голоса отрады вечной.

Было кантеле готово.

Сел тут старый Вяйнямёйнен,

Сел на самый нижний камень,

На ступеньку возле двери.

В руки кантеле берет он,

Взял к себе свою отраду,

Повернул он выгиб к небу,
А основу на колени
И настраивает струны,
Он настроил их, как надо.

Вот настроил эти струны,
Музыки родник наладил.
Кантеле взял на колени,
Поперек его поставил;
Вот бегут по струнам пальцы,
Все пять пальцев пробегают,
Пальцы струны рвут с весельем,
Перепрыгивают быстро.
Начал старый Вяйнямёйнен;
Он на кантеле играет.
Пальцы тонкие он выгнул,
Приподнял большие пальцы.
Зазвенела тут береза,
Тут зеленая запела,
Пела золото-кукушка,
Нежно пел девичий волос.
Заиграл сильнее старец.
Струны кантеле ликуют,
Скачут горы, рвутся камни,
Скалы все загрохотали,
Рифы треснули морские,
Хрящ на волнах закачался,
Сосны с радости плясали,
Пни скакали на полянах.

И все Калевалы жены
Тут работу побросали;
Как река, текут на звуки,
Как поток, туда стремятся.
Молодицы шли со смехом,
Шли веселыми хозяйки,

Чтоб игру его послушать
И, ликуя, восторгаться.

Все мужчины, сколько было,
Все стояли снявши шапки,
Сколько ни было там женщин,
Все рукой подперли щеки;
Девушки все прослезнились,
Парни стали на колени,
Звукам кантеле внимали,
Звону чудному дивились.
Как одни уста, все люди,
Как один язык, сказали:
«Мы доселе не слышали
Здесь игры такой прекрасной,
Никогда в течение жизни,
С той поры, как светит месяц».
Чудный звон летит далеко,
Мчится через шесть селений:
Никого там не осталось,
Кто б не шел игру послушать,
Ту игру с прекрасным звоном,
Это кантеле звучанье.

Все, как есть, лесные звери,
Когти подобрав, расселись,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.
И воздушные летуньи
Разместились все на ветках;
Разные морские рыбы
К берегам плывут поближе;
Из земли выходят черви,
Из земли ползут наружу,
Извиваются, чтоб слушать
Кантеле тот звон прекрасный,

Вечную его отраду,
Вяйнямёйнена искусство.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Удивительно играет,
Издаёт он чудно звуки.
День играл он и другой день,
Он играл без передышки,
На заре поевши хлеба,
Подпоясанный все так же
И в рубашке той же самой.
Он в своем играл жилище,
В собственном сосновом доме:
И звучала кровля дома,
И дрожал весь пол жилища.
Потолок пел, пели двери,
Восклицали все окошки,
Каменная печь качалась,
Притолоки все звучали.
Он пошел еловым лесом,
Он побрел сосновой рощей —
Кланялись ему все ели,
И к земле склонялись сосны;
Шишки с них упали наземь,
Иглы их к корням упали.
И проходит ли по рощам,
Приближается ль к кусточкам,
Рощи весело играют,
И кусточки веселятся.
Все цветы с любовью смотрят,
Нагибаются сучочки.

РУНА

СОРОК ПЯТАЯ

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Весть услышала однажды,
Весть о Вяйнёлы расцвете,
Калевалы процветанье
Через те обломки Сампо
И кусочки пестрой крышки.

Позавидовала сильно,
Стала думать неустанно,
Смерть какую уготовить
И наслать какую гибель
Людам, в Вяйнёле живущим,
Детям Калевы отважным.

Обратилась с просьбой к Укко,
Умоляет бога грома:

«О ты, Укко, бог верховный!
Калевы народ сгуби ты,
Погуби железным градом,
Стрелами с концом из стали!
Им пошли болезней лютых,
Уничтожь их род противный,

Чтоб мужи погибли в поле,
В хлеве женщины погибли!»
Дочка Туонелы слепая,
Ловьятар, старуха злая,
Гаже всех рожденных Маной,
Всех ее детей противней,
Бедствий всех была истоком,
Целой тысячи пороков,
Лик она имела черный
С кожей мерзковолосатой,

Аева Туонелы слепая,
Черноликая девица
На тропе постель постлала,
Ложе в месте неудобном,
И легла она под ветром,
Улеглась под непогодой,
На сквозном ветру холодном,
На ветру холодном, раннем.
Поднялся ужасный вихорь,—
От востока зашумел он,
Плод надул он глупой деве,
Чрево бременем наполнил
На полянах без деревьев.
На лугах, травы лишенных.

Иносила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью;
Два, три месяца носила
И четвертый месяц, пятый
И седьмой, восьмой носила
И девятый также месяц,
А по счету старых женщин,
Полдесятого носила.

Вот истек девятый месяц,
И десятого в начале
Твердой сделалась утроба,
Мучит деву сильной болью;
Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.
С места тут она уходит,
На другом ложится месте,
И пошла родить блудница,
Непотребная, от ветра,
Меж двух скал в середине самой,
Где пять гор сошлись в ущелье,
Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.

Вновь подыскивает место,
Облегчить утробу хочет
Около болот зыбучих,
У источников ревущих:
Но найти не может места,
Чтоб от плода разрешиться.
Хочет скинуть порожденье,
Бремя выпустить желает
В пену бурного течения,
В страшные водовороты,
В глубь пучины трех порогов,
К девяти крутым стремнинам,
Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.

Стала скверная тут плакать:
Страшно чудище ревело,
И куда идти — не знала,
И куда бы ей деваться,

Чтоб свободным сделать чрево,
Чтоб детей родить скорее.

С облаков сказал всевышний,
Так создатель молвил с неба:
«Есть изба с тремя углами
У побережья морского,
В Похъёле, в стране тумана,
В Сарноле, вечно мрачной,
Ты туда родить отправься,
Там оставишь бремя чрева,
Там тебя уж поджидают,
Там детей твоих желают!»

Дева Туонелы слепая,
Маны скверное отродье,
К Похъёлы избе подходит,
Прямо к бане Сарнолы,
Чтоб детей родить скорее,
Чтобы выпустить потомков.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Тотчас деву в баню вводит,
Тайно в банное строенье,
Чтоб деревня не узнала,
Не слыхала б ни словечка.

Атопила Лоухи баню,
Приготовила все быстро:
Двери вымазала пивом,
Брагою — задвижку в бане,
Чтобы дверь не заскрипела,
Не запела бы задвижка.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:

«Дева древняя творенья,
С золотым красотка блеском,
Ты, старейшая из женщин,
Мать, древнейшая на свете!
По колени стань ты в море,
Ты войди по пояс в воду,
У ерша слюну возьми ты,
Собери ты слизь налима
И помажь ей меж костями,
Намочи бока ей слизью,
Женщину избавь от боли,
От родильных мук девицу,
От мучений, слишком сильных,
От жестокой боли чрева.

Если ж этого все мало,
Укко, ты творец верховный!
Опустись сюда скорее,
Поспеши, к тебе зываю!
Есть здесь женщина в страданьях,
Есть девица с болью чрева,
Здесь она, средь дыма бани,
В этой бане деревенской.

Ты возьми рукою правой
В золотой оправе палку!
Устрани ты все преграды,
Сокруши столбы у входа,
И замок творца открой ты,
Поломай там все задвижки,
Чтоб пролез большой и малый,
Чтоб прошел и слабосильный!»
Выпускает та дрянная,
Дева Туонелы слепая

Полноту своей утробы.
Злых детей своих сложила
Под узорным покрывалом,
Под хорошей занавеской.
Всех сынов рождает девять
В продолжение летней ночи,
В продолжение топки бани,
Там, пока она купалась,
Родила их силой чрева
Из наполненного брюха.

Сыновьям дала названья,
Назвала она рожденных
Кличками по их деяньям,
По тому, что каждый делал:
И один был назван раной,
Колотьем другой был назван,
Ломотой был назван третий,
Звать четвертого сухоткой,
Пятый назван был водянкой,
Был шестой коростой назван,
Зван седьмой — гниющей язвой,
А восьмой — заразой чумной.

Был без имени девятый,
Что родился позже прочих;
Мать его тотчас послала
Заклинателем на воду,
Чтоб заклял он побережье
И везде посеял зависть.

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Всех их вместе созывает
На мысочек, скрытый мглюю,
На туманный островочек,
Посылает этих злобных,
Беспримерные болезни,

Против Вяйнёлы народа,
Роду Калевы на гибель.
В Вяйнёле народ болеет,
Калевы лежат герои
В неизвестных им болезнях,
Там неведомых дотоле,
Так что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.

Вышел старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Чтоб их головы избавить,
Чтоб спасти болящих души.
В Туонелу идет он биться,
Сам с болезнями сражаться.
Нагревает жарко баню,
Накаляет в бане камни
Лишь чистейшими дровами,
Принесенными водою.
Воду он принес покрытой,
Чистых веников принес он,
Парит веники для бани,
Густолистые смягчает.

Сделал в бане жар медовый,
И медовый пар поднялся
От камней раскаленных,
От кусков камней жгучих.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«В банный жар сойди, создатель,
В теплоту, отец небесный,
Чтобы нам подать здоровье,
Чтоб спокойствие вернуть нам!

Затопчи здесь злые искры,
Погаси здесь тленье злое,
Уничтожь чрезмерность жара,
Жар дурной отсюда вышли,
Чтоб детей твоих не сжег он,
Не убил твоих творений!

Вот я прыскаю водою
На горячие каменья,
Пусть вода здесь станет медом,
Пусть стекает сладким соком!
Потечет рекой медовой,
Станет озером медвяным
На каменьях этой печи,
Посреди замшелой бани!
Пусть невинные не гибнут,
Пусть не гибнут без болезни,
Что пошлет на них создатель,
И без смерти, данной богом.
Кто ж губить нас, правых, будет,
Пусть от слов своих погибнет,
Пусть главу свою он сложит
От своих же злобных мыслей!

Коль не силен я настолько
И не столь герой могучий,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти от тяжких бедствий,
Пусть придет сюда сам Укко,
Тот, кто тучи направляет,
В облаках кто восседает,
Облачка по небу водит.
О ты, Укко, бог верховный,
Ты, на тучах высочайший!

Опустись сюда скорее,
Поспешь, к тебе взываю,
Отыми мученья эти,
Прогони ты эту хворость,
Отошли несчастья злые,
Уничтожь болезни эти!

Меч мне огненный даруй ты,
Огневой клинок пошли мне,
Чтоб сразил я этих злобных
И прогнал бы этих скверных,
На стезю ветров — болезни,
В поле дальнее — мученья!
Я туда сгоню болезни,
Я туда пошлю мученья,
В погреба внутри утесов,
В горы, полные железа,
Чтобы камни заболели,
Чтоб узнали муку скалы.
Не заплачут камни, скалы
От болезней и мучений,
Если их и много мучить,
Если их терзать безмерно.

Тюони дочка, дева болей!
Ты живешь в горе болезней
При теченье трех потоков,
При разделе трех течений,
Ты вращаешь камни болей,
Крутишь скалами болезней!
Приходи, возьми болезней
К пасти камня голубого,
Иль сведи ты их на море,
Погрузи в морские глубы,

Где ни ветер не подует,
Ни луч солнца не заблещет!

сли ж этого все мало,
Болей дочь, душа-хозяйка,
Дочка ран, всех женщин краше,
Появись, приди скорее,
Чтоб вернуть нам здесь здоровье,
Даровать успокоенье!
Отними у болей силу,
Прогони от нас мученья,
Дай больным заснуть спокойно
И не знать заботы слабым,
Чтоб ослабший снова ожил,
Храбрый на ноги поднялся!
Заклучи в бочонок боли.
В медный ящик все мученья,
Чтоб могла ты взять болезни,
Унести от нас мученья
На главу утеса болей,
В глубину горы болезней.
Там свари болезни эти
В самом малом котелочке,
Что никак не больше пальца
И куда войдет лишь ноготы!

осреди горы есть камень,
Посреди ее отверстие.
Просверлил бурав отверстие,
Чрез него прошло железо:
Побросай туда болезни,
Брось туда все злые муки,
Ты сдави там диких тварей,
Ты сожми там все несчастья,

Чтоб в ночи они не вышли,
Чтоб и днем не появлялись».

Мажет старый Вяйнямейнен,
Вековечный прорицатель,
Мажет все места больные,
Где болезни те засели,
Девятью из лучших мазей,
Восемью из средств волшебных.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:

«О ты, Укко, бог верховный,
Ты, древнейший небожитель!
Ты пошли с востока тучу,
Тучу с севера ты вышли,
Тучу с запада направь ты!
Капай медом, капай влагой,
Чтоб смягчить болезни эти,
Успокоить здесь мученья!

С ними я один не слажу,
Если бог мне не поможет.
Ты, творец, приди на помощь,
Ты помочь, всевышний, должен.
Чтоб я видел то, что нужно,
Чтоб рукой, что нужно, трогал,
Чтоб, что нужно, говорил я
И творил своим дыханьем!

Тде моя рука не тронет,
Пусть рука творца коснется;
Где мои персты не тронут,
Пусть персты коснутся божьи!
Ведь персты творца нежнее
И способней руки божьи.

Приходи, творец, заклять их,
Заклинать явись, создатель,
Поглядеть сойди, могучий!
В ночь пусть люди исцелятся,
Днем найдут себе здоровье,
Голова чтоб не болела,
Чтобы тело не страдало,
Чтоб не знали страха в сердце,
Чтоб болезней не имели,
Ни малейшего страданья
Никогда, пока на небе
Золотой сияет месяц!»

Старый, верный Вяйнямёйнен
Вековечный прорицатель,
Так несчастье прогоняет,
Изгоняет все болезни.
Отвращает скорь людскую,
Лечит тяжкие недуги,
От конца людей спасает,
Род весь Калевы от смерти.

РУНА
СОРОК ШЕСТАЯ

Слышны вести в Сариоле,
Слышны новости в деревне:
В Вяйнёле все исцелились,
Калевала избежала
Наколдованных ей бедствий
И несчастий беспримерных.

Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Весть услышав, обозлилась,
Говорит слова такие:
«Знаю я другое средство,
Выгоню из чащ медведя,
Косолапого из леса
К Вяйнёле на скот рогатый,
На богатства Калевалы».

Погнала из чащ медведя,
Косолапого из леса
К Вяйнёле на скот рогатый,
На поляны Калевалы.

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
«Брат, кователь Ильмаринен!
Выкуй новую мне пику,
Сделай то копьё трехгранным,
С рукояткою из меди!
Надо бы убить медведя,
Зверя с мехом драгоценным,

Чтоб кобыл моих не трогал,
Жеребцов не задира́л бы,
Чтобы не валил мне стадо,
Не губил моих коровок».

И кузнец сковал ту пику:
Не мало копьё, не длинно,
То копьё размеров средних;
На рубце там волк уселся,
Острие медведь все занял,
Лось бежит по основанью,
Жеребец по рукоятке,
Сел олень там у головки.

Свежий снег поутру выпал,
Нежный снег устлал дорогу,
Белый снег, как зимний зайчик,
Как осенняя овечка.

Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:

«Мне пришло одно желанье,
В Метсолу меня торопит;
Я пойду к девицам леса,
Ко двору девицы синей.

От мужей иду я к лесу,
От героев на работу;
Лес, прими меня как мужа:
Тапно, хозяин леса,

Помоги, пошли мне счастье,
Чтоб красу лесов поймал я!
Мнэликки, хозяйка леса,
Теллерво, дочь Тапиолы,
Удержи своих собачек,
Привяжи ты ясов покрепче
На пути, где много веток,
Где навес стоит дубовый!
Отсо, яблочко лесное,
Красота с медовой лапой!
Слышишь ты, что я явился,
Что к тебе иду я храбро.
В мех густой запрячь ты когти,
Зубы деснами прикрой ты,
Чтоб они мне не грозили,
Чтоб и двинуться не смели!
Мой возлюбленный ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Ляг, усни в траве зеленой,
На прекраснейшем утесе,
Чтоб качались сверху сосны,
Над тобой шумели ели.
Там покатывайся, Отсо,
Там вертись с медовой лапой,
Как в гнезде на яйцах рябчик,
Как в гнезде своем гусыня!»

Слышит старый Вяйнямйнен:
Лает вдруг его собака,
Пес его вдруг громко брешет
На дворах, где малоглазый,
На местах, где тупомордый.
Молвит он слова такие:
«Думал я — кукушка кличет,
Птичка милая распелась,—
Это вовсе не кукушка,

Это не распелась птичка:
То шумит моя собака,
То испытанный зверек мой
У дверей избушки Отсо,
На дворе красавца мужа!
Старый, верный Вяйнямёйнен
Видит логово медведя,
Опрокинул его ложе,
Ту постельку золотую,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Да прославится всевышний,
Да восхвалится создатель,
Даровал он мне медведя,
Дал мне золото лесное!»

3 олового старец видит,
Говорит слова такие:
«Мой возлюбленный ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Не сердись ты понапрасну —
Я не бил тебя, мой милый,
Сам ты с дерева кривого,
Сам ты ведь свалился с ветки,
Разорвал свою одежду
О кусты и о деревья:
Скользко осенью бывает,
Дни осенние туманны.
Ты, кукушечка лесная,
Что потряхиваешь мехом!
Брось холодное жилище
И оставь жилье пустынным,
Дом из веточек березы,
Свой шалаш из сучьев ивы!
Славный, ты пойди со мною,
Тронься, леса украшенья,

В башмаках своих легчайших,
В голубых своих чулочках,
Брось здесь малые пространства,
Эти узкие тропинки,
И пойдем к мужам, героям,
Поспешим к толпе огромной!
Там тебя не примут дурно,
Заживешь ты там не плохо:
Там медку дают покушать
И запить медком сотовым
Всем гостям, всем проходящим,
Всем бывающим там людям.

ходи отсюда с места,
Брось гнездо свое дрянное
И иди под балки крыши,
В превосходное жилище;
По равнине снежной двинься,
Как цветочек по прудочку,
Через эти ветки шмыгай,
Точно белка по сучочкам!»
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
По полям идет, играя,
По пескам он распевает,
Он ступает рядом с гостем,
С гостем в шубе волосатой:
Та игра несется к дому,
Слышно пенье у жилища.

в избе народ воскликнул,
В доме вся толпа сказала:
«Слышно, шум сюда несется,
Слышны звуки из дубравы,
Звон клеста из чащи сосен
И рожок лесной девицы!»

Старый, верный Вяйнямейнен
Ко двору пришел поспешно;
Все навстречу побежали,
Люди добрые сказали:
«То не золото ль явилось,
Не пришло ли серебро к нам?
Мех ли ценный появился,
Золотая ли монета?
Лес дал лакомку до меда,
Рысь ли дал хозяин добрый,
Что приходите вы с песней,
С торжеством на лыжах мчитесь?»

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
«Выдру взял и воспеваю,
Божий дар я прославляю;
Оттого я прибыл с песней,
С торжеством на лыжах мчался.
Только здесь совсем не выдра,
Только здесь не рысь со мною —
Это прибыл знаменитый,
Красота лесов явилась,
Это старый появился,
Сам в кафтане из суконца.
Отворяйте-ка калитку,
Если люб вам чужеземец,
Если ж он вам не по нраву,
Вы калитку затворите!»

Так народ ему ответил,
И такие слышны речи:
«Здравствуй, с лапою медовой,
Здравствуй ты, медведь, прибывший
К нам на выметенный дворик,
На украшенное место!

Я всю жизнь надеждой прожил,
С молодых годов все ждал я,
Чтоб рог Тапио раздался,
Дудка леса зазвучала,
Показалось злато леса,
Серебро тут появилось
На дворе, в пространстве малом,
На дороге узкой в поле.

дал я, словно урожая,
Словно лета, ожидал я.
Так ждет лыжа первопутка,
Сани ждут дороги ровной,
Жениха так ждет девица,
Краснощекая ждет мужа.
У окна сидел я к ночи,
У ворот сидел я утром,
По неделям у калитки,
Ждал по месяцам при въезде,
У овина ждал зимою,
На снегу стоял я твердом,
Я стоял, когда он таял
И земля в комки свалялась,
А комки покрылись пылью,
Пыль на них зазеленела.
Утро каждое я думал,
В голове моей держал я:
Где медведь так долго бродит,
Где застрял любимец леса,
Иль в Эстонию ушел он?
Видно, Суоми он оставил?»

олвил старый Вяйнямейнен,
Сам сказал слова такие:
«Но куда ж вести мне гостя,
Проводить куда златого?»

Отвести ль его к овину,
Поместить в жилье соломы?»

ак народ ему ответил,
Люди добрые сказали:
«Отведи туда ты гостя,
Проведи-ка дорогого,
Под прославленную кровлю,
К нам в прекрасное жилище:
Там уж кушанье готово,
Там поставлены напитки,
Чисто выметены доски
И протерты половицы;
Там все женщины надели
Что ни есть прекрасней платья,
Головы их в украшеньях,
Белые на них платочки».

Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Отсо, милая пичужка,
Красота с медовой лапой!
Есть земля тебе пройтися,
Есть поля тебе промерить.
Ты пройдишь там, золотой мой,
По земле пройди ты, милый,
Ты пройди в чулочках черных,
Ты пройди в штанах суконных
По тропинке для синицы,
Воробьиною дорожкой,
Там, где пять стропил огромных,
Там, где шесть крепчайших балок.

ены бедные, смотрите,
Чтобы стадо не пугалось,
Малый скот не разбежался,
Вся скотина не боялась,

Как в избу медведь ползет,
Как пойдет с косматой мордой!
Из сеней долой вы, парни,
От ворот долой, девицы!
Ведь герой в избу вступает,
Ведь краса мужей подходит!

Отсо! Яблочко лесное,
Ты, в дубраве ком красивый!
Этих девушек не бойся,
Не страшись прекраснокудрых,
Не пугайся ты и женщин,
Этих жен, чулки носящих!
Все вы, женщины в избушке,
Все скорей за загородку,
Коль в избу идут мужчины,
Молодец вступает гордый!»

Молвил старый Вяйнямейнен:
«Боже, дай благополучье,
Ниспошли под эти балки,
Под прекрасной этой кровлей!
Но куда ж сведу любимца,
Где мохнатого оставлю?»

Юди старцу отвечали:
«Просим милости, пожалуй!
Пропусти свою пичужку,
Проведи ты золотую
На сосновое сиденье,
На железную скамейку,
Чтоб нам мех его потрогать,
Осмотреть всю шубу Отсо!

Отсо! Ты не беспокойся,
Не сердись на то нисколько,
Что осмотр начнется меха,
Шубу мы твою осмотрим.

Не погубим эту шубу
И твой мех не отдадим мы
Оборванцу на лохмотья,
Нищему на одежку».

отчас старый Вяйнямёйнен
Шубу снял с того медведя,
Тут же спрятал в кладовую.
Положил в котел он мясо,
В золотистую посуду,
На котельное то донце.
На огонь котел поставлен,
В печке медная кастрюля,
Вся наполнена, набита
Мяса толстыми кусками
И обсыпанными солью,
Что из дальних мест везется,
Из земли идет немецкой,
С вод морских, что за Двиною:
По соленому проливу
В кораблях она приходит.
Как сварили это мясо,
Как котел с огня убрали,
Понесли тогда добычу
И поставили ту птичку
На сосновый стол огромный
В раззолоченной посуде,
Чтоб хлебнуть медку из кружки,
Получить бы в кружках пиво.

тот стол был весь сосновый,
Блюда были все из меди,
Все серебряные ложки,
А ножи все золотые;
И все чашки были полны,
Переполнены все блюда

Тем богатым даром леса,
Золотою той добычей.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Златогрудый дед холмочков,
Ты, хозяин Тапиолы!
Метсолы краса, супруга,
Добрая хозяйка леса!
Сильный Тапио сыночек,
Сильный муж ты в красной шапке,
Теллерво, дочь Тапиолы,
Также Метсолы народ весь —
Приходите на пирушку,
К лохмачу на пир, на свадьбу!
Есть запасы, чтоб покушать,
Чтоб покушать здесь и выпить,
И останется довольно,
Чтоб раздать на всю деревню».

 ут народ промолвил слово,
Люди добрые сказали:
«Как медведь на свет родился,
Как он рос с прекрасным мехом?
На соломе ль он родился,
В бане ль он, косматый, вырос?»

 олвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Он рожден не на соломе,
Не в овине на мякине.
Вот где он, медведь, родился,
Где рожден с медовой лапой:
Возле месяца и солнца
И Медведицы небесной,
Около воздушной девы,
Возле дочери творенья.

Шла по воздуху, по краю,
Посредине неба дева,
На краю какой-то тучки,
Шла по самой грани неба,
Шла она в чулочках синих,
В башмачках гуляла пестрых,
И в руке был ящик с шерстью,
Короб, полный волосами.
Шерсть бросает дева в воду,
Волосы бросает в волны.
Их укачивают ветры,
По воде их движет воздух,
Их качает там течение,
Гонят их к побережью волны,
К мысу сладкому на берег,
Там к медвяному лесочку.

излики, хозяйка леса,
Леса мудрая супруга,
На воде клочки собирает,
Шерсть мягчайшую на волнах.
Быстро шерсть в комок скатала,
Спеленала, положила
В короб из коры кленовой,
В прехорошенькую люльку,
И цепями золотыми
Прикрепила эту люльку
К веткам, зеленью покрытым,
К сучьям прочным, очень крепким.

ам качался этот милый,
Там баюкали младенца,
Под цветущею сосною,
Под развесистой елью.
Так медведя и взрастила:
Вырос он с прекрасной шерстью

Посреди лесов медовых,
Посреди медовой рощи.

 ам, в лесах, он жил прекрасно,
Он в хорошей жизни вырос,
Низконогий, косолапый,
Плоскомордый, тупоносый,
С головой весьма широкой
И с прекрасной, мягкой шубой;
Лишь не показались зубы
И не выросли лишь когти.
Миэликки, хозяйка леса,
Говорит слова такие:
«Я дала б ему и когти,
Даровала бы и зубы,
Если б он их не на злое,
Не на вред употребил бы».

 ал медведь большую клятву
У колен хозяйки леса,
Перед богом всемогущим,
Пред всезнающим владыкой,
Что он зла не будет делать,
Не свершит дурного дела.
Миэликки, хозяйка леса,
Леса мудрая супруга,
Ищет зубы для медведя,
Хочет также когти сделать.
Смотрит плотную рябину,
Смотрит твердый можжевельник,
Смотрит корни попрочнее
И стволы как можно тверже,
Но найти когтей не может
И зубов там не находит.
Там росла сосна в лесочке,
Елка там была на горке,

Серебро — в ветвях сосновых,
Золото — в ветвях у елки.
Их берет она с собою,
Создает медведю когти,
Зубы в челюсти сажает,
Прямо в десны помещает.

тпускает тут любимца,
Молодца-красавца гонит,
Чтоб бежал он на болота,
Чтобы бегал он по рощам,
Чтоб бродил опушкой леса,
Чтобы прыгал по полянам.
Но идти велит пристойно,
Подвигаться осторожно,
Жить в веселье постоянном,
Золотые дни лелея,
На полях и на болотах,
На полянках, полных жизни,
Башмаков не зная летом
И чулок не зная в осень,
Отдыхая в непогоду,
Укрываясь зимою
Под навесом из черемух,
Возле крепости иглистой,
У корней прекрасной ели,
В можжевельника объятях:
Пять на нем одежд из шерсти
И плащей прекрасных восемь.
Там я взял свою добычу,
Там охота удалася».

ак сказали молодые,
Так промолвили и старцы:
«Как же лес таким был добрым
И как милостива роща,

Ласков так хозяин леса,
Тапио так благосклонен,
Что он дал тебе любимца,
Выдал лакомку до меда?
Иль за ним с копьем бежали,
Иль стрелкою напугали?»

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
«Лес ко мне вполне был добрым,
Очень милостива роща,
Ласков был хозяин леса,
Тапио, хозяин рощи.
Миэликки, хозяйка леса,
Теллерво, дочь Тапиолы,
Та красотка, дева леса,
Та малюточка лесная,
Мне дорогу показали,
Мне готовили тропинки,
Метки делали дорогой,
Чтобы знал я направленье,
Знаки делали на горках
И зарубки на деревьях
К двери знатного медведя,
К месту, где его берлога.

Иногда туда я прибыл,
Подошел к его границам,
Я копьём своим не бросил,
Не стрелял я там из лука:
Сам скользнул он с возвышенья,
Сам упал со скользкой ветви,
Сучья грудь ему порвали,
Ветки брюхо распороли».
И затем сказал он снова,
Сам такие молвил речи:

«Мой возлюбленный ты, Отсо,
Пташка милая, любимчик!
С головы сними одежду,
Хищной пастью не кусайся,
Зубы редкие отдай нам,
Подари свою нам челюсть!
И смотри, не рассердися,
Коль мы так с тобой поступим,
Что твоя головка треснет,
Заскрежещут сильно зубы.

Вот беру я нос у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру у Отсо ухо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру я глаз у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру я лоб у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру у Отсо морду,
К прежде взятой в добавленье:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.

Вот беру язык у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.

Назову того я мужем
И почту того героем,
Кто сочтет здесь эти зубы,
Кто весь ряд зубов повынет
Тут из челюсти железной,
Вынет крепкими руками».

Никого там не нашлося,
Ни один храбрец не вышел.
Сам тогда считает зубы,
Сам ряды их вынимает;
Вынул крепкими руками,
Став коленом на медведя.

Вынул зубы у медведя,
Говорит слова такие:
«Отсо, яблоко лесное,
Круглый шар в лесах зеленых!
Ты пройдишь еще немного,
Прошуми еще немножко,
Из гнезда, что очень тесно,
Из жилища, что так низко,
Перейди ты в дом высокий
И в широкие покон.

Выйди, золото, пройдемся,
Шубка милая, ступай-ка
По тропе, где свиньи бродят,
Где проходят поросята,
К соснам, ветками богатым;
Выйди к соснам стоветвистым,
На тот холм, покрытый лесом,
На высокую ту гору!
Там побыть тебе не дурно,
Там прожить тебе не плохо,
Где звенит бубенчик громкий,
Раздается колокольчик».

Старый, верный Вяйнямейнен
В дом ушел к себе оттуда.
Молодежь тогда сказала,
Так промолвили красавцы:
«Ты куда отнес добычу,
Ты куда свой лов оставил?
Не на льду ль его оставил,
Не в снегу ли закопал ты,
Иль сложил в болотной тине,
Иль зарыл в песках глубоко?»

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
«Ни на льду его не бросил,
Ни в снегу не закопал я:
Рвали б там его собаки,
Замарали б скоро птицы.
Не сложил его я в топи,
Не зарыл в песок глубоко:
Там его проели б черви,
Муравьи бы повредили.
Вот куда я снес добычу,
Эту маленькую долю:
К золотой холма вершине,
На вершину горки медной,
Там на дереве повесил,
На сосне, на стоветвистой,
На ветвях ее крепчайших,
На верхушке на широкой,
Человеку на усладу
И прохожему на радость.

К востоку пасть направил,
К западу глаза медведя.
Слишком высоко не поднял:
Если б высоко их поднял,

Повредил бы их там ветер,
Вихрь испортил бы воздушный;
Я к земле их не приблизил:
Если б их к земле приблизить,
Утащили бы их свиньи,
Своротили бы их рылом».

Старый, верный Вяйнямейнен
Тут запел прекрасно, громко,
Чтобы вечер был украшен,
День весельем был закончен.

Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
«Ты свети, ставец с лучиной,
Чтоб я мог при пенье видеть;
Мой черед начать здесь пенье,
Зазвучат уста с отрадой».

Так и пел, играл он долго,
Чтобы вечер был веселым,
И сказал, окончив пенье,
Под конец промолвил слово:
«Дай на будущее время,
Дай нам навсегда, создатель,
Чтобы мы справляли праздник,
Чтобы мы не забывали
Молодцу устроить свадьбу,
Пир мохнатому устроить!»

Нодавай всегда, всевышний,
Подавай, благой создатель,
Знаки ясные в дороге
И пометки на деревьях
Молодцам героически храбрым,
Молодецкому народу!

Ты позволь всегда, всевышний,
Ты позволь, благой создатель,

Слышать рог лесного царства,
Слышать дудочку лесную
На дворе, пространстве малом,
На жилых местечках узких!
Целый день пускай играют,
Вечерком пусть веселятся
На холмах и на полянах,
На больших просторах Суоми,
Меж растущей молодежи,
В подрастающем народе».

РУНА

СОРОК СЕДЬМАЯ

Старый, верный Вяйнямейнен
Все на кантеле играет,
Он поет, играет много,
Пеньем радость пробуждает
Звуки к месяцу доходят,
Донеслись к окошку солнца
Из избы тут вышел месяц,
На кривую влез березу,
Вышло солнышко из замка,
На сосновой ветке село,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Тут же солнышко схватила

И взяла руками месяц,
Унесла с березы месяц
И с сосны стащила солнце.
Унесла домой с собою,
В Похьёлу, страну тумана.

ома прячет светлый месяц
В недра пестрого утеса,
Солнце,— чтобы не светило,—
В глубь горы, железом полной.
Говорит слова такие:
«Никогда светить не выйдет
Из горы на волю месяц,
Никогда не выйдет солнце,
Коли я не отпущу их,
Коль сама не дам свободы,
Жеребят доставя девять,
От одной рожденных матки!»
Только месяц был запрятан,
Только солнце было скрыто,
В глыбе Похьёлы скалистой,
В недрах гор, железом полных,—
Похищает Лоухи пламя,
Вяйнёлы огонь очажный,
Чтоб лишить огня жилища,
Чтоб лишить жилища света.

очь настала без просвета,
Мрак густой и бесконечный.
В Калевале ночь повсюду,
Темны Вяйнёлы жилища,
Даже там, вверху, на небе,
Темнота в жилище Укко.
Жить без света очень трудно,
Без огня и вовсе тяжко.
Люди все затосковали,

Встосковался даже Укко.
Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди,
Очень сильно удивился.
Он подумал-поразмыслил,
Что там с месяцем за чудо,
Что там с солнышком случилось,
Что совсем не светит месяц,
Не сияет вовсе солнце.

Стал на край он темной тучи,
На границу неба вышел,
Он стоит в чулочках синих,
В башмаках прекрасных пестрых;
Смотрит — не найдет ли месяц,
Не видать ли света солнца,
Но найти не может месяц,
Увидать не может солнце.

Тотчас Укко выбил пламя,
Искру вышиб он живую,
Выбил огненным мечом он,
Тем клинком, горящим ярко;
Выбил он огонь ногтями,
Выпустил его из пальцев
В верхней области небесной,
В небе за оградой звездной.

И когда огонь он высек,
Спрятал огненную искру
В шитом золотом мешочке,
В среброкованой шкатулке.
Искру дал качать девице,
Дал ее воздушной девице,
Чтобы вырос новый месяц,
Солнце новое явилось.

Дева в облаке уселась,
На краю высокой тучи,

Там огонь она качает,
Убаюкивает пламя
В золотой прекрасной люльке
На серебряных повязках.

Серебра повязки гнутся,
Золотая ходит люлька,
В туче шум, движенье в небе,
Перегнулась крыша неба:
Так огонь качался в люльке,
Колебалось в небе пламя.
Вот огонь качает дева,
Убаюкивает пламя
И огонь перстами гладит,
На руках то пламя нянчит.
Вдруг упал огонь у глупой,
Безрассудной этой девы,
Он упал из рук качавшей,
Из перстов его ласкавшей.

нотряслось, расселось небо,
Двери воздуха раскрылись,
Искра огненная мчится,
Капля красная слетает
И скользит сквозь крышу неба,
И шипит сквозь толщу тучи,
И небес прошла все девять,
Шесть покрышек этих пестрых.
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Брат, кователь Ильмаринен!
Мы пойдем с тобой посмотрим,
Мы пойдем и разузнаем,
Там какой огонь спустился
И сошло какое пламя
С верхней области небесной
Вниз на области земные,

Может, месяца кружочек
Или солнца шар, быть может!»

В путь пошли герои оба.
Зашагали, стали думать,
Как туда попасть вернее,
Как туда пройти прямее,
Где упало это пламя,
Где огонь свалился с неба.

Вот шумит река пред ними,
Разлилась широким морем.
Начал строить Вяйнямёйнен,
Начал ловко ладить лодку,
Мастерить в лесу принялся.
Сам кователь Ильмаринен
Руль еловый к лодке сделал,
Из сосны он сделал весла.

Так была готова лодка
Вместе с веслами, с крюками;
Лодку на воду спускают,
Смастерили, опустили.
По Неве-реке поплыли,
По Неве вокруг мысочка.

Ильматар, краса-девица,
Дочка первая творенья,
Появилась им навстречу,
Говорит и слово молвит:
«Из каких мужей вы двое,
Как вас люди называют?»

Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Оба мы — мужи морские,
Сам я — старый Вяйнямёйнен,
А со мною — Ильмаринен.
Ты сама откуда родом,
И твое какое имя?»

Так им женщина сказала:
«Я — старейшая из женщин,
Первая из дев воздушных,
Мать древнейшая на свете,
Жен пяти не ниже честью
И шести невест красою.
Вы куда, мужи, идете,
Путь свой держите, герои?»

Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
«Тут огонь пропал бесследно,
Пламя без следа исчезло,
Без огня мы долго жили,
Все во мраке оставались.
Потому и в путь мы вышли
Отыскать, где это пламя,
Что с небес сюда свалилось,
С края облака упало».

Так им женщина сказала,
Молвит им слова такие:
«Нелегко найти то пламя,
Увидать его трудненько.
Принесло забот немало,
Зла наделало порядком!
Пламя это искрой пало,
Каплей красною скатилось
Из полей творца огромных,
Где ее сам Укко выбил,
Сквозь небесные пространства
Сквозь воздушные пространства
Сквозь отверстие для дыма,
На сухие на стропила,
В новое жилище Тури,
То, что Палвойнен построил.

Как огонь туда свалился,
В новое жилище Тури,
Начал он дела дурные,
Принялся за преступленья:
Он хватает грудь девицы,
Разрывает груди девы,
Жжет он мальчику колено,
А хозяину бородку.

Мать дитя свое кормила,
Крошку в бедной колыбели.
А туда огонь стремится,
Совершает преступленье:
Жжет дитя он в колыбели,
Грудь матери спалает.
Так ребеночек несчастный
Отошел в жилище Маны,
Ибо создан был для смерти,
Предназначен для кончины;
От огня, от мук ужасных,
В красном пламени погиб он.

Мать имела больше знаний,
Не сошла мать в царство Маны;
Заклинать огонь умела,
Знала, как изгнать то пламя
Сквозь ушко иголки малой,
В топоре через отверстие,
Через дырочку в мотыге,
Подле паханого поля».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Быстро деву вопрошает:
«Но куда та искра делась,
Это огненное пламя,
В лес ли бросилось зеленый?
Или в море покатилося?»

Так им женщина сказала,
Говорит слова такие:
«Искра бросилась оттуда,
Разнеслось далеко пламя
И сожгло поля сначала,
Жгло поля и жгло болота,
А потом упало в воду,
В волны Алуэ скатилось:
Это озеро вскипело,
В нем огнем блистают воды.

По три раза летней ночью,
Девять раз осенней ночью
Это озеро вздымалось
От берегов своих до елей,
Бушевал огонь в нем дно,
Пламя жгло и клочотало.
Рыб, кипя, бросали волны,
Малых окуней на скалы.
И обдумывали рыбы,
Окуньки там размышляли,
Как же быть и что же делать:
Рыбы плакали о доме,
Окунь — о своем подворье,
Ерш — о крепости скалистой.

Вышел окунь-кривошея,
Искру огненную ловит,
Но догнать ее не может.
Вышел синий сиг, погнался,
Ловит огненную искру,
Проглотил он злое пламя.
В берег Алуэ вступило,
Озеро с краев упало,
На привычное местечко
Опустилось летней ночью.

Мало времени проходит:
Проглотивший испугался,
Съевший искру боль почувял,
Сиг, пожравший пламя, страждет.

Шумно мечется повсюду,
День плывет он и другой день,
Где лежит сиговый остров,
Где стоят утесы семги,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Никого — убить беднягу,
Проглотить его, страдальца,
Уничтожить боль от жара,
От огня его страданья».

Вот пеструшка это слышит,
И сига она глотает.
Мало времени проходит:
Рыбу съевшей стало страшно.
Проглотившая болеет,
От огня она страдает.
Шумно мечется повсюду.
День плывет она, другой день,
Где стоят утесы семги,
Где стоят пещеры щуки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,

Что несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара,
От огня ее страданья».

Шука серая то слышит,
Проглотила ту пеструшку.
Мало времени проходит:
Рыбу съевшей страшно стало,
Проглотившая болеет,
От огня она страдает.
Шумно мечется повсюду.
День плывет она, другой день
Возле скал морской вороны,
Около утесов чайки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара
И от пламени страданья».

Старый, верный Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен
Можжевательник тотчас режут,
Вяжут сети из мочалы;
Красят ивовой водою,
Ивовой корой скрепляют.
Старый, верный Вяйнямёйнен
К тем сетям поставил женщин.
Стали женщины у сети,
Сестры сети потянули.

И, гребя, уж едут с ними
Возле кос и островочков,
Возле скал и гротов семги,
У сиговых островочков,
Где камыш стоит, серея,
Где тростник разросся стройно.
Едут дальше, рыбу ловят,
Тянут невод, погружают,
Держат наискось порою,
Наклонивши его тянут:
Не поймали этой рыбы,
Несмотря на все старанье.

Тут вступили в воду братья,
Подошли к сетям мужчины.
Сети тянут и толкают,
Невод дергают и тащат
Возле рифов, по заливам,
Возле Калевы утесов:
Но поймать не могут рыбы
Той, что так была нужна им.
Щука серая не вышла
Из воды, из тихой бухты,
Из большой равнины водной:
Малой рыбе — петли крупны.

Стали жаловаться рыбы,
Щука щуке говорила,
Сиг сигу вопросы задал,
Семга спрашивала семгу:
«Или храбрые уж мертвы,
Калевы сыны погибли
Те, что сеть из льна вязали,
Невод делали из ниток,
Что баграми рыб пугали,
Палкой длинною стучали?»

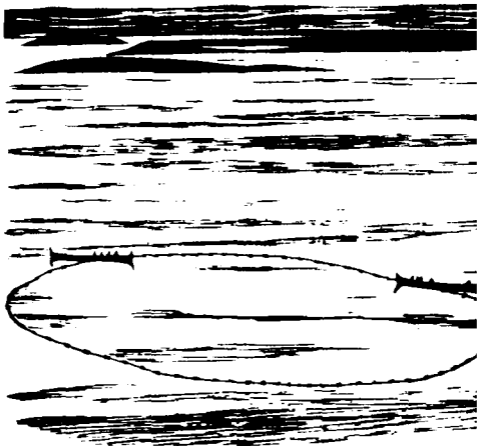

Слышит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Храбрецы не умирали,
Калевы герои живы.
Мертв один, а два родятся,
И у них багры получше,
Ловят палкой подлиннее,
Сетью вдвое пострашнее».

РУНА
СОРОК ВОСЬМАЯ

Старый, верный Вяйнямейнен,
Вековечный прорицатель,
Вновь обдумал это дело,
Размышлять над ним он начал,
Как бы сеть связать льняную,
Невод свить во сто раз больше.
Наконец сказал он слово
И такие речи молвил:
«Ведь найдется же, кто вспашет,
Вспашет землю, лен посеет,
Чтоб я невод приготовил,
Сеть стопетельную сделал
И убил бы злую рыбу,
Уничтожил бы дрянную?»
Вот нашлось земли немного,
Не сожженное местечко,
По обширному болоту,
Меж двух пней посередине.
Корень был тотчас же вырыт:
Там нашли льняное семя,
Туонелы червем хранимо,
Спрятано червем подземным.

Там золы осталась кучка,
Пепла кучечка сухого
От сожженной как-то лодки,
Уничтоженного судна.
Здесь-то лен и был посеян,
Погружен в золу сухую,
Близко к Алуэ посеян,
В почву глинистую пашни.

Хорошо вошло растение,
Лен богато там поднялся,
Неожиданно он вырос
Лишь в течение летней ночи.
Ночью был тот лен посеян,
При луне запахан в землю,
Был очищен и разобран,
Был обобран и ощипан,
Очень сильно был отрепан,
Очень быстро был очесан.
Вот снесли его для мочки;
Был он вымочен поспешно
И затем поспешно вынут,
Очень быстро был просушен.
Принесли его в жилище:
Тут толкли его усердно,
Со старанием помяли,
Растрепали все волокна.

Расчесали лен поспешно,
Расчесали ранним утром,
Разложили весь по связкам,
После лен на веретена
Намотали летней ночью,
Меж двух дней одною ночью.
Вот прядут тот лен сестрицы,
Нитки делают невестки,

Связывают невод братья,
А отцы веревки вяжут.
Взад-вперед вертелись спицы,
Петли делали прилежно,
Так что сеть была готова,
Невод изо льна был связан
Лишь в течение ночи летней,
Даже в ночи половину.
Наконец-то сеть готова,
Изо льна уж невод связан,
И в длину та сеть сто сажен
И семьсот вокруг по краю.
Прикрепили к сети камни,
Прикрепили к сети доски.
Стали к сети молодые,
Дома старшие гадали:
Можно ль будет этой сетью
Захватить в воде ту рыбу?

Потянули, потащили,
Погрузили сеть для ловли:
Вдоль воды прилежно тянут,
В ширину воды проходят.
Ловят маленьких рыбешек:
Ловят ершиков несчастных,
Ловят окуней костлявых
И плотниц, богатых желчью;
Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть связали.
Молвит старый Вяйнямейнен:
«О кователь Ильмаринен!
Сами мы пойдем с тобою,
По воде потянем сети!»
И пошли вдвоем герои,
Тянут сеть в воде искусно
И один край повернули

Прямо к Вяйнёле на пристань,
А другою стороною
Повернули на мысочек
И бечевку натянули
Прямо к Вяйнёле на пристань.

Тянут сеть, вперед толкают,
Тянут, тащат этот невод,
Рыб достаточно поймали:
Окуней большую кучу,
И хорошеньких пеструшек,
И лещей, и разной семги,
Всяких рыб в воде поймали;
Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть вязали,
Невод в воду опустили.

К этой сети Вяйнямёйнен
Привязал еще другую:
И края к краям прибавил
В пятьсот сажень шириною,
С бечевою в семьсот сажень.
Говорит слова такие:
«Мы поглубже сеть оттащим,
Понесем ее подальше,
Через воду сеть потянем,
Мы опять потянем невод!»

Сеть к глубинам потащили,
Отнесли ее на волны,
Тянут дальше через воду;
Во второй раз тащат невод.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Велламо, воды хозяйка,
С тростниковой грудью в волнах!
Ты смени свою рубашку,

Свой кафтан смени скорее!
Ведь камыш — твоя рубашка,
Пена моря — покрывало,
Их дала тебе дочь ветра,
Дочка моря подарила;
Я же дам тебе льняную,
Полотняную рубашку;
Дочь луны над ней трудилась,
Солнца дочь ее соткала.

А кто, ты, глубин хозяин,
Сотни омутов владыка!
Ты возьми в пять сажен палку,
Кол возьми семиконечный,
По всему пройдися морю,
Перерой все дно морское,
В тростниках поройся палкой,
К нам гони ты рыбы стаи,
К нам, туда, где тащим невод,
Поплавков волочим сотню,
Рыб гони ты из заливов,
Из лососьих ям гони их,
Из большой пучины моря,
Из его бездонной глуби,
Где совсем не светит солнце,
По песку никто не ходит!»
Поднялся из волн малютка,
Богатырь из моря вышел,
На волнах остановился,
Говорит слова такие:
«Нужен вам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Нужен нам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку».

Муж-малыш, герой-малютка
Тут срубил сосну большую,
Взял он длинную из леса,
К ней скалу вверх приделал
И, спросив, промолвил слово:
«Из всей силы гнать мне рыбу,
Со всего плеча работать
Или гнать насколько нужно?»

Старый, мудрый Вяйнямёйнен
Тут сказал слова такие:
«Будешь гнать насколько нужно,
Так и то довольно будет».

Муж-малыш, герой-малютка
Начал тут свою работу.
Гонит он насколько нужно:
Гонит рыб большие стаи
К месту, где тащили невод,
Поплавок тащили сотню.

У весла кузнец уселся;
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам повыше невод тянет,
Посильнее тащит сети.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Уж попала рыба стая,
Где я невод кверху поднял,
Где пустил пониже доски».

Тут уж вытянули невод,
Подняли его повыше,
Вытрясли на лодке Вяйнё.
Поймана была та рыба,
Для которой сеть вязали,
Заготовливали невод.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Едет к берегу на лодке,

Едет к синему мосточку,
К красной пристани прибрежной.
Груды рыб из лодки вынул,
Взял он кучу рыб костлявых:
Щуку серую там выбрал,
Что давно поймать хотел он.

олвил старый Вяйнямейнен,
Сам сказал слова такие:
«Взять ли рыбу мне рукою,
Без железной рукавицы,
И без каменной перчатки,
И без варежки из меди?»
Солнца сын услышал это,
Говорит слова такие:
«Распластал бы здесь я щуку,
Взял бы я ее рукою,
Если б здесь был нож отцовский,
Заповедный нож от предков».
С неба выпало железо
С череночком золоченым,
С лезвием посеребренным,
Прямо к чреслам сына Солнца.

рабрый Солнца сын тотчас же
Этот нож берет рукою,
Разрезает тело щуки,
Тело той широкооротой;
Там, в утробе серой щуки,
Оказалась пеструшка;
У пеструшки этой в брюхе
Гладкий сиг уже нашелся.
Вот сига он разрезает —
Синий клуб оттуда тащит,
Из кишки сиговой тонкой,
Там, из третьего загиба.

Развернул клубочек синий:
А из синего клубочка
Выпал красненький клубочек.
Вскрыл он красненький клубочек —
Изнутри того клубочка
Вынул огненную искру,
Что упала с высей неба,
Что проникла через тучи,
Что с восьми небес упала,
Из девятого пространства.

Вяйнямёйнен думать начал,
Как теперь доставить искру
К избам, пламени лишенным,
К обиталищам без света,
А она вдруг ускользнула
Из руки у сына Солнца.
Вяйнё бороду спалила,
Кузнеца сожгла сильнее,
Опалив бесстыдно щеки,
Опалив ему и руки.

бежит огонь оттуда,
В волнах Алуэ мелькает,
Можжеватель обжигает,
Опалает всю равнину;
Поднимается на ели:
Сжег еловые лесочки.
И бежит все дальше, дальше,
Уж пол-Похьёлы пожег он,
Опалил пределы Саво
И Карелии пределы.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам идти за ним собрался,
Чрез леса он там проходит,
По следам огня стремится.
Наконец его нашел он

Между двух пеньков у корня,
Был огонь в дупле ольховом,
Там, в изгибе пня гнилого.

олвил старый Вяйнямйнен,
Сам сказал слова такие:
«Ты, огонь, создание божье,
Ты, светящее творенье!
В глубину идешь напрасно,
Вдаль идешь без основанья!
Лучше сделаешь, вернувшись
В избы, в каменные печки;
Там в своих ты ляжешь искрах,
Под свои укryвшись угли,
Чтобы днем ты пригодился
Для березовых поленьев,
Чтоб тебя скрывали на ночь,
В очаге тебя хранили».

Искру огненную взял он,
Положил на трут горючий,
На кусок сухой березы,
Положил в котел из меди
И в котле принес ту искру.
Он принес ее в бересте
На мысок, укryтый мглюю,
На туманный островочек:
Получили пламя избы,
Получили свет жилища.

Сам кователь Ильмаринен
Побежал на берег моря,
Подошел к утесу быстро,
На скале остановился,
От огня терпел мученья
И от пламени страданья.

Пламя хочет он утишить,
У огня ослабить силу.

Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, огонь, создание божье,
Сын небесного светила!
Чем разгневан ты так сильно,
Что мои обжег ты щеки,
Что ты бедра опалил мне
И бока обжег ужасно?

Как смогу унять я пламя,
У огня ослабить силу,
Сделать жар огня бессильным,
Это пламя обезвредить,
Чтоб не жгло меня сильнее,
Чтоб не мучиться мне больше?
Приходи, о дочка Турьи,
Из Лапландии девица,
В лед и в иней ты обута,
В замороженной одежде,
Носишь с инеем котел ты
С ледяной холодной ложкой!
Окропи водой холодной,
Набросай побольше льдинок
На места, где есть ожоги,
Где мне бед огонь наделал!

Ксли ж этого все мало —
Сына Похъёлы зову я.
Ты, Лапландии питомец,
Длинный муж земли туманной,
Вышиной с сосну ты будешь,
Будешь с ель величиною,—
У тебя из снега обувь,
Снеговые рукавицы,
Носишь ты из снега шапку,
Снеговой на чреслах пояс!

Снегу в Похъёле возьми ты,
Льду в деревне той холодной!
Снегу в Похъёле немало,
Льду в деревне той обилье:
Снега реки, льда озера,
Там застыл морозный воздух;
Зайцы снежные там скачут,
Ледяные там медведи
На вершинах снежных ходят,
По горам из снега бродят;
Там и лебеди из снега,
Ледяных там много уток
В снеговом живут потоке,
У порога ледяного.

ед вези сюда на санках,
На возах доставь ты снегу,
Привези с вершины дикой
И с краев горы твердейшей!
Охлади холодным снегом,
Заморозь ты льдом холодным
Все, что мне огонь наделал,
Все, что здесь спалило пламя!

сли ж этого все мало,—
О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, что правишь в тучах,
Облаками управляешь,
Вышли тучу от востока,
А от запада другую
И ударь ты их концами,
Пустоту меж них наполни!
Ты пошли и лед и иней,
Дай ты мне хорошей мази
На места, что опалились,
Где мне бед огонь наделал!»

Так кователь Ильмаринен
Пламя грозное утишил,
У огня он отнял силу.
И кузнец стал вновь здоровым,
Получил обратно крепость,
Исцелившись от ожогов.

РУНА
СОРОК ДЕВЯТАЯ

е восходит больше солнце,
Золотой не светит месяц
Ни над Вяйнёлы домами,
Ни над полем Калевалы.
Охватил мороз посевы,
На стада болезнь напала,
Птицы все затосковали,
Люди чувствовали скуку,
Без сиянья солнца в небе,
И без лунного сиянья.

Щука ведала свой омут,
Знал орел дороги птичьи,
Ветер знал челна дорогу;
И не знали только люди,
Утро ль серое вернулось,
Ночь ли темная спустилась
На мысок, укрытый мглою,
На туманный островочек.

Совещались молодые,
Старцы также рассуждали,
Как без месяца прожить им,
Как без солнца сохраниться
В областях, несчастьем полных,
В бедных северных пространствах
Совещались и девицы,
Девочки полны заботы.
К кузнецу пошли, к горнилу.
Так они ему сказали:
«Поднимись, кузнец, с постели.
Где лежишь у теплой печки,
Нам ты выкуй новый месяц,
Сделай круглое нам солнце!
Плохо, коль не светит месяц,
Тяжело прожить без солнца»

Поднялся кузнец с постели,
Где лежал у теплой печки,
Стал ковать он новый месяц,
Солнце новое стал делать,
Чтоб из золота был месяц
И серебряное солнце.
Вышел старый Вяйнямйнен,
У дверей уселся кузни.
Говорит слова такие:
«О кузнец, любимый братец!

Что там в кузнице стучишь ты,
Что колотишь беспрестанно?»

Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Золотой кую я месяц
И серебряное солнце,
В небесах вверх повесить,
Выше, чем шесть пестрых крышек».

Молвил старый Вяйнямейнен,
Сам сказал слова такие:
«О кователь Ильмаринен!
Ты предпринял труд напрасный!
Злато месяцем не станет,
Серебро не будет солнцем».

Сделал месяц Ильмаринен,
Также выковал и солнце,
Кверху снес их осторожно,
Высоко он их поставил:
На сосну отнес он месяц,
На вершину ели — солнце.
Пот со лба его катился,
С головы струилась влага:
Так трудна была работа,
Так подняться было трудно.

Вот наверх отнес он месяц
И отнес на место солнце,
На сосну повыше месяц,
На верхушку ели солнце:
Но снять не хочет месяц,
И светить не хочет солнце.
Молвил старый Вяйнямейнен,
Сам сказал слова такие:
«Ворожбу начать придется
И по знакам вызнать надо,

Где теперь укрылось солнце
И куда исчез наш месяц».

Сам он, старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Из ольхи лучинки режет,
Ставит их сперва в порядке,
А потом вертеть их начал,
Поворачивать перстами,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«У творца прошу я знака,
Жду настойчиво ответа.
Божий знак, открой мне правду,
Знак всевышнего, скажи мне:
Где теперь укрылось солнце
И куда пропал наш месяц,
Отчего все это время
В небесах мы их не видим?
Знаменье, открой мне правду,
Не скажи по мысли мужа,
А скажи правдивым словом,
Знание верное даруй мне!
Если знак меня обманет,
Брошу я его на землю;
Знак в огонь тогда закину,
Пусть в огне тот знак сгорает».

Правду знаменье открыло,
Знак мужей тогда ответил:
Что сокрылось с неба солнце
И с небес сокрылся месяц
В глыбе Похьёлы скалистой,
В недрах медного утеса.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

«Если в Похъёлу пойду я,
Похъёлы сынов тропою,
Засияет снова месяц,
Заблестит как прежде солнце».

н отправился поспешно
В землю Похъёлы туманной.
День идет он и другой день;
Наконец, уже на третий,
Земли Похъёлы открылись,
Видны каменные горы.
Вот кричит он очень громко
В Похъёле у переправы:
«Лодку мне сюда доставьте,
Чтобы реку переплыл я!»

Крик его услышан не был,
Лодки старцу не послали,
Он собрал деревьев кучу
И сухих еловых веток;
Он зажег их на побережье,
Так что дым большой поднялся,
Пламя к небу восходило,
Дым собой наполнил воздух.

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Подошла сама к окошку.
На пролив, на устье смотрит,
Говорит слова такие:
«Что за пламя там пылает,
В устье этого пролива?
Для войны, пожалуй, мало,
Для костров рыбацких много».

итель Похъёлы выходит
Из избы на двор поспешно,
Чтоб увидеть и услышать
И получше все разведать:

«За рекой, на том побережье,
Виден мне герой могучий».

Крикнул старый Вяйнямейнен,
Во второй раз молвил громко:
«Ты, сын Похьёлы, дай лодку,
Вяйнямейнену челнок дай!»

Но сын Похьёлы промолвил,
Говорит слова такие:

«Нет незанятых здесь лодок,
Пальцы веслами ты сделай,
А рука рулем пусть будет
В Похьёлу доплыть водою».

Думал старый Вяйнямейнен,
Так подумал и размыслил:
«Не сочтут того за мужа,
Кто с пути назад вернется».
И пошел он шукой в воду,
Он сигом пошел в потоки,
Переплыл пролив он скоро,
Перешел пространство быстро.
Сделал шаг, другой шаг сделал
И ступил на берег грязный.

Дети Похьёлы собрались,
Говорит толпа дрянная:
«В Похьёлы избу пожалуй!»
В Похьёле во двор он входит.

Дети Похьёлы сказали,
Говорит толпа дрянная:
«В Похьёлы избу пожалуй!»
В Похьёлы избу он входит;
Он ступил ногою в сени,
Взял рукою ручку двери
И тогда вовнутрь проходит,
Проникает он под кровлю.

Мед в избе мужчины пили,
Сладкий сок они глотали,
Были все они с оружием,
Все у пояса с мечами
На погибель старца Вяйнё,
Чтоб погиб Сувантолайнен.

Как пришедшего спросили,
Говорят слова такие:
«Что, негодный муж, ты молвишь,
Что, герой-пловец, расскажешь?»

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

«Я о месяце скажу вам,
Чудеса скажу о солнце.
Где от нас укрылось солнце
И куда пропал наш месяц?»

Дети Похъёлы сказали,
Говорит толпа дрянная:
«Вот куда сбежало солнце,
Солнце скрылось, месяц скрылся
В грудь пятнистого утеса,
В грудь скалы, железом полной.
Уж не выйти им оттуда,
Не уйти, пока не пустят».

олвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Если месяц из утеса,
Солнце из скалы не выйдет,
Так и бой начать мы можем,
На мечах тогда сразиться!»

Вынул меч, открыл железо,
Из ножен меч грозный тащит:
На конце сияет месяц,
Солнца блеск на рукоятке,

И конек стоит на спинке,
На головке кот мяучит.
Вот померились мечами,
Лезвия их осмотрели:
Только малую толику
Подлиннее меч у Вяйнё;
На зерно он подлиннее,
На обхват стебля соломы.

Вот на двор наружу вышли,
На просторную поляну.
Ударяет Вяйнямёйнен
Так, что искры засверкали,
Раз ударил и другой раз:
Посрубил он, словно репы,
Головы, как льна головки,
Гордым Похъёлы потомкам.
И собрался Вяйнямёйнен
Поглядеть на светлый месяц,
Унести с собою солнце
Из груди скалы пятнистой,
Из горы, железом полной,
Из железного утеса.

Вот проходит он немного,
Небольшое расстоянье,
Видит там зеленый остров.
А на нем растет береза,
Под березой этой камень,
И утес стоит у камня,
А дверей в утесе девять,
На дверях задвижек сотни.
Видит трещину в утесе,
В камне узкую полоску.
Меч из ножен вынимает,
Острый меч в скалу вонзает,

Колет он клинком огнистым,
Колет пламенным железом
Так, что камень расколосся,
Быстро натрое распался.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотрел чрез щели камня:
Змеи там хлебают сусло,
Пиво пьют в скале гадюки,
В недрах этого утеса,
Что похож на печень цветом.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«То-то бедная хозяйка
Мало пива здесь имела,—
Тут хлебают сусло змеи,
Пиво пьют в скале гадюки».
Змеям головы срубает,
Злым гадюкам рубит шею.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Никогда в течение жизни,
От сего дня впредь считая,
Да не пьют гадюки пива,
Не хлебают сусла змеи!»

Хочет старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Раскачать руками двери,
Силой слова снять задвижки:
Не открыл дверей рукою,
Слов не слушались задвижки.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Баба тот, кто безоружен,
Тот без сил, кто без секиры».

Тотчас он домой вернулся,
Головой поник печально,
Что ни месяца не добыл,
Что ни солнца не достал он.

промолвил Лемминкяйнен:
«О ты, старый Вяйнямейнен!
Отчего меня не взял ты
Как товарища в заклетьях?
Я отбил бы все замочки,
Поломал бы я задвижки,
Я сиять пустил бы месяц
И светить я дал бы солнцу».

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
«Не берут слова задвижек,
Не берут замков заклетья,
Кулаком их не подвинешь,
Не своротишь двери локтем».

кузнецу пошел, к горнилу.
Говорит слова такие:
«О кузнец ты, Ильмаринен!
Выкуй мне трезубец твердый,
Выкуй дюжину мне копий
Да ключей большую связку,
Чтоб я месяц из утеса,
Из скалы достал бы солнце!»

И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Все сковал, что было нужно:
Дюжину сковал трезубцев
И ключей большую связку,
Связку копий приготовил,
Не больших, не очень малых,
Сделал среднего размера.

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
К бедрам крылья прикрепила
И на воздух вознеслася.
Возле дома полетала
И летит она подальше,
Море Похъёлы минуя,
К Ильмаринену на кузню.

Посмотрел кузнец в окошко,
Уж не буря ль там несется:
То не буря там несется,
То слетает серый ястреб.
И промолвил Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Что тебе здесь нужно, птица,
У окна зачем ты села?»

Так ответила тут птица,
Так промолвил этот ястреб:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Замечательный кователь,
Ты, по правде, славный мастер,
Ты — кователь настоящий!»

Так ответил Ильмаринен,
Сам сказал слова такие:
«Никакого тут нет чуда,
Что кузнец я настоящий,
Если выковал я небо,
Кровлю воздуха устроил».

И сказала эта птица,
Так промолвил серый ястреб:
«Что куешь ты здесь, кователь,
Не оружие ль какое?»

Так промолвил Ильмаринен,
Дал в ответ слова такие:

«Я кую ошейник крепкий
Этой Похъёлы старухе,
Приковать старуху надо
Там, у твердого утеса».

оухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Видит, к ней беда подходит,
Ей несчастье угрожает.
И летит, стремясь чрез воздух
Дальней Похъёлы достигнуть.
Из скалы пускает месяц,
Солнце выслала из камня.
А сама свой вид меняет,
В виде голубя явилась:
Запорхала, прилетела
К Ильмаринену на кузню.
Подлетела к двери птицей,
Голубком у двери села.
И промолвил Ильмаринен,
Сам сказал слова такие:
«Ты зачем сюда явился,
Прилетел к порогу, голубь?»

з дверей ему ответил,
От порога этот голубь:
«Я затем здесь у порога,
Чтоб принести тебе известье:
Из скалы уж вышел месяц,
Из утеса вышло солнце».
Сам кователь Ильмаринен
Посмотреть тогда выходит.
Он подходит к двери кузни,
Смотрит пристально на небо:
В небе вновь сияет месяц,
В небе вновь блистает солнце.

К Вяйнямёйнену идет он,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
Посмотри пойдя на месяц,
Погляди пойдя на солнце!
Ведь они уже на небе,
На своих местах привычных».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам на двор тогда выходит,
Поднял голову он кверху,
Посмотрел на небо быстро:
Месяц там стоял, как прежде,
И свободно было солнце.
Смотрит старый Вяйнямёйнен,
Говорить он начинает.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Здравствуй, месяц серебристый,
Вновь ты кажешь лик прекрасный.
Здравствуй, солнце золотое,
Снова всходишь ты, сияя!

З скалы ушел ты, месяц,
Ты ушло из камня, солнце,
Как кукушка золотая,
Как серебряный голубчик,
На своих местах вы снова,
Прежний путь свой отыскали.
По утрам вставай ты, солнце,
С нынешнего дня вовеки!
Каждый день приветствуй счастьем.
Чтоб росло богатство наше,
Чтоб к нам в руки шла добыча,
К нашим удочкам шла рыба!

Ты ходи благополучно,
На пути своем блаженствуй,
В красоте кончай дорогу,
Отдыхай с отрадой ночью!»

РУНА
ПЯТИДЕСЯТАЯ

Марьятта, красotka-дочка,
Выросла в отцовском доме,
При отце жила, при знатном,
И при матери любимой.
Пять цепочек износила,
Шесть колец она истерла,
Что с отцовскими ключами
На груди ее блестели.

Полпорога вовсе стерла
Славно вышитым подолом,
Полстропила перетерла
Тонким головным платочком
И полпритолки истерла
Рукавом из мягкой ткани,
Протоптала половицы
Башмаков своих подошвой.

Марьятта, красotka-дочка,
Эта девочка-малютка
Скромницей была отменной
И стыдливость сохраняла.

Рыбой вкусно питалась
И корой сосновой мягкой;
Никогда яиц не ела,
Так как с курицей петух жил;
От овцы не ела мяса,
Коль овца жила с бараном.

Мать донть ее послала,
Но она донть не хочет,
Отвечает ей словами:
«Никогда такая дева
Не возьмет коров за вымя,
Что с быками поиграли,
Молока же не бывает
У телят или у телки».

Жеребца отец запряг ей,
Но она на нем не едет.
Брат тогда привел кобылу,
А девица молвит слово:
«Не поеду на кобыле,
С жеребцом она играла,
Жеребенка запрягите,
Что лишь месяц как родился».

Марьятта, красотка-дочка,
Чистою жила девицей,
Кроткою, прекраснокудрой
И красавицей стыдливой,
Выгоняла стадо в поле,
За ягнятами ходила.

Раз на холм взошли ягнята,
Овцы на гору взобрались,
Дева ходит по поляне,
Между ольх в лесу играет,
А сребристая кукушка
Кличет, птичка золотая.

Марьятта, красотка-дочка,
Звуки слушая, уселась
На лугу, где много ягод,
На покатоги пригорка,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Кличь, кукушка золотая,
Пой, серебряная птичка,
Кличь ты, с грудкой оловянной,
Молви, ягодка-красотка!
Ты скажи: я долго ль буду
Незамужнею пастушкой
По лесным бродить полянам,
По просторам этой рощи!
Буду лето, буду два ли,
Пять лет буду или шесть лет,
Или десять лет, быть может,
Или ждать совсем недолго?»

Марьятта, красотка-дочка,
Долго уж была пастушкой.
Не сладка пастушья доля,
А особенно девице:
По земле ползут гадюки,
В травах ящериц довольно.
Но не ползают тут змеи,
В травах ящериц не видно —
Кличет ягодка с пригорка,
Слово молвила брусника:
«Ты сорви меня, девица,
Подбери меня, младая,
В оловянных украшениях,
С подпояскою из меди!
Или съест меня улитка,
Иль червяк проглотит черный,
Уж меня видали сотни,

Тут вот тысячи сидели,
Женщин тысяча, дев сотня
И большой толпою дети,
Но никто меня не тронул,
Не сорвал меня рукою».

Марьятта, красотка-дочка,
По тропе прошла немного,
Чтобы ягодку увидеть,
Выбрать красную со стебля,
Выбрать кончиками пальцев,
Нежными сорвать руками.
Видит — ягодка на горке,
На полянке та брусника:
И на ягодку похожа,
Но стоит как будто странно,—
Братъ с земли — высоко слишком,
С дерева — так слишком низко!
Прутик тут взяла девица,
Сбила ягодку на землю.
Прыгнула с земли брусника
На башмак ее прекрасный,
С башмака она вскочила
К ней на чистое колено,
С чистого ее колена
На оборочку от платья.
Прыгнула потом на пояс,
С пояса на грудь девицы,
А с груди на подбородок,
С подбородка прямо в губы;
А оттуда в рот скользнула,
На язык там покатилась,
С языка же прямо в горло
И затем прошла в желудок.
Марьятта, красотка-дочка,
От нее затяжелела,

Понесла от той брусники,
Полной сделалась утроба.
Одевалась без шнурочка
И без пояса ходила,
Удалялась тайно в баню,
В темноте там укрывалась.

Мать раздумывала часто,
Размышляла так старуха:
«Что-то с Марьяттой случилось,
С милой курочкою нашей,
Что шнурка не надевает,
Что без пояса гуляет,
Что украдкой в баню ходит,
Укрывается во мраке?»
И сказал один ребенок,
Он слова такие молвил:
«Видно, с Марьяттой случилось
Оттого такое горе,
Что бедняжка очень долго
Прожила со стадом в поле».
И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью
Так семь месяцев и восемь,
Девять месяцев носила,
По расчету старых женщин —
Даже девять с половиной.

Так как в месяце десятом
Дева вовсе заболела,
Отвердело вовсе чрево
И томило деву мукой.
Просит мать устроить баню:
«Мать моя ты дорогая!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,

Чтоб могла я на свободе
Там избавиться от болей!»
Мать промолвила ей слово,
Так ответила старуха:
«Прочь уйди, блудница Хийси!
Отвечай мне, с кем лежала?
Холостой ли он мужчина,
Молодец ли он женатый?»

арьятта, красотка-дочка,
Ей в ответ сказала слово:
«Не была я с неженатым,
Ни с женатым я не зналась.
А пошла я на пригорок
И хочу сорвать бруснику.
Вижу — будто бы брусника,
На язык ее взяла я.
В горло мне она скользнула,
Проскочила в мой желудок:
От нее отяжелела,
Полноту я получила».

Так отца о бане просит:
«Дорогой отец любимый!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку!»

й отец промолвил слово.
Старый ей тогда ответил:
«Уходи ты прочь, блудница,
Ты, презренная, подальше,
На утес, в жилье медвежье,
К ворчуну в его пещеру.
Там родить, блудница, можешь,
Там погибнешь ты, дрянная!»

Марьятта, красотка-дочка,
Слово мудрое сказала:
«Я нисколько не блудница,
Не презренная нисколько.
Но великого героя,
Благородного рожу я,
Даже сильного сразит он
Вяйнямёйнена седого».

Дева бедная не знает,
Где, в какую дверь стучаться,
У кого просить ей баню?
Говорит слова такие:
«Пилтти, девочка-малютка,
Ты всех лучше из служанок!
Попроси в деревне баню,
Баню у речушки Сары,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку!
Ты беги, помчись быстрее,
Это нужно очень скоро!»

Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
«Но кого просить я буду,
У кого искать подмоги?»
Молвит Марьятта служанке,
Говорит слова такие:
«Прямо к Руотусу отправься,
Где впадает речка Сара!»
Пилтти, девочка-малютка,
Тем словам ее внимает,
И без просьб она готова
И скоро без приказанья,
Точно пар, она выходит
И, как дым, на двор стремится,
Подбирает свой передник,

Платье верхнее руками,
Побежала скорым шагом,
Прямо к Руотусу помчалась.
Затряслись от бега горы,
И качались тут пригорки,
Шишки по пескам скакали,
Камни скачут по болоту.
Вот и к Руотусу приходит
И вошла в его жилище.

тот Руотус безобразный
Ест и пьет с большою спесью,
За столом сидит в рубашке
Из льняной отличной ткани.

Так сказал он за обедом,
Опершись на скатерть гордо:
«Что, негодная, ты скажешь?
Ты откуда прибежала?»

Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
«Я пришла просить о бане,
Баню я ищу у речки,
Где б покой нашла бедняжка,
Где б была несчастной помощь».

Тут жена его приходит,
Упершись в бока руками,
Переваливаясь, ходит,
Посредине пола стала
И расспросы начинает,
Говорит слова такие:
«Для кого ты баню просишь,
Для кого подмоги ищешь?»

Пилтти, девочка, сказала:
«Я для Марьятты прошу вас!»
И ответила старуха,
Руотуса жена дурная:

«Нету бани здесь на речке,
Для чужой у нас нет бани.
Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет:
Лошадь там надышит пару,
В том пару вы и попарьтесь».

Нилтти, девочка-малютка,
Поспешила возвратиться,
Что есть силы побежала,
Прибежавши, так сказала:
«Не нашлось в деревне бани,
Не нашлось у речки Сары,
Мне та Руотуса хозяинка
Слово молвила такое:
«Нету бани здесь на речке,
Для чужой у нас нет бани.
Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет:
Лошадь там надышит пару,
В том пару вы и попарьтесь!»
Так сказала эта злая,
Так она мне отвечала».

Марьятта, малютка-дева,
Начинает горько плакать.
Говорит слова такие:
«Вот должна теперь идти я,
Как поденщица какая,
Как наемная рабыня,
На спаленную поляну,
На траву в лесу сосновом!»

Вот берет руками платье,
Подбирает край подола
И несет в руках метелку,
Веником живот прикрывши.
Так идет она поспешно,
При жестоких муках чрева,
В темный хлев в лесу сосновом,
В домик Тапио на горке.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Снизойди, творец, на помощь,
Милосердный, будь защитой
В этом очень трудном деле,
В этот час, такой тяжелый!
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева,
Чтоб от болей ей не сгннуть,
От мучений не скончаться!»
И, когда дошла до места,
Говорит слова такие:
«Надыши, конек мой милый,
Надыши, моя лошадка,
Сделай теплый пар, как в бане,
Теплоты побольше дай мне,
Чтоб покой нашла бедняжка,
Чтоб была несчастной помощь».

адышал конек тот добрый,
Надышал тот жеребенок
На страдающее чрево:
И, когда дышала лошадь,
Стало жарко, словно в бане,
И пары сгустились в капли.
Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Покупалась там довольно,

В том тепле омыла чрево.
Родила на свет сыночка,
И невинного младенца
К лошади кладет на сено,
В ясли к ней, прекрасногровой.

затем сына обмыла
И з пеленки спеленала
Положила на колени,
На своем укрыла лоне.
Скрыла милого сыночка
И питала дорогого,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый.
На руках своих кормила,
На руках своих качала.
Положила на колени,
На своем укрыла лоне,
Начала головку гладить
И волосики чесала.
Вдруг исчез с колен ребенок,
Вдруг пропал тот мальчик с лона.
Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Собралась искать ребенка,
Сына милого, родного,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый.
И под жерновом глядела,
Под полозьями у санок,
И под грохотом искала,
Посмотрела под ушатом,
Меж деревьев, между злаков,
Травы мягкие раздвинув.
Долго, долго ищет сына,
Ищет милого сыночка.

На горах и в роще ищет,
На песках, в полянах смотрит,
Смотрит каждый там цветочек,
Разрывает каждый кустик,
Можжевельник рвет с корнями,
У деревьев ломит ветки.

Обралась искать и дальше,
Отправляется поспешно:
Ей звезда идет навстречу.
Перед звездой она склонилась:
«Ты, звезда, создание божье!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой миленький остался,
Это яблочко золотое?»

Так звезда ей отвечает:
«Если б знала, не сказала б.
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
Я на холоде блистала,
В темноте бы я мерцала».

Собралась идти подальше,
Отправляется поспешно:
Месяц ей идет навстречу.
Перед месяцем склонилась:
«Месяц, ты, создание божье!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко золотое?»

Говорит в ответ ей месяц:
«Если б знал, так не сказал бы,
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
По ночам ходил я стражем,
А в течение дня я спал бы».

Собралась идти подальше,
Отправляется поспешно:
Солнце ей идет навстречу.
Солнцу дева поклонилась:
«Солнце, созданное богом!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой миленький остался,
Это яблочко золотое?»

удро солнце отвечает:
«Знаю я сынка девицы!
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы я по дням прекрасным
В светлом золоте ходило,
Серебром блистало чудным.
Знаю милого малютку!
Твоего сынка, бедняжка!
Вот где твой сынок-малютка,
Это яблочко золотое,
Он увяз по пояс в топях,
Он в песке увяз по плечи».
Марьятта, малютка-дева,
Ищет сына по болоту,
Там в болоте и находит
И домой сынка приносит.
Вырос Марьятты сыночек,
Вырос мальчиком прекрасным.
Как назвать его, не знали,
Рос без имени малютка.
Мать звала его цветочком,
А чужие звали праздным.

крестить его хотели,
Окропить его водою.
Для крещенья прибыл старец,
Для моленья Вироканнас.

И промолвил старец слово,
Сам сказал такие речи:
«Бедный мальчик заколдован,
Я крестить его не стану,
Прежде чем его осмотрят,
И осмотрят и одобрят».

Кто же мальчика осмотрит,
Кто осмотрит и одобрит?
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Осмотреть его приходит,
Осмотреть его, одобрить!
Старый, верный Вяйнямёйнен
Приговор свой изрекает:
«Так как сын в болоте найден
И от ягоды явился,
То он должен быть оставлен
На лугу, где много ягод,
Или пусть ему в болоте
Разобьют головку палкой!»

Полумесячный ребенок,
Двухнедельный так промолвил:
«О ты, старец безрассудный,
Безрассудный старец, слабый,
Приговор изрек ты глупо,
Объяснил законы ложно!
Ты за большие проступки,
За дела глупее этих
Отведен в болото не был,
Головы ты не лишился,
А пожертвовал когда-то
Твоей матери дитятей,
Чтобы жизнь свою спасти им,
Чтоб себя от бед избавить.

Отведен тогда ты не был,
Да и позже, на болото,
А ведь в молодости давней
Заставлял девиц топиться
В глубине морских потоков,
В черном иле дна морского».
Крестит мальчика тот старец
И дитя благословляет:
«Карьялы король да будешь,
Власти всей ее носитель!»

Рассердился Вяйнямйнен,
Рассердился, устыдился,
Собрался идти оттуда
И идет на берег моря.
Распеваает громогласно,
Там в последний раз запел он:
Пеньем медный челн он сделал,
В медь окованную лодку.
На корме челна уселся,
В море выехал оттуда
И сказал он при отъезде,
Так промолвил на прощанье:
«Вот исчезнет это время,
Дни пройдут и дни настанут,
Я опять здесь нужен буду,
Ждать, искать меня здесь будут,
Чтоб я вновь устроил Сампо,
Сделал короб многострунный,
Вновь пустил на небо месяц,
Солнцу снова дал свободу:
Ведь без месяца и солнца
Радость в мире невозможна».
Едет старый Вяйнямйнен,
Едет с парусом шуршащим
На челне, обитом медью.

На богатой медью лодке,
Едет он туда, где вместе
Сходятся земля и небо.
Там пристал с своею лодкой,
С челноком остановился.
Только кантеле оставил,
Суоми чудную усладу,
Радость вечную — народу,
Своим детям — свое пенье.

уста теперь закрою,
Завяжу язык свой крепко,
Прекращу я эту песню,
Распевать не буду больше.
Отдыхать должны и кони,
Если много пробежали,
И само железо слабнет,
Покосивши летней травки,
Опускаются и воды,
Коль бегут они рекою,
И огонь погаснуть должен,
Коль пылал он долго ночью
Почему ж напев не должен,
Не должна ослабнуть песня.
Если пелась целый вечер,
С самого заката солнца?

Так, я слышал, говорили,
Очень часто повторяли:
«Водопад, и тот в паденье
Не всю воду выливает,
Точно так же песнопевец
Не споев всех песен сразу.

Лучше во-время их кончить,
Чем прервать на середине».
Так бросая, так кончая,
Заключая, оставляя,
Я в клубок мотаю песни,
Их в одну вяжу я связку,
Как запас, в амбар слагаю,
За замок из крепкой кости,
Не уйдут они оттуда
Никогда в течение жизни,
Коль замок не будет отперт,
Коли кость не отомкнется,
Не разжаты будут зубы
И язык не повернется.

то бы было, если б пел я,
Распевал я очень много,
Пел бы я в долине каждой,
Пел бы в каждой синей роще!
Мать моя уже скончалась,
На земле уж нет старушки,
Золотая уж не слышит,
Дорогая уж не внимлет:
Здесь меня лишь сосны слышат,
Ветви ели мне внимают,
Клонятся ко мне березы
Да приветствуют рябины.

ать меня еще ребенком
Здесь покинула, родная,
Я как жаворонок вырос,
На камнях как дрозд остался,
Чтобы жаворонком пел я,
Щебетал дроздом в лесочке,
Под надзором у чужой мне
И под мачехиной лаской.

Прогнала она бедняжку,
Нелюбимого ребенка,
К той стене, где дует ветер,
К стенке северной жилища,
Чтоб сгубил жестокий ветер
Беззащитного ребенка.

как жаворонок вышел,
Я блуждал, бедняжка, птичкой,
Я с трудом едва влачился.
Тихо шел своей дорогой,
И узнал я всякий ветер,
Познакомился я с бурей,
Стал дрожать я на морозе,
Научился плакать в стужу.

Нахожу теперь я многих,
Часто я людей встречаю,
Что меня ругают злобно
И меня словами колют,
За язык мой проклинают,
Заглушают криком голос;
Говорят, что я трещу лишь,
Что мое не нужно пенье,
Что пою я часто плохо
И не знаю лучших песен.

юди добрые, прошу вас,
Не сочтите это странным,
Что пою я, как ребенок,
Щебечу я, как малютка!
Не был отдан я в ученье,
У мужей могучих не был,
Слов чужих не приобрел я,
Не принес речей с чужбины.
Ведь другие обучались,
Я ж не мог уйти из дома —

Бросить матушку родную,
С ней одной я оставался.
Я учился только дома
За своим родным забором,
Где родимой прялка пела,
Стружкой пел рубанок брата.
Я ж совсем еще ребенком
Бегал в рваной рубашонке.

Как бы ни было, а все же
Проложил певцам лыжню я,
Я в лесу раздвинул ветки,
Прорубил тропинку в чаще,
Выход к будущему дал я,—
И тропиночка открылась
Для певцов, кто петь способен,
Тех, кто песнями богаче
Меж растущей молодежью,
В восходящем поколеньи.

СОДЕРЖАНИЕ

Руна двадцать шестая	5
Руна двадцать седьмая	31
Руна двадцать восьмая	47
Руна двадцать девятая	59
Руна тридцатая	79
Руна тридцать первая	97
Руна тридцать вторая	111
Руна тридцать третья	129
Руна тридцать четвертая	141
Руна тридцать пятая	151
Руна тридцать шестая	165
Руна тридцать седьмая	179
Руна тридцать восьмая	189
Руна тридцать девятая	201
Руна сороковая	217
Руна сорок первая	229
Руна сорок вторая	239

Руна сорок третья	259
Руна сорок четвертая	275
Руна сорок пятая	287
Руна сорок шестая	301
Руна сорок седьмая	323
Руна сорок восьмая	337
Руна сорок девятая	351
Руна пятидесятая	367

КАЛЕВАЛА

Карело-финский народный эпос
Руны 26—50

Редактор О. А. Петтинен
Художественный редактор
Л. Н. Дегтярев
Технические редакторы
С. М. Паль, Л. В. Шевченко
Корректор Э. Г. Растатурина

ИБ № 345

Сдано в набор 28/VI 1977 г. Под-
писано к печати 31 I 1978 г. Бума-
га 84×108^{1/4}. Офс. № 1, 10,29 усл.
печ. л., 16,49 уч.-изд. л. Изд.
№ 118. Тираж 25 000. Заказ 2837.
Цена 2 руб. 10 коп.

Издательство «Карелия». Пет-
розаводск, пл. им. В. И. Ле-
нина, 1. Типография им. Ано-
хина Управления по делам
издательств, полиграфии и
книжной торговли Совета Ми-
нистров Карельской АССР
г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

К $\frac{70700-016}{M127(03)-78}$ 40—78